

A blue-toned photograph of a polar bear walking across a snowy, rocky landscape. The bear is in the center, moving from left to right. The background shows a vast, open, and somewhat desolate environment with scattered rocks and patches of snow.

А.И. Кузнецов

**Полярный
дневник**

А.И.Кузнецов

Полярный дневник

Описание злключения
во льдах Арктического бассейна
трех полярников, волею судьбы
заброшенных на необитаемый
ледовый остров

М.Г.Александрова.

Почетный гражданин города, член лесного Союза писателей



Автор выражает глубокую благодарность генеральному директору фирмы «Кирбет» Харитонову Сергею Семеновичу, директору предприятия «Миксма» Степанову Сергею Владимировичу за оказанную спонсорскую помощь, а также председателю совета ветеранов войны и труда Раменского района Архангельского Александру Петровичу и почетному гражданину г.Раменское писателю-краеведу Аверьяновой Марии Григорьевне за моральную поддержку и активное участие в издании данного сборника.

Автор также выражает искреннюю благодарность председателю комиссии по работе с молодежью Цвиринской Людмиле Николаевне и директору Центральной районной библиотеки Потаповой Надежде Васильевне за своевременно оказанную помощь.

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Кысильев' with a horizontal line at the end.

Уважаемые читатели!

За повседневными делами и заботами мы часто не придаем должного значения своим и окружающих нас людей поступкам, проходим мимо ярких, порой героических подвигов. В данном случае примером служит личность Александра Ивановича Кузнецова, внесшего в течение пяти лет свою лепту в освоение Арктики, и не только работавшего в суровых условиях, но и совершившего там Полярную Одиссею.

Обычный сельский мальчик (родился в 1930 году в окраинной нашей деревне Сельвачево) с детства мечтал побывать на дальнем суровом Севере, и его мечта сбылась после окончания спецкурсов полярных работников Главсевморпути, где он получил редкую специальность гидрометеоролога.

В мае-июне 1950 года с группой молодых специалистов через Владивосток он был переправлен в Восточный сектор Арктики для работы на полярной станции, где и трудился с энтузиазмом до тех пор, пока его вместе с двумя товарищами и упряжкой собак не унесло на оторвавшейся от припая льдине в открытое море. Более двух месяцев отважные полярники провели среди дрейфующих льдов Восточно-Сибирского моря, пока их льдину не прибило к небольшому острову, большая часть которого находилась подо льдом. На их счастье, здесь была безлюдная, законсервированная полярная станция, на которой они нашли все необходимое для долгих месяцев зимовки. Ежедневно и ежечасно шла борьба за жизнь и здоровье. Чтобы освободиться из ледового плена, полярные робинзоны тщательно готовились к переходу на материк, до которого надо было пройти по дрейфующим льдам не менее тысячи километров...

Обо всем этом и многом другом писал Александр Иванович в своем дневнике в тех далеких 1951-1952 годах, и о существовании которого, по его признаниям, он забыл, так как, возвратившись в наши края, был очень загружен: работал председателем сельского совета, директором школы, управляющим и секретарем парткома в совхозе, затем трудился в научно-исследовательском институте, защитил диссертацию кандидата экономических наук. И только выйдя на пенсию, уже проживая в городе Раменское, он стал писать воспоминания по следам своих дневниковых записей.

Повесть читается легко, с захватывающим интересом, раскрывает многие возможности человеческой силы воли и мужества в сложнейших жизненных ситуациях, что безусловно может служить примером для нашей молодежи, которой предстоит жить в сложных условиях современной действительности и покорять новые высоты в двадцать первом веке.

*М.Г Аверьянова,
Почетный гражданин города, член местного Союза писателей*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды, разбирая свой архив, я обнаружил сильно потрепанные самодельные тетради. Это был мой дневник полувековой давности. Я думал, что он утерян и, признаться, забыл про него. Когда учился и работал, было не до стародавних дневников и прочих записей: пошел на пенсию - работы и забот не убавилось.

В то давнее время я работал в Арктике гидрометеорологом, и все записи при наблюдениях в полевых документах заполнялись химическим карандашом. Тогда не было шариковых ручек, и свой дневник я вел также карандашом. И вот я с трудом читаю полуистершиеся и выцветшие от времени слова на некачественной, пожелтевшей по краям бумаге. Нередко я сокращал слова (была такая привычка: писать быстро и полусловами, но впоследствии я от нее избавился), и некоторые из них прочитать было затруднительно, порой невозможно, так что если бы эти записи пришлось кому-то читать, то не везде и разобрался бы в них. Я решил переписать его, а после частичной обработки перепечатать на пишущей машинке. Обработка же заключается в восстановлении по смыслу предложений из-за неразборчивых слов и фраз, в некоторой литературной подработке. Конечно, это будет не подлинник, но меня это не огорчает: писал я для себя и своих близких, мне ценны воспоминания о моем суровом прошлом. А эти полуистлевшие, с полуразборчивым текстом листки можно и выбросить.

Предварительно хочу сказать о сути тех событий. Теперь они «дела давно минувших дней». В конце мая **1950** года после окончания спецкурсов полярных работников нас, группу ребят-полярников, срочно направили через Владивосток в восточный сектор Арктики. Готовили по сжатой и усиленной программе (радисты и гидрометеорологи). Курсанты, которые должны работать в западном секторе Арктики («западники») в это время продолжали учебу.

Первая моя зимовка проходила на полярной станции, «остров Четырехстолбовой», на одноименном острове в составе Медвежьего Архипелага, расположенном в Восточно-Сибирском море. На станции работали 14 человек: гидрометеорологи, аэрологи, радисты, актинометрист, механики, повар и начальник станции.

Каждый год в начале весны гидрометеорологи должны делать ледовый разрез. Так было и в тот злополучный для меня и моих товарищей 1951 год, когда в конце марта на полярную станцию пришло срочное задание: в десятидневный срок сделать сквозной ледовый разрез к северу от острова. Сквозной - значит до кромки ледяного припая, до самой воды. Попутно сообщили, что кромка льда находится от станции приблизительно в 50 километрах. Пятьдесят километров в основном торосистого и труднопроходимого льда. Это, примерно, до полусотни вручную пробуренных лунок в двухметровой толще льда, столько же определений солености и температуры воды, замеров плотности и высоты снежного покрова, измерений температуры воздуха, направления ветра, визуальных определений бальности торосистости льда.

На станции работали три гидрометеоролога. На ледовый разрез отправлялись я (за старшего), Виктор Пысин - метеоролог и рабочий-газогенераторщик Николай Осипович Данилов (по национальности якут). Начальник станции (по профессии метеоролог) обещал помочь вести метеонаблюдения за время нашего отсутствия. Планировали обернуться с рабочей поездкой за 5-6 дней. У нас была хорошая упряжка из десяти рослых колымских собак, но и груз был приличный - до трехсот килограммов. Кроме оборудования, оружия и продовольствия мы захватили с собой небольшую брезентовую палатку, дрова и керосин. Продовольствия взяли на 9-10 дней.

В то время мне и Виктору Пысину было по 21 году, Данилову или Данилычу (так его все звали на полярке) перевалило за 40. На станции он обслуживал аэрологов - готовил к запуску шары-зонды, был опытным охотником и каюром. Для нашей экспедиции такой человек был просто

незаменим.

Погода благоприятствовала нам - облачность высокая, нередко выглядывало солнце, температура воздуха не опускалась ниже 20 градусов, и было сравнительно тихо.

Настроение у нас было бодрое, под стать погоде. Но погода в Арктике обманчивая, буквально в течение нескольких часов штиль может смениться на шторм. И я вспоминаю разговор с начальником станции Василием Петровичем Бучиным накануне нашего отъезда.

- Жаль, что нет у нас переносной радиостанции. Пригодилась бы вам, а то кто знает, как еще погода поведет себя, - говорил он, и в его голосе чувствовалась тревога и за нас.

- Обойдемся без радиостанции. Все будет хорошо. Дней через пять вернемся, - говорю ему.

- Я надеюсь, но все же, Саша, будь благоразумен и не рискуй зря. В случае пурги или сильного торошения, или других непредвиденных тяжелых обстоятельств - поворачивайте назад.

Так меня напутствовал наш добрый начальник. А я... рискнул...

ДНЕВНИКИ

1951 год

2 апреля.

Выехали рано, в лучах утренней зари. Почти полчаса ехали вдоль острова, ехали споро по хорошо наезженной дороге, называемой «Столбовой дорожкой». По ней иногда проезжал Данилыч осматривать свои охотничьи угодья, но чаще ребята, выпросив у Данилыча упряжку, прокатывались в виде прогулки по этой безухабистой стежке-дорожке. Василий Петрович поощрял такие прогулки, дескать, пусть ребята развеют свою «грусть-тоску». Данилыч отказывал нам только в одном случае: если собаки сильно устали, - своих четвероногих друзей он жалел, тогда он бывал неумолим.

Сразу же за островом начались поперечные гряды торосов. Данилычу эти места знакомы - здесь его охотничьи угодья, и он легко отыскивал лазейки между торосами, умело правил упряжкой. Я и Виктор шли, а иногда трусцой бежали за нартой.

Первую остановку, иначе, рабочую станцию ледового разреза, сделали в километре от острова. Дальше мы такие станции делали через каждые 600-800 метров по пересеченному, торосистому полю, а по ровному - через 1,5-2 километра. Работу распределили так: Виктор с Данилы - чем бурят лед, затем замеряют его толщину, определяют температуру и соленость воды. В это время я при помощи снегомера определяю высоту и плотность снегового покрова, делаю описание окружающей местности. Четыре раза в сутки я определяю температуру и влажность воздуха.

За день мы сделали 15 станций и прошли не менее 20 километров. Здорово устали. После работы установили палатку, поели и попили чаю, накормили собак и - спать. Виктор с Данилычем уже снят в своих спальных мешках, Данилыч даже слегка похрапывает, а в но г сию с дневником, пишу. Это у меня дополнительная работа, работа для себя.

Самое яркое впечатление на нас произвела первая рабочая станция. Мы с ней управились за 20 минут. Лед здесь оказался двухметровой толщины, но хорошо отлаженным острым буром ребята его прошли за 20 минут.

В это время всходило солнце. Большое, искрящееся и лучезарное, оно торжественно выплывало из-за торосов, из неведомого далека, и каждая льдина, большая и малая, засветилась радостным разноцветьем, в котором преобладал золотой цвет; казалось, на необозримом пространстве не гряды и глыбы льда, а горы огромных алмазов. Видно было, как солнце заливало остров, прямой наводкой лучами ударило по отвесным базальтовым скалам, и они, казавшиеся до этой минуты мрачными, недоступными, словно вдруг озарились улыбкой - светлые блики потекли по черному телу острова. И сразу весь остров преобразился - теперь он похож на огромный храм в праздничный день, казалось, что сейчас оттуда послышится торжественный колокольный звон или польются зовущие звуки мифической трубы.

А солнце вот уже оторвалось от горизонта и словно уменьшилось в размере, но такое же сияющее и горячее, набирая высоту, медленно покатило по безоблачному небу, заливая землю теплым живительным светом и словно говорило, нет, торжественно возвещало: «Я - Солнце, дающее всем жизнь! Все живое на земле славит меня, и я славлю все живое. Живите люди, живите звери и птицы, живите все твари - я для всех нужно, всем одинаково отдаю свои живительные свет и тепло! Хороша жизнь, когда я на небе! Славьте жизнь, она достойна этого!»

Наверное, примерно так думал каждый из нас, молча стоявших здесь и замороженно наблюдавших за восходящим солнцем и преобразившейся окрестностью.

- Хорошо-то как! - с умилением произнес Данилыч, не отрывая восхищенного взгляда от блестящего позолотой острова.

- Пока еще нет художника, который бы достойно отразил эту красоту, - Виктор Пысин, казалось, не дышал и тоже восхищенно смотрел на алмазные торосы.

Меня тоже тронула красота ото го чудесного утра, и я оказал:
- Придет время будут такие художники, как Левитан, Тургенев или даже Лев Толстой. Они но достоинству прославят Арктику, а теперь, ребята, в путь. Солнце уже встает, вон как вверх поползло!

Мы тронулись вперед к ближайшим торосам.

3 апреля.

Утром Данилыч поднял нас в шесть часов. Сам он встал значительно раньше. К нашему подъему он успел накормить собак и приготовить завтрак на примусе, растопить снег для умывания. Обязанности повара добровольно взял на себя Данилыч, этот безотказный и практичный в жизни человек.

- Вставайте, парни, завтрак готов, и работа ждет. Кто много спит, тот мало живет, - приговаривал Николай Осипович, подергивая наши спальные мешки.

Из-за дневника ложился я спать довольно поздно и спал беспокойно от холодного воздуха. Окунешься с головой в спальный мешок - душно, освободишь голову (спим в шапках) - начинает мерзнуть лицо. Мороз-то 18 градусов. Ближе к утру приспособился, оставил небольшую отдушину в мешке и крепко уснул.

Утро было такое же солнечное и лучезарное, как и вчера. И светило почти до вечера. Ближе к вечеру с востока надвинулись плотные облака нижнего яруса и закрыли солнце. Днем температура воздуха повысилась до минус 12 градусов, и такая же сейчас, вечером. Мягкая погода.

Сегодня славно поработали - сделали 20 станций. Средняя толщина льда превышает два метра. Торосы чередуются с неширокими ровными снежными полями. Вот и сейчас, преодолев несколько труднопроходимых, почти сомкнувшихся гряд торосов, мы остановились на ночлег перед огромным снежным полем шириною не менее двух километров. За ним, словно горы, возвышаются торосы. Дальше к северу, ближе к небосклону, темнеет небо. Там должна быть вода. Возможно, завтра мы закончим ледовый разрез.

5 апреля.

О, ужас!! Нас оторвало! Сейчас мы находимся на огромном ледяном поле, которое движется в северном направлении, все дальше удаляясь от коренного припая. Как такое произошло? Расскажу все по порядку.

Спали хорошо, крепким здоровым сном. Но ближе к утру, перед рассветом стали выть собаки. Они разбудили нас. Данилычу пришлось вылезти из своего мешка, чтобы успокоить собак. При нем собаки скулили и вели себя беспокойно. В чем дело? Если бы поблизости шастал медведь, то собаки лаяли и рвались бы к нему. Их беспокоило что-то другое. Правда, иногда слышались странные звуки, словно где стреляли: то глухие - в отдалении, то громкие и резкие - поблизости. Так лопается лед, и появляются трещины на нем. Море словно живой организм и по-своему постоянно дышит. Приливы сменяются отливами даже зимой, подо льдом. Происходит сжатие и торошение льда. Во время сильных приливов лед разрывается, образуются трещины, которые иногда тянутся на много километров.

С утра с юга потянул свежий ветерок. Мы не обратили на это внимания, занимались своим делом. За полдня выполнили девять станций. В полдень перекусили, немного отдохнули и снова за работу. Впереди, казалось, совсем близко было видно черное небо, иначе, «водное поле», Значит, там была открытая вода. Наша работа близилась к концу.

Резко уменьшилась толщина льда. Теперь она не превышала 120 сантиметров. Значит, под нами был более поздний припай, сравнительно молодой лед. На пути встречались небольшие трещины на льду. Одна трещина нас насторожила: она протянулась с запада на восток шириною пять-шесть сантиметров. Тут Данилыч сказал мне: - Саша, дальше идти опасно. Эта трещина нехорошая, коварная. Здесь может развести лед, разводье будет. Ветер- то в спину нам, с материка. Опасный ветер.

Я понимал тревогу Данилыча, но открытое море бы-

ло совсем рядом, осталось пройти каких-нибудь три-четыре километра - мы уже чувствовали его по влажности воздуха. И я стал убеждать Данилыча и противном, что, дескать, за два или два с половиной часа мы обернемся и возвратимся назад, к этой трещине, и что за это время страшного ничего не случится, и что ветер пусть и упругий, но не сильный, всего 10-12 метров в секунду - он с утра такой дует... Меня поддержал Виктор. Уж так вам хотелось побывать у открытой воды, взглянуть на живое море!

- Ты у нас старший, Саша, тебе и решать. Будем надеяться на благополучный исход, - сдался Данилов.

- Будем считать, что ледовый разрез мы закончили, задание выполнено. Разгружаем нарту и к кромке припая едем налегке, - сказал я ребятам. Так и сделали.

Но мы несколько просчитались: до открытой воды было не три-четыре километра, как предполагали, а, приблизительно, пять-шесть, и торосистость была приличная. На эту «прогулку к морю» мы затратили полтора часа.

Вот оно открытое море. По поверхности гуляли невысокие волны, на гребнях волн - белые барашки. Воздух влажный со своеобразным морским запахом. Холодное море. Какое-то чужое, враждебное. И страшное, если разбушуется. Вдали, по северному горизонту, видны сплошные торосистые льды, ледяные поля. Выходит, перед нами было не открытое свободное море, а огромная полынья, которая в любое время может исчезнуть, закрыться плавающим льдом.

Я хотел было записать в рабочий журнал визуальные наблюдения, но Данилыч стал торопить меня.

- Потом все опишешь, Саша, нам надо спешить. Ветер крепчает.

Действительно, ветер заметно усилился. Мы заспешили назад, не пробыв у воды и четверти часа. Ветер крепчал с каждой минутой. Тревожно было на душе. Мы торопились, но продвигались довольно медленно: сказывалась усталость. Устали и собаки. Когда перевалили последнюю гряду торосов - ужаснулись: на месте трещины была видна черная полоса воды. Подъезжаем к своим вещам - перед нами полынья шириною метров шесть-семь.

Что делать? Виктор предложил через полынью переплыть, предварительно перебросив необходимые в дороге вещи. Я согласился с Виктором, но с поправкой. Быстро перебрасываем через разводье полешки дров, а их немного, и бур. Остальные вещи упакуем в спальные мешки, завертываем в плащпалатку и на нарту. К нарте привязываем веревку- бечеву и ставим ее на край льдины. В нижнем белье, а лучше нагишом, быстро переплываем разводье и сразу же вытягиваем грузеную нарту. Развертываем груз, быстро одеваемся и разводим костер. На эту процедуру уйдет не больше пяти минут, а за это время мы не успеем окоченеть. На этот случай у нас есть НЗ - бутылка спирта. Конечно, тяжело и очень неприятно плыть в ледяной воде, но другого выхода у нас нет.

Но Данилыч забраковал мой план. - Во-первых, я не умею плавать, - обескуражил он нас. - Во-вторых, стронем нарту с грузом в воду - она сразу пойдет ко дну; когда будем вытаскивать, может оборваться бечевка. И мы останемся на льду нагишом. В-третьих, собаки не пойдут в воду.

- Что же ты предлагаешь?

- Я предлагаю перебраться на ту сторону по сухому. Когда отрывается ледяное поле от основного льда, то его разводит, то есть один край отходит, а другой упирается в припай. Нам надо определить этот край.

Мы решили, что нашу льдину разводит с западной стороны, и, захватив с собой самое необходимое, мы двинулись вдоль разводья на восток. Разводье тянулось по ровному полю, но собаки еле плелись, с трудом тащили нарту. Они очень устали, как и мы. К тому же дул очень сильный и холодный ветер. Метеорологи сидели на нарте, каюр шел рядом. Данилыч был выносливее нас.

Проехав с полчаса в восточном направлении, мы наконец убедились, что едем неправильно. Разводье расширилось на глазах, и небо впереди было черное. Повернули назад. Когда дотащились до места, где мы оставили часть груза, сделали пятиминутную передышку. В этом месте разводье было вдвое шире прежнего, и теперь переправиться через него вплавь не могло быть и речи. Была

слабая надежда на западную сторону, и мы двинулись туда. Но скоро разводье свернуло вправо и пошло по торосам. Наш путь преграждали мощные гряды торосов, преодолеть которые мы уже не могли. Собаки валились с ног от усталости. Пришлось вернуться.

Ветер достиг ураганной силы. На месте груза лежал только металлический бур; дрова и палатка отнесены ветром к ближайшим торосам. Среди торосов мы отыскивали место, где было значительно тише от ветра, с большим трудом установили и закрепили палатку и, не разжигая огня, вскрыли по банке мороженой тушенки, наспех поели и залезли в спальные мешки. А Данилычу еще нужно было накормить собак. Когда каюр закончил свое дело, метеорологи спали.

Ночью мы проснулись от сильного шума и грохота. Палатка наша трепетала и хлопала от неистовых порывов ветра. Где-то рядом очень громко скрипело, скрежетало и бухало - шло интенсивное торошение, с грохотом ломался лед. Мы освободились от спальных мешков и стали решать, что нам предпринять. Находиться среди торосов было опасно, но здесь была хоть какая-то защита от ветра, и палатка пока еще держалась. Выбраться на ровное, более безопасное место, но там нам долго не продержаться под ураганным ветром. Решили пока оставаться, где находились, но быть начеку. Привязанные к потягу собаки тоже бодрствовали и беспокойно поскуливали. Было четыре часа утра. Темнота кромешная. Это перед рассветом. Скоро забрезжил рассвет. Мы не стали терять время, не стали завтракать, вывели собачью упряжку из торосов. Ветер гудел и мешал идти. Быстро светало. Разводье в ширину теперь достигало не менее 500-600 метров и к востоку еще больше расширялось. Но к западу, заметно было, оно несколько сужалось. Значит, там наше ледяное поле упирается в коренной лед, припай. Скорее вперед - на запад! Вчерашняя, ровная неширокая полоса вдоль разводья была местами сильно исторошена, и торошение продолжалось, видно было, как шевелились, вставали торчком льдины, громоздясь друг на друга.

Двигаться по такому льду было опасно, но нужно и надо было спешить, чего бы это ни стоило. И мы с опаской для жизни перебирались через живые гряды молодых торосов, если не было возможности их обойти. Вот и то место, где разводье отклонялось вправо, и откуда вчера мы повернули назад. Разводье стало значительно уже, ширина его здесь не превышала и двухсот метров. Это обрадовало нас. Крепла надежда, что мы наконец-то вырвемся из ледяного плена. Дорогу нам преграждали несколько гряд старого торосистого льда. Преодолев их, мы ужаснулись. Проклятье! Как же нам не повезло! И если действительно есть на свете Бог, то почему он так жестоко решил нас покарать?! Перед нами было другое, новое разводье шириною не менее 25-30 метров, которое почти под прямым углом отходило от разводья, вдоль которого мы двигались, и уходило в сторону моря, на север.

- Все. Приехали, ребята, - безнадежно сказал Данилыч, первым увидевший коварную полынью.

- Что же нам делать?! - громко, с отчаянием проговорил Виктор, и на глазах его выступили слезы.

- Не надо отчаиваться, Витя. Возьми себя в руки, - стараясь казаться спокойным, говорю товарищу, хотя я тоже был потрясен увиденным.

Начинался пасмурный апрельский день. По небу плыли низкие рыхлые сплошные облака, по востоку и северу, полукружьем небо было черное от водного поля. Торошение заканчивалось. Иногда где-то за полыньей среди припайного льда послышится скрежет или треск разламывающейся льдины, и снова все затихает. Слабел и ветер. Этот ветер, будь он трижды проклят, сделал свое дело: изолировал нас от человеческого общества, засадил нас в такую страшную тюрьму, какой и недругу не пожелаешь.

Мы стояли на своей льдине и молча смотрели на ту сторону, теперь недостижимое для нас ледяное соседнее поле, которое, теперь с уверенностью можно сказать, примыкало к припаю. Окажись мы на той стороне разводья, и наша жизнь пошла бы по другому руслу. По разводью ходили упругие волны в белых бараш-

ках и шлепками бились о ледяные берега. До нас долетали соленые брызги.

- Так что же будем делать, Николай Осипович? - нарушил я тягостное молчание. - Может, это разводье не доходит до большой воды и поля смыкаются?

- Вряд ли. Это разводье сквозное. А, впрочем, давай прокатимся вдоль него. Теперь нам спешить некуда.

Два часа пробивались мы сквозь торосы к открытому морю. И пробились. Разводье оказалось сквозным. Только теперь оно было значительно шире, метров до двухсот ширины. Наша льдина удалялась от кромки припая и несет нас куда-то в Ледовитый океан, куда - одному богу известно.

По 10-бальной шкале торосистость нашей плавучей льдины соответствовала, примерно, пяти баллам, и направление торосов было преимущественно с запада на восток. Используя открытые пространства между торосами, мы без особого труда переехали на восточный край льдины, отыскивали подходящее место для стоянки, установили палатку. В море открытой воды почти не было, откуда-то нагнало много плавучего льда. Отдельные льдины достигали несколько сот метров в поперечнике.

Ближе к вечеру каждый из нас занялся своими делами: я - за дневник, Данилыч поехал на южный берег льдины за оставленными нами дровами и буром, а Виктор забрался в спальный мешок: то ли спать, то ли думать горькую думу. Скорее всего, второе.

Ветер приутих, 12-13 метров в секунду, такой не страшен для нашего быта, для палатки нашей, но то, что он довольно быстро отгоняет нашу льдинку куда-то на север, - уже страшно.

6 апреля.

Проснулись рано, но долго молча лежали в своих спальных мешках-берлогах, и каждый думал о своем. Неопределенность, некоторая растерянность и страх, душевная боль... А что думать? Теперь уже ничего не придумаешь. Как спастись? Спасение в одном – взять себя в руки, мужественно и терпеливо ждать, что бу-

дет дальше, надеяться на случай... Люди попадали и в худшие ситуации. Правда, и наше положение не из лучших. Впереди ожидание, переживание, бездеятельность и голод, самый страшный фактор - голод. Наши продовольственные запасы на исходе. Что осталось - экономить, с сегодняшнего утра - на полуголодный паек. Экономить горючее. И не скулить. Противостоять суровой и капризной стихии, бороться за свою жизнь, бороться до конца.

Вот об этом мы и говорили утром за завтраком.

Днем осматривали свою льдину, в двух местах бурили. Толщина льда 85-90 см. Сравнительно молодой лед. Зона активного торошения, так что находиться на нем небезопасно. Но сейчас у нас нет возможности перейти на более устойчивый паковый лед.

7 апреля.

Сегодня или завтра, как предполагали, мы должны бы возвратиться на полярную станцию. Послезавтра будут о нас беспокоиться, и тревога будет возрастать с каждым днем. Пройдет еще несколько дней тревожного ожидания, и начальник станции пошлет на Шмидт, на имя начальника района, тревожную телеграмму. Вероятно, будет послан самолет на поиски.

Днем от нечего делать слонялись по льдине, больше около открытой воды. Несколько раз видели всплывавшую нерпу, я даже стрелял по одной, но напрасно. Сейчас весной убитая нерпа держится на плаву мину ту-другую, а затем тонет. Достать ее нет возможности. Нужна выброска, то есть деревянный, утыканный гвоздями колючий шар на длинной бечевке. Он забрасывается чуть дальше убитого зверя, цепляет его, и туша подтягивается к берегу. Кстати, Данилыч из полена что-то мастерит наподобие выброски. У него нашелся гвоздь, который он загоняет в полукруглую чурку, вытаскивает гвоздь и в отверстие протаскивает кусочек проволоки.

Вчера и сегодня питаемся впроголодь. И собаки на голодном пайке. Постарайся, Данилыч, выручай своей выброской. Сейчас нам позарез нужна убитая нерпа.

8 апреля.

Охотились на нерпу, но неудачно. Зверь чаще появлялся на поверхности на почтительном расстоянии и был недосыгаем для нашей выброски. Данилыч убил нерпу близко от берега (ледяного, не дальше 25-ти метров). Трижды забрасывал выброску: один раз не долет, дважды деревянная болванка падала около туши зверя, но не зацепила, и вскоре убитая нерпа скрылась под водой. Ближе к вечеру Виктор убил еще одну нерпу на почтительном расстоянии, метрах в пятидесяти от припая, за что Данилыч поругал охотника - зачем без пользы бить зверя.

Во второй половине дня появилось солнце, вскоре небо очистилось от облаков, ветра нет, температура воздуха минус 18 градусов - прекрасная погода.

А на душе тяжело. Тревожно.

9 апреля.

Подстрелили еще одну нерпу, и снова неудача. Она продержалась на поверхности воды меньше минуты и затонула. Нерпа любопытна, но и осторожна. После оглушительных выстрелов из карабинов зверь теперь показывает свою морду из воды на почтительном расстоянии от берега. На нерпу следует охотиться с малокалиберной винтовкой.

Ведем полуголодный образ жизни. Но пока держимся в норме. Собакам труднее. Когда мы поедаем свой скудный продукт, то прячемся от собак в палатку или за палатку. Но их трудно обмануть. В это время они скулят и повизгивают. Они тоже получают всего четверть суточного рациона.

Предполагаем, что наша льдина дрейфует в северо-восточном направлении. Вокруг нее со всех сторон плавучий лед. Теперь от берегового припая льдина ушла на десятки километров, и он едва просматривается в бинокль за плавучими льдами.

10 апреля.

Стоит чудесная погода. На чистом небе - лучезарное солнце. Оно пригревает и слепит. Пользуемся светозащитными очками. С охотой на нерпу ничего не получается. Да ее что-то меньше стало. Пока есть небольшой запас продуктов. А как кончится? Вся надежда на охоту. Постоянно хочется есть. Организм пока держится за счет ранее приобретенных «соцнакоплений».

Есть надежда, что нас будут искать и обнаружат. Сегодня мы присмотрели площадку для посадки самолета. Хорошая площадка. Завтра на ней поработаем, удалим неровности, посшибаем заструги.

Погода хорошая - тихая, солнечная, днем температура воздуха повышается до минус 16 градусов. Подольше бы постоила такая погода.

11 апреля.

Весь день проработали на льду, готовили посадочную площадку. На всякий случай. Снежные заструги стали как бы ледяными - так под воздействием ветра уплотнился снег.

Идет десятый день нашего пребывания во льдах. И, конечно, Василий Петрович забил тревогу, сообщил о нас на Шмидт. Должны же нас искать! Может, и так получится: пока в райцентре начальство раскачается, найдут самолет, а за него надо платить, начнут поиски с запозданием, а благоприятная погода ждать не будет. Сегодня она была солнечная и безветренная, но к вечеру на небе появились облака среднего яруса и уже закрыли полнеба. Резко снижается температура воздуха. Сейчас 9 часов вечера, термометр показывает 27 градуса ниже нуля.

12 апреля.

Утром температура воздуха понизилась до минус 34 градусов. С запада стал надвигаться туман, погода меняется. И весь день в тумане, видимость не превышает трехсот метров.

Ох, и тошно проводить время в бездействии, да еще голодны-

ми. А что поделаешь? Надо привыкать, свыкаться с этим.

13 апреля.

Весь день туман. Небо не видно. Температура воздуха в полдень 26 градусов.

14 апреля.

Чего боялись, то и случилось. Слышали шум пролетающего немного западнее нашего лагеря самолета, но из-за тумана мы его не могли видеть. Конечно, не видели и нас. Настроение у нас не из лучших. Возможно, нас ищут не первый день. Конечно, туман, что накрыл нас, локальный и занимает незначительную часть территории по сравнению с огромным сектором Восточно-Сибирского моря. И нас ищут в основном на безтуманной части ледового пространства. Не найдут и успокоятся. И спишут нас, как без вести пропавших.

Для подкрепления сил и духа сегодня съели двойную норму по сравнению с прошлыми днями, или половину нормального дневного рациона. Так же покормили и собак. Все же мы надеемся на фарт в охоте.

15 апреля.

Туман. Видимость увеличилась до 500 метров. Но небо почти не просматривается. Оно закрыто облаками, солнца нет. Ветра нет, но льдина чувствуется не стоит на месте, а движется куда-то на север, с какой скоростью, мы не знаем.

То и дело ходим к открытой воде, надеясь подстрелить нерпу, но ее не видно. Правда, видели лахтака (морского зайца), но на почтительном расстоянии. Этот морской зверь значительно крупнее нерпы, но более осторожен.

К северу и востоку от нашей льдины много мелкого плавающего льда.

16 апреля.

Вчера поздно вечером, ближе к ночи, туман рассеялся, обна-

жило небо в тяжелых лохматых облаках. Утром повалил густой крупный снег при западном ветре. И весь день идет снег, ветер усиливается. Пурга во льдах. Тяжелое для нас явление. Палатку заносит снегом. Для нас это и лучше. Теплее в палатке, и ее не сорвет ветром. На ровных местах снег не задерживается. Ветром его сметает к грядам торосов или сносит в открытое море.

Коротаем время, как можем. То лежим в спальнях мешках, то вылезаем из них поразмять кости, что-нибудь рассказываем друг другу о своем прошлом, а из палатки носа не высунуть. Только Данилычу пришлось дважды выходить из палатки кормить собачек. Собаки жмутся ближе друг к другу, лежат, свернувшись клубочком. А их постепенно заносит снегом.

Температура воздуха -21 градус С, температура в палатке - 11 градусов. Для приготовления пищи мы пользуемся примусом, что повышает температуру воздуха в нашем тесном убогом помещении.

18 апреля.

Поздно вечером 16-го снег перестал, но ветер усилился, и началось мощное торошение. Внушительное и грозное это явление природы - ледовое торошение. Толстые, различной величины мокрые льдины выдавливаются изнутри вверх по склонам движущейся гряды торосов. Некоторые крупные льдины поднимаются так высоко, что переваливаются через вершину гряды и с глухим грохотом скатываются на противоположную сторону. Кругом стоит оглушительный грохот, слышны зловещие стоны и скрипы. Картина не для слабонервных. Мы удалились метров на триста от эпицентра торошения, установили палатку. Залезли в спальне мешки, но уснуть не успели. Где-то рядом раздался оглушительный треск. Мы мигом из спальне мешков и вон из палатки. Совсем рядом, шагах в десяти от нас, вспучился лед. Смотрим, как со стоном и скрежетом лезет вверх зеленоватая тупорылая льдина, рядом еще. Зашевелился лед. Торосит молодой лед, на котором торошение более интенсивное.

Забеспокоились, заскулили и напыли собаки, но мы держались, спокойно обсудили создавшуюся обстановку. Решили выждать, что будет дальше, и быть начеку. А куда идти, когда кругом лед торосит и не знаешь, где лучше будет. А здесь рядом торосит, но на глазах, и в случае чего мы успеем вовремя уйти отсюда.

Эту ночь мы не спали. В темноте жутковато слушать эти зловещие стоны и скрипы, и собаки беснуются: взлаивают, воют. Ад кромешный. Терпим, выжидаем. Ближе к утру Данилыч вышел из палатки и через несколько минут вернулся встревоженный.

- Вставайте, парни, - громко сказал он. - Надо уходить. Совсем рядом шевелится. Гряда торосов расходится, шире стала, к палатке подходит, не накрыло бы нас.

На небе между редких облаков всполохи полярного сияния. Рядом мы чувствуем близость ледового вала и слышим, как с хрустом перемалывается молодой лед. Быстро свертываем палатку и отходим от коварного места еще метров на двести. Закрепили нарту, собаки успокоились. Расстелили палатку на льду, залезли в спальные мешки. Холодно. Ветер с боков холодит, а куда денешься? Лежим, ждем. На грохот торошения теперь уже не обращаем внимание.

Наступило утро, но ветер не стихал, и торошение продолжалось. Иногда среди общего грохота раздавались как бы пушечные выстрелы - так лопается лед. В этот день мы дважды меняли стоянку лагеря - нас сгоняло с места начинающееся рядом с палаткой вспучивание льда.

К вечеру ветер стал стихать, но торошение льда продолжалось с прежней силой. И вторую ночь мы не спали. Только к утру торошение прекратилось, и стих ветер. А когда рассвело, установился полный штиль. И тишина...

Льдина наша вся была обезображена торосами и испещрена множеством трещин. Некоторые трещины достигали 10-12 сантиметров ширины. Ясно было, что это поле из молодого льда скоро будет разодрано на множество более мелких льдин, так что оставаться здесь было опасно. Нам нужно искать более безопасный многолетний паковый лед.

Так куда же нам направить свой путь? На юг и восток пути отрезаны огромными разводьями, на запад - сплошные торосы, а за ними, по всей вероятности, тоже вода. А что к северу? Там тоже была широкая полынья, но накануне она заполнялась плавучим льдом.

Мы преодолели несколько гряд торосов и вышли к бывшему разводью. Теперь здесь было не разводье, а какое-то ледяное месиво. Отдельные льдины, а их было очень много, были как бы сцементированы сплошной плотной ледяной крошкой, сплошной шугой. Такое месиво простиралось километра на четыре до следующего ледяного поля, вероятно, пакового льда. В бинокль было видно, что торосы там были старые, сглаженные и белые от затвердевшего на них снега. Да, это наверняка был многолетний полярный паковый лед. Мы решили перебираться на этот лед.

Шуга была плотная и хорошо выдерживала человека, но выдержит ли нарты с грузом? Решили рискнуть. Пустили собачью упряжку, придерживаясь близости вмерзших в месиво льдин. Я шел впереди, за мной Дани- лыч с упряжкой, сзади, держась за баран нарты, Виктор. Шли осторожно, с опаской, но и старались скорее перейти это опасное место. Ведь достаточно было переместиться большим льдинам, а поле молодого льда уже расползлось, как шуга, по которой мы двигались, зашевелится и тоже начнет расползаться, но все обошлось. Правда, как выйти на твердый лед, возникла преграда - неширокая, примерно 20-метровая полынья. Но мы обошли ее с западной стороны и благополучно вышли на огромную многолетнюю льдину. Вглубь удаляться не стали. Разбили лагерь в ста шагах от кромки ледяного поля на уютной небольшой ровной площадке, со всех сторон окаймленной невысокими торосами.

После непродолжительного отдыха я более двух часов ходил по незнакомому ледяному полю. Здесь гряды торосов почти равномерно чередуются с довольно просторными снежными равнинами. Здесь тоже видны следы торошения, но менее интенсивного, чем на молодом льду. Встречаются и небольшие трещины. Я пришел к выводу, что это льдина надежна и безопасна.

Далеко к северу темнелось водное небо. Там чистая вода.

Ближе к вечеру мы обсудили план дальнейших наших действий. Лед находится в постоянном движении - ледяные поля расходятся и снова смыкаются. Решили, что, как только на юге исчезнет водное небо, а это означает - лед сомкнулся, будем двигаться в сторону материка. Только бы не развело нашу льдину здесь, около шуги. Но есть надежда, что шуга смерзнется окончательно, укрепитя и превратится в молодой лед.

Мороз крепчает. Температура воздуха уже достигла 32 градусов.

19 апреля.

Сегодня в полдень нашу льдину оторвало от шугово- го поля. Разводье увеличивается на глазах. И на этот раз нам не повезло. Продуктов осталось на день. Послезавтра переходим на собачий корм. Будем делиться с собаками, а, пожалуй, вернее, собачки будут делиться с нами своим кормом. Но и собачьего корма даже по урезанной норме нам едва ли хватит на неделю.

20 апреля.

Льдина наша далеко ушла от шугового поля. Теперь оно еле- еле просматривается простым глазом. Обнаружили свежий след медведя. Но самого хозяина Арктики пока не видели.

21 апреля.

Перешли на собачий корм - старую замороженную нерпятину. Сварили и попробовали - ничего, есть можно. Начинает сказываться полуголодание. Порой находит недомогание, хочется прилечь, а то появляется слабость в ногах. Самый слабый из нас Виктор. Сегодня днем у него закружилась голова, он побледнел, и мы его уложили на спальные мешки. Спустя полчаса прошло, встал на ноги. Часто ходим к воде, да вот нерпы нет.

23 апреля.

Однообразные дни. Сегодняшний день похож на вчерашний, и впредь такие же дни будут. У нас все помыслы о еде. Давно нет хлеба, сахара, масла и других продуктов. Кдидим мерзлятину-нерпятину, и то далеко не досыта. Да- нилыч сегодня убил отощавшую, самую слабую из собак, разрубил ее на мелкие куски, не снимая шкуры, и кормил собак, а те с жадностью пожирали своего собрата.

Я заметил Данилычу, что это не выход, что если мы будем собак кормить собаками, то останемся совсем без собак.

- Другого выхода нет, - говорит практичный каюр. - Лучше пожертвовать несколькими собаками, чтобы другие остались в живых. Иначе все они сдохнут от голода. А если наша охота так будет продолжаться, то и нам придется собаку жрать.

- Да ты в уме ли, Николай Осипович? Как это можно! - с возмущением говорю ему.

- Голод заставит. Он уже сейчас нас за глотку берет. Нерпятинки-то осталось на два дня; килограмм растянем на два дня? А дальше как будем жить?

- Может, подстрелим кого, - говорю в ответ неуверенно.

- Хорошо бы. А если нет? Недели через две копыта откинем, сдохнем вместе с собаками, - Данилыч как бы ругался. Я впервые видел его таким возбужденным и озлобленным.

Мы слабеем с каждым днем, слабнут ноги. При ходьбе ноги тяжелеют, может и качнуть. Утром голова тяжелая, часто шум в ушах. Но это цветики, ягодки-то впереди.

А льдина наша уходит на север в сопровождении сонмища мелких льдин. На самолет больше не надеемся. Допустим, что нас сейчас ищут, но невозможно на огромном пространстве среди разводий и хаоса торосов отыскать, увидеть маленькую палатку, кучку людей и собак. Надеяться на чудо?

25 апреля.

Сегодня к нашему лагерю пытался подойти медведь. В обед, если его можно так назвать, мы съели последнюю порцию нерпятины. Затем я взял карабин и отправился к чистой воде, на восточный берег, так мы его стали называть. Шел и ради охоты, и ради прогулки, я старался больше двигаться. Шагах в сорока от палатки параллельно береговой кромке протянулась невысокая застарелая гряда торосов. Дальше до самой кромки метров двести ровного ледяного пространства.

Я поднялся на торос и оторопел. Из воды на кромку льда поднимался медведь. Вот он вышел на лед, отряхнулся, повел по сторонам носом и не спеша заковылял в мою сторону. Я скатился с тороса и, как позволяли силы, побежал к палатке. Как только я сказал о медведе, - ребята за карабины. Быстро решили: я и Данилыч расходимся в правую и левую стороны метров на сто вдоль гряды торосов, чтобы обжать зверя с флангов. Дойдя до гряды, медведь может пойти вдоль нее в ту или другую сторону, и кто-то из нас должен его достойно встретить. Виктор, к этому времени достаточно ослабевший физически, должен оставаться на месте, вблизи собак. И если медведь перейдет гряду торосов, он будет стрелять в него. На это сил у него хватит.

Но у Виктора, к сожалению, хватило сил на большее. Пройдя шагов сто двадцать вдоль торосов, я не без труда взобрался на вершину гряды; от напряжения и волнения шумело в ушах, чувствовал, как билось сердце, слегка рябило в глазах. Вижу - медведь неспешно шел к нашему лагерю и находился в полусотне метров от торосов. Я замер, сидя на корточках. Думаю: если зверь пойдет в мою сторону - стреляю в него в упор сверху. А если он полезет на гряду, то по возможности скорее захожу ему с тыла. Наверняка Данилыч примет такое же разумное решение. На Виктора особенно не надеюсь. Он сгоряча может промахнуться или только ранить сильного зверя, и тогда тот быстро развернет назад, перемахнет через торосы и бросится к спасительной воде. Мы не должны допустить этого.

Но план мой не осуществился. Неожиданно раздался выстрел. Медведь повернул назад и как бы лениво побежал. Через несколько секунд - второй выстрел. Зверь побежал быстрее и скоро оказался в воде. Торопясь, я спустился с торосов и тоже бегу к воде. С противоположной стороны гряды торосов спешит Данилыч. К кромке льдины подбежали почти одновременно. От нас до медведя уже было не менее сотни метров. Я хотел сгоряча стрелять, но Данилыч остановил меня.

- Побереги патроны. Стрелять бесполезно, - сказал он.

Действительно, допустим, убьешь зверя, но его же не достанешь из воды. Отдышавшись, мы побрели к своему лагерю.

Виктор сидел возле палатки, понутив голову. Хотели было его строго отчитать за недисциплинированность, но не стали этого делать. Наш товарищ сильно ослабел от голода, у него потемнели десны и стали опухать ноги, наверно, начинается цинга.

- Эх, парень, сколько мяса упустили из-за тебя. И зачем тебя понесло на торосы? - с досадой проворчал Данилыч.

Виктор поднял голову. На глазах - слезинка.

- Простите меня, мужики, но я как лучше, - поспешно заговорил он. - Думаю, поднимусь на торос, с тороса-то сподручнее стрелять. Вскрабкался на эту гряду, гляжу, медведь рядом, на меня прет. И я выстрелил по нему. Да, видно, промазал.

- Ты промахнулся, Витя, наверное, у тебя дрожали руки, - говорю ему. - Но мы же договорились, ты должен оставаться здесь, около собак.

- Мне страшно стало здесь одному. Оторопь нашла. Думаю, как перемахнет он через эту гряду - на собак бросится. А я его мог бы сразу не убить, только ранить. Тогда он меня растерзал бы. А с торосов стрелять безопаснее, наверх медведь раненый не полезет и вы поблизости.

Я и Данилыч промолчали. Что тут скажешь? Струсил парень. Вечером Данилыч забил еще одну собаку.

- Саша, - говорит он мне, - надо переходить на собачину. Иначе нам хана.

Я наотрез отказался есть собаку. Виктор промолчал.

Данилыч разрубил собачью тушку на мелкие куски, несколько кусочков, что покрупнее и помясистее (хотя какое там мясо!), отложил в сторону, покормил собак. С кусков собачины каюр снял шкурку, мясо положил в котелок 'с водой и на примус. Спустя полчаса варево готово. Данилыч стал уговаривать нас отведать собачатинки. Виктор сразу сдался и с жадностью, торопливо стал обглаживать ребрышки. От собачины я отказался, но выпил грамм 500- 600 слегка наваристого бульона и почувствовал некоторую сытость. Как залечь в спальные мешки, ребята еще раз отведали собачьего мяса в ребрышках, а я допил остатки бульона.

К востоку от нашей льдины дрейфует на север, и в то же время приближаясь к нам, еще одно ледяное поле. Дует свежий южный ветерок, отгоняет ледяные поля в Ледовитый океан. Но я думаю, что скорость и направление льда больше зависят от течения, а ветер лишь помогает течению.

Я стал плохо спать. Другой раз часами лежишь в спальном мешке без сна, ворочаешься с боку на бок и думаешь, думаешь... А то вечером, как сегодня, допоздна, до наступления темноты сидишь за дневником. Сейчас темнеет поздно, ближе к 23 часам. Ночи стали короткие, в три часа уже светает.

26 апреля.

Ребята соблазнили меня отведать собачьего мяса. Кажется, слегка припахивает чем-то и на вкус какое-то пресно-постное. Наверное, таким оно мне показалась потому, что о нем плохо думаешь. А так ничего, с большой голодухи есть можно.

Соседняя льдина заметно приблизилась к нам. Сейчас до нее не более двух километров. В бинокль хорошо просматриваются гряды торосов и отдельные торосы-ропаки.

В разводье иногда видим нерпу, но вне досягаемости нашей выброски.

27 апреля.

Наверное, голод скоро доконает нас, если не повезет нам в охоте. Мы сильно ослабли, а Витя Пысин в особенности. Часто тяжелеет и кружится голова, порой перед глазами плавают темные мушки, ноги становятся словно чужие, слабые, а если присядешь, то поднимаешься с большим трудом, опираясь руками в пол. При ходьбе ноги тяжелеют, неуверенность в походке, покачивает. Шум в ушах. Во рту то пресно, то горчит, чувствую, несколько ослаблена умственная деятельность, появилась рассеянность, трудность сосредоточения, особенно в разговоре, некоторая забывчивость, ослабляется память, а также слух. Погода без изменений: низкая облачность, небольшой южный ветер, температура воздуха днем минус 19 градусов.

28 апреля.

Сегодня нам крупно повезло. Завалили медведя, настоящего белого медведя! Теперь мы оживем и собачек поддержим, а то они бесятся с голода. Исхудалые и тощие до предела, а глаза злобные, и сами становятся злые до бешенства. Это колымские собаки, и в них, наверное, имеется частичка волчьей крови. Теперь у нас упряжка будет из семи собак - двух мы забили, и одну сегодня убил медведь.

Как прошла охота на медведя, завтра опишу. Сегодня я очень устал.

29 апреля.

Утром и в обед лакомились медвежатиной. Правда, не досыта, далеко не досыта. Мы прекрасно понимаем, что сейчас после довольно длительного голодания есть досыта очень опасно, но как трудно удержаться от такой еды. Если бы не мудрый Дани-

лыч, два метеоролога не удержались бы от соблазна и съели хотя бы еще по такой порции вкусного душистого мяса. А порция составляла около 200 грамм. После завтрака мы с нетерпением ждали обеда с одной думой: как бы еще поесть.

Ночью у нас слегка прихватило желудки, хотя и съели-то вечером всего грамм по 150 медвежатины. Утром после завтрака у меня опять стало тяжело на желудке, но после обеда вроде обошлось. Сейчас 3 часа дня, и через два часа мы должны еще немного перекусить и попить чаю, а в 9 часов вечера перед сном - поужинать. Так мы выходим из голодания. Завтра можно кушать посытнее.

А теперь опишу, как убили мы вчера медведя.

Ближе к вечеру я поднялся на гряде торосов и стал рассматривать в бинокль окрестность и разводье и обнаружил метрах в двухстах от ледяного берега крошечное желтоватое пятно с черной точкой. «Медведь», - мелькнула мысль. Я еще несколько секунд рассматривал это пятнышко на воде - оно медленно двигалось в нашу сторону. Сомнений больше не было, это был медведь. Я спустился с тороса и заспешил к лагерю.

- Ребята, Данилыч, в ружье! С соседней льдины к нам гость жалует и уже на подходе! - выпалил я и тут же присел - закружилась голова, перед глазами замелькали темные мурашки.

- Неужели медведь?! - обрадованно вскрикнул Данилыч.

- Он самый, собственной персоной. Через пять-шесть минут высадится на нашем острове.

Данилыч молча выхватил у меня бинокль и бросился к торосам. Спустя минуты две он вернулся, крикнул возбужденно: - Парни, быстро собак на привязь!

- Зачем? Собаки нам помогут задержать его... - пытался я возражать, но Данилыч негромко, но сердито и резко перебил меня: - Собаки могут испортить все дело! И не возражай мне, Саша, сейчас командую я!

Привязать собак к потягам - минутное дело, они были рядом. - А теперь, парни, слушайте меня внимательно. Ты Саша, заходи справа и будь осторожнее, зря не высывайся из-за торосов.

Я зайду с левой стороны, и мы берем его в кольцо. Главное - отжать его от воды. Витя, ты находишься здесь. Как услышишь выстрел - быстро спускай собак. - Данилыч был в ударе и заражал нас своей энергией. - Пошли, Саша, надо торопиться.

Мы все трое понимали, что от этого медведя зависит паша жизнь. Не убьем сейчас медведя, то через несколько дней при подобной ситуации нам с таким сильным зверем уже не справиться, у нас не хватит сил.

Отойдя от лагеря шагов на сто, я взобрался на торосистую грядку и осмотрелся. Медведь уже подплывал к льдине. Вот он быстро выбрался на лед, отряхнулся, понюхал воздух и спокойно пошел в сторону нашего лагеря. Когда подошел к торосам, снова повел носом по сторонам и, видимо, учуял меня. В следующий момент зверь заспешил в противоположную сторону. Он не дошел до засады Данилова шагов сорок и вдруг неожиданно и быстро перебрался через нагромождения льда. Данилыч стал преследовать зверя, а когда заметил, что тот его обнаружил, выстрелил. Медведь рыкнул и крутнулся на месте. Затем на махах пошел в сторону нашего лагеря. Данилыч еще выстрелил, но промахнулся. Вымахнув из-за ропаков зверь резко остановился - перед ним были свора беснующихся собак и человек. В это время несколько собак Виктор уже успел освободить, и они тут же бросились к зверю. Тот к торосам, к спасительной воде. Его настигли три собаки и остервенело стали набрасываться на него. Медведь стал отгонять их, но тут одна за другой подбегали другие собаки, и скоро вся свора закрутилась вокруг зверя. Грозный рык могучего зверя тонул в бешеном лае осатаневших собак. С двух сторон спешили к этой своре я и Данилыч. Данилыч находился ближе и выстрелил первым. Но зверь словно отрезвел после второй раны и, не реагируя больше на собак, а те буквально висли на нем, пошатываясь, тяжело пошел вдоль гряды торосов навстречу мне. Данилыч - чу нельзя стрелять - мог задеть меня. Медведь глухо ревел. На желто-грязной его шее расплзлось кровавое пятно.

Я встал на колени и, стараясь унять трясущиеся руки, стал делиться в голову зверя, выстрелил. Медведь рухнул замертво. Собаки жадно слизывали теплую кровь, и нам стоило немалого труда отогнать их от убитого зверя.

- Двухлетка, молодой самец, - определил Данилыч. - Был бы матерый - вряд ли нам дался бы. Матерого медведя и собаки не остановят, тем более наши доходяги.

Слегка пошатываясь, подошел Виктор.

- Ну что, Витя, здорово напугался? - весело спросил Данилыч.

- Было маленько. Не ожидал, что он так близко окажется. Последних двух собак не мог отвязать, руки ослабли. Пришлось ножом по потягу.

- Правильно сделал, Витя, не растерялся, - похвалил Данилыч и тут же распорядился: - Я и Саша будем свежевать медведя, а ты, Витя, иди готовь горячую воду. Скорее испробуем готовой медвежатинки.

Когда шкура была снята, освежеванную тушу разрубили на несколько частей, сложили мясо на лед и накрыли тяжелой сырой шкурой.

Собаки были рядом и повизгивали от нетерпения. Каждой из них Данилыч бросил по небольшому куску мяса. - Больше нельзя, иначе подохнете. Завтра получите больше, - говорил каюр своим подопечным. Затем отрезал кусок мяса посолиднее и, дразня им и увлекая за собой стаю, направился к стоянке.

Теперь у нас осталось семь собак. Одна собака по кличке Серый лежала с распоротым животом недалеко от лагеря, где стая схватилась с хозяином Арктики. Серый был вожаком в упряжке, и Данилыч очень жалел о нем.

Собак мы ограничили на первый раз в пище, но значительно труднее было ограничить в еде себя. В котелке варилось ароматное нежное мясо. Запах его действовал на нас раздражающе, заставлял то и дело глотать скудную слюну. Казалось, ел бы его, пока не насытился, но мудрый Данилыч был неумолим. Каждому отрезал по одинаковому небольшому кусочку, примерно грамм по сто пятьдесят, остальное убрал с глаз подальше, когда Виктор под-

сказал ему, а я поддержал, что, дескать, неплохо бы и есть еще по такому кусочку, он твердо отрезал: - Не дам. После такой продолжительной голодовки первое время есть надо очень мало. Иначе можно умереть.

Ночью одна собака перегрызла свой ремень и до отвала наелась. Утром мы увидели ее около своего мясного склада сильно раздувшеюся, с посоловевшими мутными глазами. Вскоре она издохла.

- Собака - не волк, - сказал Данилыч, - тому такая процедура нипочем. Собаке, как и человеку, выходить из голода надо постепенно.

Теперь у нас осталось всего шесть собак: три кобелька и три сучки. Одна из них через месяц должна ощениться.

30 апреля.

Третий день как выходим из вынужденного голодания. За ужином мы поели почти досыта, и собак хорошо покормили. Настроение стало подниматься, и силы понемногу прибывают. Ледяное соседнее поле на юге сомкнулось с нашей льдиной, а напротив нас пока еще существует узкое клинообразное разводье. Утром здесь гуляла нерпа. Данилыч убил ее совсем близко от кромки льда и достал при помощи своей выброски. Это был самец весом около 60 килограмм. Как только нерпу вытащили на лед, Данилыч тут же под задним ластом, заменявшим хвост, вырезал ароматную железу. Если этого не сделать, то мясо будет отдавать керосином. Так бывает только у нерп-самцов.

Ближе к вечеру в просветы между облаками стало проглядывать солнце. Ветер утих. Погода налаживается. Тихо и спокойно кругом. Вокруг не заметно никаких признаков жизни, везде простирается унылая устрашающая пустыня льда и снега.

1 мая.

На материке сегодня отмечают большой весенний праздник. В Москве военный парад, ликующие шествия, демонстрации. А у

нас... Да что говорить об этом, раз такое случилось с нами. Но и мы - несчастные пленники океана - тоже отпраздновали день 1 мая. Пусть скромно, но отметили. Не пожалели бензина, на примусе отварили мясо медвежье, мясо нерпичье, печень нерпичью, язык медвежий. Котелок наш сравнительно небольшой, вместимостью 2,5 литра, так что пришлось делать две варки, да еще чай приготовить.

Готовить Данилыч начал с 7 часов утра, и спустя два часа мы садились за праздничный стол. Выставили свой НЗ - бутылку спирта. Конечно, выпили немного, грамм двести на троих, и захмелели. Из закуски больше всего понравилась нерпичья печенка и язык медвежий. Если бы еще по кусочку хлеба - было бы совсем хорошо. Соскучились мы по хлебу.

Спели несколько песен. Мы с Виктором спели песню «На кораблях ходил, бывало в плаванье». Данилыч ее не знал, но последние две строчки каждого куплета пел с нами. Интересно, как у нас получилось. Пели куплет песни:

Нет, не по мне краса в чужом окошечке,
В чужих краях бродил я много дней.
Но не оставил там души ни крошечки, ей-ей,
Она для милой Родины моей,
Она для милой Настеньки моей.

И вот когда повторяли последнюю строчку, каждый из нас вместо Настеньки вставил имя своей любимой. Я пропел: «Лидочки моей», Виктор - «Милочки моей», Данилыч - «Шурочки моей». Все трое рассмеялись. Тут Данилыч пояснил: - Ваши Лидочка и Милочка вряд ли будут вас ждать, и вы их уже почти забыли, а моя Шурочка, жена моя, обязательно будет меня ждать. И я ее не забуду, а вы, парни, еще молоды, у вас еще будут милочки.

- Если не сгинем здесь, во льдах, - сказал Виктор.

- Не сгинем, - уверенно произнес Данилыч. Не вешайте носы, парни, У меня нет большой тревоги на душе. Мы вернемся домой.

Я согласился с Данилычем, Виктор промолчал и задумался. Затем мы в сопровождении собак сделали небольшую прогулку на

соседнюю льдину, которая полностью сомкнулась с нашей. Правда, Виктор дальше нашей льдины не пошел, он еще слаб. Вернувшись в палатку, он залег в спальный мешок и спал до ужина.

3 мая.

Убили еще одну нерпу на примкнувшей к нам льдине, у лунки. Здесь лед сравнительно молодой, и на нем с осени нерпы устраивают отдушины и поддерживают их все морозное время. В зимнее время лед быстро нарастает, и углубляются отдушины-лунки. У каждой нерпы имеется иногда несколько таких лунок. Зимой такие лунки служат морскому зверю для пополнения легких воздухом и для отдыха под ледяным куполом. Весной купол разрушается, и животные подолгу нежатся под солнцем на краю спасительной лунки. При опасной ситуации зверь моментально ныряет в лунку и был таков, поэтому во время охоты на нерпу у лунки зверя надо бить наповал, при ранении он уходит под лед и там погибает.

Сегодня с перерывами светит солнце, но холодно. Максимальная температура днем минус 28 градусов, ночью ртутный столбик нашего термометра опускается до минус 35 градусов. Хотя какая сейчас ночь — сравнительно светло, по всему северному горизонту полыхает красновато-малиновая с золотистым отблеском заря.

Сейчас мы не голодаем, но пища архиоднообразная: мясо медвежье, мясо нерпичье. Был бы еще хлеб и сахар, да картофель. Я уж не говорю об овощах и фруктах, которые и на полярной станции почти не ели, кроме квашеной капусты да сухого картофеля. За последние дни мы заметно окрепли, правда, Виктор поправляется медленно. Цинга у него вроде бы приостановилась, но десны продолжают кровоточить. У меня тоже кровоточат, когда чищу зубы. У Данилыча десны вроде в порядке, но он не чистит зубы.

Пока у нас в достатке чай и соль. Данилыч любит крепкий чай, и он прихватил с собой по пачке плиточного и индийского. Я об этом не знал и взял у повара еще пачку индийского чая. Не шикуюем, но чай пьем, хотя и без сахара. И соли прихватили кило-

граммовую пачку, и бензин пока есть. Интересно с ним получилось. Начальник станции попросил механика найти емкость и снабдить нас бензином для примуса в дорогу. У механика подходящей емкости под рукой не оказалось. Он нашел небольшую 30-литровую железную бочку из-под подсолнечного масла и полностью заполнил ее горючим. Когда Данилыч узнал об этом, то отказался брать в дорогу лишнее горючее, дескать, нам и десяти литров хватило бы. Но механик отказался переливать бензин из малой емкости в большую. Берите, говорит, всю бочку, холодно будет - обогревайтесь бензином, он, дескать, и на льду горит. Ворчал каюр, но эту бочечку взял. И она нам пригодилась! На сегодняшний день у нас осталась почти половина бензина. Дрова-то мы уже использовали.

Мы очень похудели. Теперь одежда, и верхняя, и нижняя, висит на нас, как на скелетах. И, кажется, греет хуже.

Похолодало. Нас с Виктором донимает холод. Сейчас мы находимся в экстремальных условиях, и наши одежда и обувь негодны здесь. Одеты мы в полушубки и ватные брюки, обуты в унты, как у летчиков, на голове - ватные шапки-ушанки с кожаным покрытием. Данилыч экипирован словно чукча. На плечах - кухлянка, поверх кухлянки - камлейка, ватные брюки, на ногах - торбаса, на голове - меховая шапка. Его торбаса теплее наших унтов и значительно легче. Конечно, мы же не предполагали, что с нами подобное случится. На дорогу в пять-шесть дней такая одежда и обувь вроде и неплохи. Да что теперь говорить об этом.

С южной стороны исчезло водное небо. Значит, там сплошной лед. Нам надо немедленно идти на юг, да Виктор еще слаб, да и собачья упряжка слабовата, обессобачилась.

5 мая.

Морозно. В воздухе ледяные иглы. Днем минус 33 градуса. В палатке холодно. Западный ветер перешел на северный силой 6/7

м/сек. Движемся мы на север. С какой скоростью — не знаем. У нас нет секстанта, а поэтому не можем определить по солнцу свои координаты. Знать бы, на какой широте находимся и как далеко удалились от своей родной полярной станции.

На полярной станции «остров Четырехстолбовой» имеется хорошая библиотека. Я выискивал и прочитывал все, что связано с исследованием Арктики. Подлинной находкой для меня оказались ежемесячные научно-публицистические журналы «Советская Арктика». Их было много, за несколько лет. В этом журнале описывались некоторые экспедиции по исследованию высоких широт. Все экспедиции тщательно готовились, хорошо продуманы и снабжены всем необходимым, особенно продовольствием. Учитывались и худшие варианты.

А что получилось с нами? Мы ведь тоже были маленькой экспедицией по исследованию полярного льда до кромки припая. Нас отправили наспех, непродуманно, и не был учтен и продуман худший вариант. А Арктика баба капризная, вот она и показала нам худший вариант. Мы оказались беспомощными в таких условиях. Нет у нас ни связи, ни приборов для определения своего местонахождения. Хорошо, что догадались бинокль с собой захватить.

Сейчас не помню, но кто-то из полярных исследователей сказал, что шансы на успех имеет только тот, кто планирует путешествие длительно и методично. Мы же свое путешествие планировали в спешке, теперь расплачиваемся. Оказались мы в царстве враждебной бурной погоды и предательски опасных плавучих льдов, оторванные от людского мира, лишённые всякой связи с ним, всякой информации.

Нам следовало идти на юг, в ту сторону просматривается лёд, и небо светлое, при таком морозе все полыньи покрыты льдом, обстановка для нашего ледового похода довольно благоприятна, но подводит Виктор. И упряжка слабовата. Собаки, кажется, окрепли, но их мало, а груз тяжелый.

6 мая.

Утром встали, дрожа от холода. На ночь обувь не снимали, но и в унтах ноги без движения слегка мерзли. Виктор ухитряется забраться в свой спальный мешок в полушубке. Он узкоплечий, худощавый, и ему это удается, но все равно ночью мерзнет. В палатке-то, как на улице.

Утром за горячим завтраком еще раз обсудили свое трагическое положение и решили немедленно двигаться в сторону материка, благо, пока позволяет погода. Будем двигаться, согреваться, и то дело.

Виктор уверяет нас, что вполне здоров и может участвовать наравне с нами в этом походе. Но мы-то видим, как он еще слаб. Как ему хочется вырваться из цепких тисков ледяной пустыни!

И мы решили: по ровному полю Виктор едет на нарте, а когда встречаются гряды торосов, а их будет очень много, я помогаю товарищу преодолеть ледяные завалы, а упряжку Данилыч берет на себя.

Наш груз в основном составляет медвежье и нерпичье мясо. Дров теперь нет, большую часть бензина сожгли, метеорологическое оборудование не тяжелое и не объемное, а металлический бур я решил не брать с собой. Всего груза набиралось килограмм 170 (без Виктора). Это вполне сносный груз для шести собак.

Мы свернули свой лагерь и в 11 часов тронулись в тяжелый путь. Без особого труда перешли крепко смерзшееся шуговое поле и вышли на место, где недавно были свидетелями страшного торожения. Как мы и предполагали, то поле расползлось на множество больших и более мелких льдин. Теперь они торжественно и молчаливо возвышались среди покрытых ровным льдом разводий, и лед был достаточно прочен, чтобы выдержать нас. Спустя час мы вышли на еще более разреженное ровное поле молодого льда. Это была та самая полынья, которая долго отражала водное поле.

Только ближе к вечеру мы перешли эту ледяную равнину и вышли на более зрелое, наполовину торосистое поле. Здесь мы и разбили свой лагерь. Изрядно устали. Виктор держится молодцом,

правда, значительную часть пути он ехал. Дорога и погода сопутствовали нам. Весь день светило солнце, температура воздуха повысилась до минус 25 градусов, и у нас бодрое настроение. По нашим расчетам мы сегодня прошли не менее 25 километров. Начало неплохое.

7 мая.

С утра часа полтора шли по средней проходимости полю, но затем начались труднопроходимые гряды торосов, так что иногда приходилось работать топором. Так продолжалось до шести часов вечера. Приходилось часто отдыхать. Затем вышли на замерзшее разводье метров 500 ширины и снова торосистое поле. Здесь среди торосов мы и установили палатку. За день прошли не более 7-8 километров. Теперь перед нами более проходимое поле, и сегодня можно бы пройти еще несколько километров, но Виктор еле стоит на ногах. Такая дорога ему не под силу. Погода, как и вчера: мороз и солнце.

8 мая.

Упорно движемся вперед. Торосистые льды попеременно с неширокими, покрытыми молодым льдом разводьями. День солнечный, безветренный и морозный. За день прошли не более 15 километров.

9 мая.

Сегодня большой праздник - День Победы, но этот праздник не для нас. Девять часов, отдыхая накоротке, мы до изнеможения прорубались сквозь льды на молодом исковерканном торосами и многочисленными трещинами поле. К шести часам вечера мы выдохлись окончательно. Недалеко просматривается широкое замерзшее разводье, но дойти до него у нас уже не хватило сил. Между торосов нашлась ровная снежная площадка, здесь мы и установили палатку.

На материке сегодня у людей праздник, а у нас - тяжелейший день. За час мы проходили не больше километра. Невольно закра-

дывается сомнение: есть ли смысл продолжать дальше путь; ведь результаты наших невероятных трудов слишком малы. А главное, мы идем вслепую, совершенно не зная расстояние до цели, как далеко нас отнесло на север. Предполагаем, что за месяц мы удалились от своей полярной станции километров на 400-450. А может, больше или меньше. Не знаем. Какова ледовая обстановка впереди? Тоже не знаем. Если будет такая, как сегодня - нам такой путь не преодолеть. И позволит ли погода? Здесь суровая и капризная Арктика. Не все будет ясное солнышко, тишь и гладь, может и заштормить, и зато- росить. Сейчас ветра нет, полный штиль. В Арктике так бывает не часто. Вот и думаешь сейчас - откуда задует ветер? Не дай бог, с юга.

Но праздник и мы отметили. Всем чертям назло! За ужином выпили по несколько глоточков разведенного спирта, разомлели от выпитого, а больше от усталости. Посидели, поговорили и разошлись по спальным мешкам. Ребята быстро уснули, а меня сон не берет, такое у меня часто бывает. Светло. Ближе к северу светит кроткое северное солнце. Промыкавшись без сна более часа, я вылезая из спального мешка и сажусь за дневник.

12 мая.

Утром 10 мая поднялись рано, но двигаться на юг было невозможно из-за очень плотного тумана. Собаки находились между двух ропаков метрах в десяти от палатки, но они еле-еле просматривались. Откуда такой туман? Образовался на месте или нанесен со стороны?

Штиль. Ни звука. Мертвая, угнетающая тишина, словно мы находимся в каком-то другом мире. Так было несколько часов. Сквозь туман желтым расплывчатым пятном просматривалось солнце. Воздух сырой и холодный, хотя термометр показывал всего 20 градусов.

Ближе к полудню с юго-запада потянул свежий напористый ветерок, который быстро усиливался, и спустя час тумана как не бывало. Ясно было - погода резко меняется. Теперь жди очередной каверзы от госпожи погоды. И действительно, вот откуда-то с запа-

да сплошной стеной надвигаются низкие разбухшие темно-серые облака, и вскоре они закрыли солнце и заполнили все небо. Сразу стало как-то неуютно, мрачно и жутко вокруг.

Во время обеда рядом с нами раздался гулкий грохот и треск. Мы бросились вон из палатки и увидели, что наше ледяное поле трещит и раскалывается. Одна трещина была совсем рядом и прошла между палаткой и собаками. От нее в стороны отходили еще несколько трещин. Ближняя трещина заметно расширилась. Что делать? Собак перевести сюда или самим перейти на ту сторону? Решили пока палатку не сворачивать, а перевести сюда упряжку. Грохот нарастает, усиливается ветер - начинается сжатие и торошение льда. Мы оказались в неблагоприятных условиях, на молодом льду, который всегда подвержен более интенсивному торошению.

Между тем льдины разводило все больше и больше, и спустя час с небольшим трещина превратилась в пяти-шести метровое разводье, которое увеличивалось на глазах. К юго-востоку оно становилось шире, а в противоположную сторону - сужалось. Пока опасность нам не угрожала, так как интенсивное сжатие и торошение шло севернее нас, а южнее - ледяные поля разводило, и там было спокойнее. Хотя торошение шло везде: и спереди, и сзади нас. Опасно будет, когда после развода льдины снова сойдутся и начнется сильное сжатие. Тогда торошение может достигнуть нашей палатки.

К югу от нас, там, где находилось замерзшее разводье, слышались скрипы, громкие вздохи и шипение. Я не удержался и, невзирая на сильный ветер и торошение, пошел к разводью. Когда я добрался до него, то передо мной предстала грозная впечатляющая картина разбушевавшейся стихии. Под колоссальным напором соседнего ледяного поля молодой ледок в разводье со скрежетом и шипением вспучивался, ломался и крошился. И тут возникали мелкие временные торосы, которые вскоре должны исчезнуть в бурных волнах открытого моря.

В эту светлую майскую ночь мы несколько раз выходили из палатки, еще раз укрепляли костыли – держатели основания палат-

ки, потому что под напором неистового ветра наше слабое жилище содрогалось и трепетало. А разводье все расширялось.

Утром следующего дня внезапно повалил густой снег, а ветер достиг ураганной силы. Мутная холодная снеговерть. Видимость ограничивается несколькими метрами. Ветер проникает в палатку, задувает мелкие крупинки снега, от которых нарастают маленькие сугробики. Кругом стоит ужасный вой, стоны, грохот - ад кромешный! Так продолжалось весь день и ночь, и только сегодня к полудню снег прекратился.

В палатке холод, мерзнем. За тонкими стенками палатки свирепая пурга, снежный хаос и сплошной гул. Все смешалось: и грохот от торошения, и вой ветра. Тяжело и собакам. Свернувшись клубочками, животные терпеливо переносят невзгоды погоды. Собак быстро заносит снегом. От сильного ветра снег уплотняется, так что собак приходится между кормлением поднимать на ноги и освобождать от снега, иначе они могут погибнуть.

Опасаемся за палатку, она вся трепещет и поскрипывает от ураганного ветра. Ветер может сорвать палатку, вырвав из плотного снега костыли оттяжек или, что еще хуже, искорежить трубчатый металлический ее каркас. Но пока палатка держится.

Днем снег перестал, видимость улучшилась, но пурга продолжается, и ветер свирепствует по-прежнему. Продолжается сильное торошение. С улучшением видимости мы обнаружили, что южнее нас совсем близко наша льдина, а может, в нашу льдину уперлось другое ледяное поле, ломает и крошит лед. Вероятно, ту, оторвавшуюся льдину развернуло и южный край ее уперся в нашу. Теперь оставаться нам здесь опасно, разумнее сменить стоянку. Но куда? При ураганном ветре невозможно вновь установить палатку. Решили выждать и быть начеку, ведь мощное торошение совсем рядом, на глазах корежит и крушит лед, вздыбливаются вверх льдины.

13 мая.

Ночью пришлось сворачивать свой лагерь - торосило в нескольких шагах, да и палатка поехала набок, ветер все-таки слегка погнул металлические трубчатые опоры. Подняли собак, погрузили вещи и палатку на нарту и с немалым трудом отошли метров на двести к центру ледяного поля. На льду расстелили палатку, поставили на бок груженую нарту с подветренной стороны и снова залезли в спальные мешки. Потянулись мучительные и томительные для нас минуты и часы, мы страшно мерзли. Мороз и свирепый, пронизывающий ветер. К нашему счастью, к утру ветер стал стихать, а утром часам к восьми и совсем прекратился. Это нас спасло. Если бы такой ветер продолжался хотя бы до полудня - вряд ли мы вынесли такое испытание, наверное, погибли бы от холода.

Сжатие и торошение прекратились, и стало до жути тихо. И вот откуда-то с севера стал наползать плотный белесый туман. Значительно повысилась температура воздуха, стало заметно теплее, а воздух, казалось, стал тяжелым и душным, мы оказались словно в гигантской ловушке. Тяжело и душно.

15 мая.

Туман продолжается, плотный, сырой и душный. Температура воздуха днем и ночью почти одинакова - минус 16-18 градусов. Время тянется долго и мучительно. Лежим в своих мешках, а больше бродим поблизости от своего пристанища. Больше молчим и, наверное, тупеем. У Виктора явно цинга - кровоточат десны. Питаемся только мясом, которое страшно надоело. А что дальше?

17 мая.

Вчера, ближе к вечеру, с юго-востока потянуло ветерком, и вскоре туман разогнало, сквозь разрывы облаков мы увидели лучезарное и долгожданное солнце. Наконец-то мы могли осмотреться вокруг и оценить свое местоположение. Со всех сторон, кроме западной, открытая вода, среди которой видны плавучие льды различной величины. Лед вокруг нас сильно искоре-

чины. Лед вокруг нас сильно искорежен и обезображен многочисленными торосами и трещинами, так что здесь оставаться небезопасно. Вечером мы с Данилычем пошли в западную часть нашего ледяного острова на разведку. За два часа мы прошли не больше пяти километров - такая была сильная торосистость льда. Из-за усталости дальше не пошли. Мы все еще находились в зоне молодого льда, но впереди и сравнительно недалеко в бинокль угадывался паковый лед. Вдалеке, ближе к горизонту, просматривалось водное небо - там чистая вода. Она далеко, до нее не менее 12-15 километров. К северу и югу от нас открытое море было значительно ближе. Я прикинул, что мы находимся на обширном ледяном поле не менее как 10 на 20 километров. Оно неоднородно и состоит из примкнувших друг к другу огромных льдин молодого и пакового льда. Паковый лед более устойчив против торошения и безопаснее для нас, и нам надо быстрее перебраться на него.

Сегодня утром мы двинулись на запад и только к вечеру вышли к открытой воде, преодолев более двадцати километров торосистого льда. Трудный, изматывающий был путь. Особенно трудно было Данилычу и собакам. Нарты часто застревали в торосах, иногда перевертывались. Приходилось часто отдыхать. Лагерь разбили на удобной небольшой снежной поляне, защищенной от ветра грядами торосов и отдельными нагромождениями вздыбленного льда. Подходящее нам место, до воды - рукой подать, не более сотни метров, что очень важно для охоты. Наши продовольственные запасы на исходе, да и надоело старое перемороженное мясо, хочется свежего, особенно нужна печень морского зверя. Она спасет нас от цинги.

20 мая.

Утром убили нерпу недалеко от берега. Подтянули ее к кромке льда выброской. Наелись свежего мяса, а печень только для Виктора, цинготника. У меня тоже слегка кровоточат десны, особенно нижняя, но пока терпимо, и я считаю себя здоровым. Пока здоровым.

Установилась ясная погода, и солнце уже не заходит. Мы находимся в ледяном царстве. Снег и льды ослепительно блестят, искрятся, переливаются чудесными радужными красками, особенно при низком солнце. В дневное время пользуемся очками, иначе заработаешь «снежную болезнь» глаз. Стало теплее. Днем ртутный столбик поднимается до минус 9 градусов.

23 мая.

Сегодня убили двух нерп. Третья нерпа затонула. Теперь мясом мы обеспечены, но этого недостаточно. Организм остро нуждается и в других продуктах. Нужны сахар и овощи, хотя бы консервированные. Начинаем ощущать как бы отлив сил - иногда вдруг как бы затуманятся глаза или слегка закружится голова, слабеют ноги. У Виктора цинга прогрессирует, начинают опухать колени. Он больше отлеживается, и мы уговариваем, а то и насильно заставляем его делать вблизи палатки прогулки. Погода прекрасная: солнечно и тихо.

25 мая.

Дни однообразные и бесцельные, хотя погода стоит прекрасная и теплая для этих широт. Сегодня ртутный столбик показал минус 5,5 градуса. Золотым блеском светятся под солнцем застывшие льдины. Красиво. Но мы равнодушны к чарам природы, как бы тупеем. Чего-то ждем, на что-то надеемся. А чего ждать-то нам и на что надеяться? Так уж видно устроен человек, что и при полной безысходности надеется на лучшее. Вдруг произойдет чудо? Но, как говорят, чудес на свете не бывает. Пусть и так. У нас тяжелая ситуация, но мы все же надеемся.

27 мая.

Утром Данилыч вбежал в палатку с криком: «Парни, подъем! По правому борту земля!» Я, а вскоре за мной и Виктор выскочили из палатки. По небу гуляли, и довольно высоко, разрозненные, в широких просветах голубого неба, облака. Ближе к горизонту они скучивались, туманились, закрывали солнце. На северо-востоке по

горизонту даже невооруженным глазом просматривался какой-то остров, и немаленький. Я стал рассматривать его в бинокль. Левая, то есть северная часть острова - гористая, дальше к югу тянулась длинная с понижением гряда. «Что это за остров? - думал я, передавая бинокль Виктору. - Какие острова могут встретиться на нашем пути? Вероятнее всего острова Генриетта и Жаннетта. А если нас отнесло в западном направлении, то можем увидеть еще два острова - Вилькицкого и Жохова, но это маловероятно. Мы все это время дрейфуем в северном или северо-западном направлении, и ветры дуют с южного сектора. Как помню по описаниям, эти все четыре острова небольшие, по размерам не превышают наш Четырехстолбовой, а может, и меньше, и не идут в сравнение по размерам с этим островом-гигантом, который сейчас перед нами. То что же это за земля? Что за чудо? — я терялся в догадках. — А может, остров Беннета? - мелькнула мысль. Беннета довольно крупный остров, и его можно сравнить с этим, что перед нами. Но остров Беннета находится западнее или юго-западнее островов Жаннетты и Генриетты и на почтительном расстоянии. Если это остров Беннета, то значит, что мы дрейфуем в основном не на север, а на северо-запад.

- Что будем делать, командир? - прервал мои размышления Данилыч. - Это какой-то остров, а какой - шут его знает.

- Это остров Беннета, самый большой среди островов Де-Лонга, - с уверенностью сказал я.

- Беннета... острова Де-Лонга. Не слышал о таких островах, - удивился Данилыч. — Они что, не наши? Не американские ли?

- Нет, Данилыч, это наши острова. В прошлом веке их открыла экспедиция американского исследователя Де-Лонга.

- Саша, а ты уверен, что это Беннета? - спросил Виктор.

- Другого не может быть. Как помню по описанию, другие острова Де-Лонга маленькие, гористые, вершины их покрыты льдом. Я запомнил о поверхности Беннетты. Остров сравнительно

большой и, конечно, на нем должны быть и гористые, и равнинные площадки. Думаю, что этот остров - остров Беннета.

- Тогда нужно срочно двигать к этому острову! - горячо подхватил Виктор. - С Беннетты переберемся на Генриетту. Там должна быть полярная станция.

- Была полярная станция, Витя, теперь закрыта. Но мы должны попасть на эту станцию, пусть и безлюдную. Как далеко от нас этот остров? — и я взял бинокль. - Километров 70-80, не менее. - Виктору показалось, что остров ближе, каких-нибудь в полусотне километров, но Данилыч согласился со мной. А у него глаз наметанный, охотничий глаз.

- послушайте меня, ребята, - говорю своим товарищам. - Сейчас этот остров от нас находится к северо-востоку. Мы дрейфуем на север с некоторым отклонением к западу. Когда мы поравняемся с островом, он будет у нас к востоку, мы несколько отклонимся к западу, расстояние между нами и островом немного увеличится. Допустим, расстояние будет 80 километров, и мы должны пройти этот путь по торосистому льду. Но мы не знаем, с какой скоростью мы сейчас дрейфуем и когда мы поравняемся с островом. Я предполагаю - через сутки, максимум - двое суток. Затем мы будем отходить, то есть удаляться от острова.

- Выходит, за это время мы должны выйти к острову, пройти 80, а может, и больше километров? - тревожно спросил Данилыч. - Это же невозможно по такому льду. Тем более на пути будут встречаться и разводья.

- Эх, мать твою мать! — зло выругался Виктор. Последний шанс уходит из-под ног. Теперь-то нас унесет в Ледовитый океан!

Успокойтесь, ребята, - говорю им. - Не все потеряно. Вы забыли о береговом припае. Должен же у такого острова быть береговой припай! У Четырехстолбового он составил километров 45. Думаю, у этого острова не меньше. По плавучему льду мы пройдем километров сорок, может, чуть больше. Нам лишь бы достигнуть припая, а там можем не спеша.

- Это другое дело! - обрадовался Данилыч. - Но надо торопиться, - и каюр стал быстро спускаться с тороса.

Я забыл раньше упомянуть о нашем наблюдательном пункте - торосе. Когда мы обосновались на этой снежной полянке, то обратили внимание на выделявшийся среди льдин, проходившей рядом гряды, огромный торос. К нему словно припаялись еще несколько различной величины, но меньших размеров льдин. Получилась как бы ступенчатая пирамида. И что было важно для нас, вершина этого тороса была не острой, как у других, а совершенно плоской. Взобраться на такую льдину несложно даже ослабевшему Виктору. Для удобства мы дополнительно в стене тороса вырубили еще несколько ступенек. С такого наблюдательного пункта было видно далеко вокруг. Мы его использовали в целях охоты, смотришь, не появился ли поблизости медведь, не показалась ли нерпа около ледяного берега. Удобный торос и находится рядом.

Пока Данилыч готовил завтрак, метеорологи разобрали палатку и снарядили нарту. Застоявшиеся собаки повизгивали от нетерпения в ожидании предстоящего похода. Данилыч их уже успел плотно накормить. Интересное это животное - северная рабочая собака! В изнурительном походе она выбивается из последних сил, но стоит ей достаточно отдохнуть, как она ждет и снова с удовольствием отправляется в тяжелую дорогу.

Перед завтраком я решил еще раз взглянуть на остров. «Что за чертовщина?» - невольно вырвалось у меня. Равнинная часть острова, напоминающая хвост доисторического пресмыкающегося, была разорвана надвое и сильно удлинена, а северная гористая часть еще больше взгорбилась и теперь была похожа на спину двугорбого верблюда. Солнце уже освободилось от облаков, и наша Беннета сильно полиняла, из темной превратилась в серую, затуманенную.

- Да остров ли это? - вслух произнес я. - Мираж, да и только!

За завтраком я поделился своим сомнением по поводу острова с товарищами. Виктор меня не поддержал. - Такое бывает, Саша! Это явление рефракции, - горячо возразил он мне. — В результате рефракции с отдаленным предметом происходит подобное. Он может увеличиваться, подниматься, искажаться. Короче говоря, здесь наблюдается рефракция в морском пространстве.

- Может быть, и так. Только почему этот остров так быстро полинял под лучами солнца и стал похож на облако? - возражаю я.

Данилыч, наспех перекусив, быстро поднялся и заспешил к наблюдательному пункту. Вскоре оттуда послышались недовольные взволнованные выкрики: - Рефракция! Беннета! Проститутка ваша Беннета! Тоже мне ученые-метеорологи, облако за остров приняли!

Я бегом к торосу, за мной Виктор. Стал смотреть в бинокль, хотя и простым глазом все было видно. Два горба пресловутого острова расползлись в стороны и поднялись над горизонтом, а оторвавшийся раздвоенный хвост превратился в обыкновенные два облачка. Исчезло видение острова. Это был оптический обман глаз, обманчивое явление природы. Я передал бинокль подоспевшему Виктору.

- Ну как, Витя, видишь свою рефракцию? - ехидно спросил Данилыч. И ко мне: - И ты хорош, Саша. Беннета... острова Де-Лонга! Тоже мне ученый-метеоролог! Чуть не сорвались с такого места.

- Ладно, Николай Осипыч, не ворчи, - примиряющее говорю ему. - Ты тоже обманулся. Природа подшутила над нами.

Мы несколько секунд молча смотрели друг на друга и вдруг разом все трое расхохотались. Смеялись долго, до слез. Это была разрядка.

Вдруг Виктор вскрикнул: - Мужики! Смотрите, нерпы! - и показал на ближайшее разводье. На воде вблизи от нашего берега были видны две головки морского зверя. Нерпы - звери любопытные, и, наверное, они слушали доносившиеся до них наши голоса.

Одну нерпу мы убили и вытащили из воды.

29 мая.

До сегодняшнего дня сравнительно теплая, солнечная, тихая или слабоветренная погода сменилась на противоположную. Сегодня с утра подул холодный, свирепый северян, небо заволокло низкими тяжелыми облаками, и повалил густой снег. Стало холодно, но терпимо. К вечеру снег перестал, и ветер пошел по часовой стрелке - перешел на северо-восточный и не превышает 15 м/сек.

Кругом белым-бело от свежесвыпавшего снега. Снегом прикрыты накануне появившиеся снежницы - небольшие озерки талой воды на льду. К нашему ледяному полю примкнуло множество других ледяных полей и льдин различной величины, и вся эта огромная масса льда куда-то движется. Сегодня северный ветер, вероятно, задержал движение льда, а может, и несколько отогнал его к югу. Но я думаю, что направление движения льда больше зависит от морских течений.

Мы сейчас, вероятнее всего, находимся в северо-восточной части акватории Восточно-Сибирского моря. Напрягая память, я вспоминаю, что раньше читал о полярных экспедициях Нансена и Де-Лонга. Корабль Де-Лонга «Жаннетта» в этой части Восточно-Сибирского моря когда-то дрейфовал в северо-западном направлении. В это же время. Несколько позже корабль Нансена «Фрам» дрейфовал западнее Новосибирских островов, но дрейфовал тоже в северо-западном направлении. По нашим наблюдениям и предположениям мы движемся в северном или северо-северо-западном направлении. Наверное, не по прямой, а больше зигзагами, но тянет нас ближе к полюсу. Водные течения действуют по своим природным законам, но в данном случае движутся от мелководной части моря к глубинам.

Знать бы, где мы сейчас находимся? Я предполагаю, что нас должно вынести к островам Де-Лонга. А дальше? Дальше просторы Ледовитого океана. Будет, что будет.

31 мая.

Восточный ветер разрядил лед и дальше продолжает разводить ледяные поля. Западнее нас и совсем близко образовалось широкое и необозримое в длину разводье, по которому ходят в белых гребнях волны. Об охоте на нерпу не может быть и речи, а мясо на исходе.

1 июня.

Перед нами теперь уже не разводье, а открытое море. Лед еле виден на западе. К северу и к югу - водное небо. Ветер продолжает крутить по часовой стрелке. Теперь дует с юго-востока и заметно стихает. Солнца нет, небо в низких слоистых облаках.

После обеда, как обычно в погожие дни, я поднялся на свой наблюдательный пункт для обозрения окрестности. К северу по кромке льда я сразу же обнаружил медведя. До него было не больше полукилометра. В бинокль я рассмотрел медведицу и двух небольших медвежат, копошившихся над убитой нерпой.

Спустя полчаса я и Данилыч находились уже около пировавших зверей. Перед нами дилемма: убивать или не убивать? Нам нужно мясо, наши запасы кончились. Но перед нами не медведь, а медведица с малышами! Решили отогнать зверей от их добычи, авось, и нам что-то осталось. Если же медведица поведет себя агрессивно - стрелять!

Мы вышли из-за тороса, держа наготове взведенные карабины. Завидев людей, медведица несколько секунд смотрела на нас, затем недовольно заурчала и слегка шлепнула лапой одного из медвежат, глодавшего мясо, поспешно заковыляла вдоль кромки льда прочь от нас. Мы видели, как она дважды останавливалась, торопила медвежат и вскоре исчезла за ледяными ропками. В воду она не пошла, как бывает часто с другими медведями. С ней были дети.

Не успели звери скрыться из виду, как неожиданно для нас откуда-то появились белоснежные, довольно крупные птицы. Недолго покружив над остатками медвежьего пиршества, птицы опустились на мясо и стали жадно клевать его. Это были белые по-

лярные чайки, встречающиеся только в высоких широтах Арктики. Они, вероятно, пасутся около белых медведей и кормятся около них. Мы подошли совсем близко, когда чайки взлетели и с криком стали кружить над нами. Нерпа была обглодана, тщательно очищена от жира, съедены внутренности и половина туши. Примерно с пуд мяса осталось и нам.

- Сытая мамаша была, а то бы так спокойно не ушла, - сказал Данилыч.

- Слава богу, - добавил я, - не пришлось грех на душу брать.

Мы решили прогуляться вдоль ледяной кромки с целью охоты. Если не удастся подбить нерпу, то к вечеру вернемся сюда и заберем медвежий подарок. Как только мы отошли на несколько шагов, чайки снова опустились на мясо. Их было всего полдюжины, и много они не съедят.

Вечером нам посчастливилось убить и вытащить из воды лахтака, иначе, морского зайца. Этот зверь значительно крупнее нерпы. И все же мы решили забрать остатки прежней нерпы на корм собакам. Запрягли собак, и Данилыч поехал. Спустя минут двадцать слышим выстрелы - один, другой, третий... Три выстрела. И осатанелый лай собак.

Оставив больного товарища около палатки, я поспешил к Данилычу.

Когда прибыл на место, увидел: Данилыч уже снимает шкуру с убитого медведя. Медведь - крупный самец и очень тощий, старый медведь.

- Неожиданно получилось. Собаки почуяли зверя - рванули. Ну, думаю, мамаша вернулась. Успел перевернуть нарту в торосах и закрепить ее остолом. Остановил собак. Выхожу к воде - верно, медведь. Только «Федот, да не тот». Худой, длинный и очень голодный. Ест и давится мясом. Стреляю. Он рывкнул, крутанулся вокруг себя и снова за еду. Только с третьего выстрела завалил его окончательно. Старый. Охотиться ему трудно, вот и ходит за медведицей – подбирает, что останется, - рассказывал Данилыч.

Уже поздно вечером наварили медвежатины и досыта наелись. Виктор отказался от медведя — ему сварили лахтачью печенку.

Виктор правильно сделал, что отказался от медвежатины. Сейчас по времени час ночи (ночь при солнце), и я заканчиваю описывать события прошедшего дня. Да вот беда, уже час как я мучаюсь животом. То и дело позывы на двор, так же и Данилыч. Может, мы перебрали за ужином медвежатины или медведь оказался больным? Скорее всего, последнее. А Виктор спит спокойно.

2 июня.

Прошло два месяца, как мы покинули свою родную полярную станцию. Сейчас она для нас такая родная и такая далекая. И такие там милые люди. Я уже не говорю о Большой земле. Сейчас бы очутиться на полярной станции, и то для нас был бы рай, но таких чудес на свете не бывает. Остаются одни воспоминания.

Погода пасмурная, низкая сплошная облачность. Нулевая температура при умеренном юго-восточном ветре. С перерывами сверху сыплет снежная крупа, понизу метет поземок.

Проводим время, как можем. С Данилычем охотимся. Сегодня убили нерпу в глубине льдины, у лунки. Вечером я стрелял по медведю, но неудачно. Далековато было, и я, видно, промахнулся. Медведь ушел. Виктору тяжелее. Парень тает на глазах. Он все больше лежит.

От медвежатины отказались в пользу собак. Хорошо, что у меня и Данилыча перестали болеть животы и наладился нормальный стул. Отделались легким испугом.

3 июня.

Погода без изменений, но сверху не сыплет, и улучшилась видимость. Утром увидели, что далеко по горизонту на северо-западе чернеет неширокая и невысокая полоса. Может, это остров, верхняя часть которого закрыта низкими облаками? Но мы теперь

Осторожнее и недоверчивее. Раз уже обожглись на этом. Но все же мы с надеждой и верой в лучшее то и дело всматривались в ту сторону, на эту темную загадочную полоску. После полудня, ближе к вечеру, сменился ветерок на южный, и этот южа-чок, будь он неладен, принес легкий туман, который скрыл от нас обнадеживающую темную полоску на горизонте.

4 июня.

Почти весь день погода без изменений - туман при видимости до трех километров. Мы волнуемся. Где мы? Куда и с какой скоростью дрейфуем? Остров ли это? А если остров, то не пронесет ли наше ледяное поле мимо? Как долго простоит туман?

Замечаем, что открытое море, что к западу от нас, уже забито плавающим льдом в 7-8 баллов. Что и как дальше - пока не видно из-за тумана.

Но вот сейчас к 10 часам вечера снова потянул южак, разгоняет туман, и на глазах улучшается видимость. Что будет дальше — посмотрим. Какое-то предчувствие — что-то должно решиться. Волнуемся.

5 июня.

Ночью разошелся ветер. Окончательно разогнал туман и стал рвать и гнать куда-то на север надоевшие нам тяжелые низкие облака. На горизонте снова показалась темная полоса, но теперь она казалась ближе и несколько сместилась к западу. Несомненно, это был остров, сверху закрытый облачностью.

К часу ночи стали появляться голубые просветы среди облаков, но мы вскоре заснули, не дождавшись, когда очистится небо. В половине пятого нас, как и в прошлый раз, разбудил радостный, возбужденный голос Данилыча: - Парни! Ребята! Проснитесь! Остров-то какой перед нами! Теперь это настоящая Беннета!

Я и Виктор быстро вылезли из спальных мешков, и нас ослепило яркое утреннее солнце. Небо почти очистилось от облаков, только над головой виднелись высокие и неподвижные

редкие перистые облака. На снег и торосы трудно было смотреть без очков - так они искрились разноцветным блеском под лучами восходящего солнца. На месте той темной полосы виднелся незнакомый, словно сказочный остров. Остров был небольшой, но высокий. На фоне голубеющего неба возвышался ледяной лиловый купол, понизу обрамленный черными скалами. Странное сочетание: золотисто-светлый, лучезарный цвет центральной части острова с мрачным, даже зловещим отливом черных скал. Да, перед нами было не облако, как в прошлый раз, а настоящий арктический остров, затерянный в необозримых ледяных просторах океана. Но что это за остров?

Я чувствовал, что мои товарищи ждали от меня ответа на этот вопрос, но я был тоже в затруднении.

- Это наверняка один из островов Де-Лонга. Но какой? Можно точно сказать, что это не остров Беннета. Так, Виктор?

- Саша, я сейчас не помню описание этих островов и даже туманно представляю, как они расположены по отношению друг к другу, - как-то виновато сказал Виктор. И добавил: - Надо искать второй остров. Надо посмотреть с верхотуры, с тороса.

Мы поднялись на свой наблюдательный пункт и осмотрелись. Северная акватория горизонта была далеко видна. Ледяные поля с разводьями. Ближе к западу просматривалось водное небо. В южной части небосвода видимость ухудшалась - там стояло какое-то неясное марево по горизонту, а выше - водное небо. Второго острова мы не открыли.

Меня спросили о расстоянии между Генриеттой и Жаннеттой и как они расположены. Верный ответ, конечно, я не мог дать ребятам, но, напрягая память, я рассказал им, что знал об островах Де-Лонга. Оба острова небольшие, скорее всего, меньше нашего Четырехстолбового, а остров Жаннетта меньше Генриетты и расположен к югу или юго-востоку от острова Генриетты на расстоянии приблизительно километров тридцать-сорок. Оба острова скалистые и труднодоступные, центральная часть их долж-

на быть покрыта постоянно нетающим льдом. Вероятно, перед нами остров Генриетты, так как при хорошей видимости к северу и северо-западу не просматривается другой остров. Если же это остров Жаннетты, то остров Генриетты мы должны увидеть где-то в северной части небосклона. Значит, остров Жаннетты находится где-то южнее, и мы его не можем видеть из-за туманной дымки.

Спустя часа полтора эта туманная дымка накрыла и нас, скрыла от нас незнакомый остров. Светит солнце, а видимость не более пяти километров. Тепло. Температура к полудню повысилась до плюс 1 градуса - первый день с плюсовой температурой.

Мы решили ждать, когда остров будет от нас на западе - тогда он будет ближе. Мешает дымка, но мы надеемся, что с понижением температуры в ночное время она исчезнет. Потом мы с Виктором долго говорили об островах и действующих полярных станциях в акватории Восточно-Сибирского моря, особенно об островах Де-Лонга. Виктор в прошлом году окончил Ленинградское арктическое училище, где курсантам читали подробный курс «Истории советской Арктики», который хорошо ознакомил их со всеми островами и действующими полярными станциями нашей Арктики. По его словам, остров Генриетты он помнит потому, что здесь находится самая тяжелая и суровая по природным условиям полярная станция, и еще по заманчивому поэтическому названию острова - остров Генриетты... Звучит! И хорошо запоминается... О двух других островах он помнит смутно.

В свое время на курсах Полярных Работников я тоже слушал «Историю советской Арктики», но из-за недостатка времени более кратко. Хотя нам повезло. Метеорологию нам преподавала Нина Николаевна Толстикова, жена начальника Управления полярных станций Е.И.Толстикова. Евгений Иванович иногда приходил на ее занятия, слушал ответы курсантов. Последнее его посещение было в мае прошлого года. Мы уже знали, что нашу группу направят на

месяц раньше, чем курсантов других групп, и направят в восточный сектор Арктики. Нас уже начинал волновать вопрос распределения, то есть кто на какую полярную станцию попадет. И мы, курсанты, попросили Евгения Ивановича рассказать нам о быте и природных условиях каждой полярной станции восточного сектора Арктики. Евгений Иванович согласился, попросил Нину Николаевну занять ее учебный час под свою лекцию. Ровно час Е.И.Толстикова рассказывал нам о полярных станциях, в основном о маленьких, островных полярных станциях, где тяжелее быт и природные условия.

«Если хотите по-настоящему узнать и увидеть Арктику, то надо зимовать на небольших станциях, а лучше на островных, где быт и природные условия более суровые, где можно проявить свой характер... Там настоящая Арктика!» - говорил нам Евгений Иванович.

О полярной станции о.Генриетты он сказал, что из-за труднодоступного подвоза грузов, иначе, ее снабжения и смены зимовщиков, станция недавно временно законсервирована до лучших времен. Помню, кто-то задал вопрос: как понимать консервацию станции? Евгений Иванович отвечал, что техническое и научное оборудование, а также оставшееся продовольствие с объекта не вывозилось. Оставлено до лучших времен.

На своей полярной станции, где хорошая библиотека, долгой зимой я отыскал и перечитал почти все, что было об Арктике, особенно о попытках обнаружить легендарную землю Санникова. Предполагалось, что находится она там, где мы сейчас находимся, северо-восточнее Новосибирских островов. Читал я и о трагической экспедиции Де-Лонга в конце прошлого века. Думаю, что эти познания помогают мне лучше ориентироваться здесь, где дрейфовал на судне «Жаннетта» американский полярный исследователь Де-Лонг.

6 июня.

Как мы и предполагали, с понижением температуры ночью дымка

исчезла, и вновь открылся остров. Теперь он находится от нас в направлении вест-норд-вест (западо-северо-запад) и, кажется, стал ближе. Завтра утром остров будет от нас на западе или почти так, и мы пойдём к нему. Теперь, когда есть неподвижный ориентир, мы видим, что дрейфуем довольно быстро.

Погода капризная. К утру юго-западный ветер закрыл от нас чистое небо плотным покрывалом из низких лохматых слоисто-кучевых облаков. Облака быстро плывут, и небо как бы шевелится. Остров словно в прятки играет с нами - то скроется, то вновь покажется нам. Думаем, до него не более 30 километров. Он нам кажется таинственным, холодным и страшным, как неприступная цитадель. Завтра пойдём на его штурм, даже если он не будет виден. Нам бы только добраться до его припая, если только он существует.

7 июня.

Очень тяжелый день. За длинный день прошли не более 15 километров. На пути встречается много торосов и небольших разводий, а на ровном льду много снежиц, небольшие озёрки пресной воды. Наша обувь, не приспособленная к таким путешествиям, промокла насквозь и отяжелела. Ко всему этому, после полудня пошел мокрый снег, перешедший в дождь. Виктора жалко. Как можем, помогаем ему в дороге.

В дорогу отправились с полузаправленным примусом. Надеялись, что вечером на примусе удастся немного просушить унты, но горючего хватило только на приготовление пищи. Все, баста! Теперь мы остались без огня, без горячей пищи. Приспособили шарфы под портянки и - в сырые унты. Конечно, ноги не поморозишь, сейчас нулевая температура, но простудить можно. Неудобства большие, но мы сегодня так измотались, что, невзирая ни на что, очень хочется спать.

Главное - мы достигли припайного льда. До острова осталось идти километров десять-двенадцать, может чуть больше.

8 июня.

Находимся на безлюдной полярной станции «Остров Генриетты». Это уже победа! Первый этап выживания, тяжелого и, казалось, безвыходного нашего выживания, закончился. Начинается второй этап нашего выживания, борьба за жизнь. Какое оно будет - покажет будущее. Конечно, будет нелегко. Теперь эта полярная станция людная, живая!

К острову мы подошли в полдень и сравнительно легко. Сегодня похолодало, на льду подтянуло снежницы, на припайном льду не было разводий. Восточный берег острова. Уперлись в неприступную отвесную скалу, высотой метров под сорок. Два часа отдыха на пустой желудок, затем решили искать полярную станцию. Я был уверен, что мы находимся у острова Генриетты. У ребят такой уверенности не было. Виктора и вещи оставили на месте, а мы отправились вдоль неприступных береговых скал. Данилыч на собачках - к югу, я пешочком - на север. Если кто из нас обнаружит станцию - вернуться назад к Виктору. Остров сравнительно небольшой, и его, вероятно, можно объехать на собачках за несколько часов.

На пути встречались торосы, но не крутые, посильные, так что идти было можно. Через полчаса я обогнул какой-то мыс и пошел вдоль берега в северо-западном направлении. Заметно было, что берег здесь становился ниже и уже не скалистый, это был крутой каменистый берег. Через минут двадцать я обогнул еще один мыс, крутой и высокий и значительно выдвинутый в море. Передо мной открылась неглубокая, до полукилометра в ширину бухта с пологими берегами. В некотором отдалении от берега центра бухты были видны крыши строений.

Я стоял словно замороженный. Чувствую* что на глазах выступают слезы радости. - Вот она, милая... голубушка ты наша... спасение наше, - говорил я, плача от радости. И еще что-то бормотал, что-то сумбурное. Сначала хотел повернуть назад с радостной вестью, но передумал. Не терпелось посмотреть станцию.

Берег здесь был невысокий, метра 3-4 высотой, и был не ка-

менный, коренной, а ледяной, или, вернее, сложен из плотного, слежавшегося снега, по твердости не уступающего льду. Не без труда я отыскал место, где можно было подняться вверх. Снежно-ледяная поверхность с подъемом протянулась к коренному берегу метров на 150. Пользуясь плотными снежными застругами, рискуя скатиться назад к морю, я преодолел это расстояние и вышел на коренной берег. На возвышении, в сотне шагов от меня стояли небольшого размера, невзрачные строения полярной станции. Подойдя ближе, стал определять назначение каждого помещения. Жилой дом, склад, баня... Назначение четвертого домика сразу не смог определить. Должно быть, механическая мастерская, решил я.

В приподнятом настроении я спустился к морю и заспешил к своему лагерю. Обогнул первый, крутой мыс, вскоре обхожу второй и вижу - навстречу мне катит на собачках Данилыч.

- Поворачивай назад, Николай Осипович, - говорю ему. - Бери Виктора с вещичками и вези их на полярную станцию «Остров Генриетты».

Каюр недоверчиво смотрит на меня, дескать, не разыгрываю ли я его. Но вот глаза его как бы смягчились, заискрились радостью.

- Неужели нашел? — почти шепотом спросил он.

- Только что оттуда, дорогой Николай Осипович. Она недалеко отсюда, сразу же за вторым поворотом.

Данилыч как бы с облегчением вздохнул, опустился на нарту, снял свою шапку-малахай и вытер сразу вспотевшее лицо. С минуту молча сидел, уткнувшись лицом в шапку.

- Спасибо тебе, Саша, за хорошую весть, - тихо и душевно сказал он, поднимаясь. Быстро развернул собак и покатил назад. Я тоже повернул назад и зашагал к своей станции.

Ближе к вечеру мы уже осваивались на новом месте. В первую очередь отыскивали бензин и заправили примус. Мы были очень голодны. При жилом доме была небольшая кладовка, где хранилась часть продуктов. Здесь были сухие колбасы, различные

консервы и концентраты, три двадцатикилограммовых ящика сливочного масла, три мешка сахарного песка, сгущенное молоко и некоторые другие продукты. Большая часть продуктов должна храниться на складе. Это мы определили по остаточной продуктовой ведомости, которую мы поверхностно, наскоро просмотрели. В другой материальной ведомости нас интересовали обувь и одежда, так как мы со вчерашнего дня были в сырой обуви и одежде. Среди различного довольно длинного перечня материальных ценностей отыскалось то, что нам сейчас было так необходимо: телогрейки-бушлаты, сапоги, валенки, носки и другая обувь и одежда. Оставив Виктора кашеварить у примуса, мы с Данилычем отправились вскрывать склад. В складе, небольшом крепко скроенном помещении, был образцовый порядок. Все вещи были аккуратно разложены по полкам и на полу, и мы без труда отыскали то, что нам было нужно.

Когда мы переоделись в сухое, пусть и холодное, белье и одежду и обулись в новые валенки, затем плотно поужинали (королевский ужин) супом на концентрате, разогретыми консервами из гречневой каши с мясом и рыбными консервами, вдоволь попили сладкого чаю с колбасой - мы почувствовали себя другими людьми - бодрыми и счастливыми. К сожалению, поели без хлеба (его надо еще испечь, мука-то есть на складе), но его заменили галеты. Ужинали в небольшой столовой, которую на полярных станциях называют кают-компанией, как на пароходах. Рядом и кухня.

Печи решили топить завтра с утра, так что эту ночь решили переспать в спальнях мешках. Если затопить печи сегодня, то будет задымленность помещений, стены и потолки в комнатах отпотеют, так что ночевать здесь будет невозможно - можно угореть.

Но вот Данилыч не вытерпел. Достал где-то старую доску, принес угля и растопил печь-плиту на кухне. Решил подсушить нашу обувку. Неугомонный он человек.

10 июня.

Вчера с утра затопили печи. Большая печь, обогревающая комнаты, сначала слегка дымила, потом обошлось. Печь на кухне Данилыч уже опробовал накануне, и она сразу загудела. Температуру в помещениях довели до 18 градусов. Больше не стали. Опасались перегреть кирпич — потрескается. Как мы и предполагали, замороженные стены и потолок сильно отпотели, долго плакали, в доме словно туман - пар смешанный с дымом. Пришлось откашливаться. Ближе к вечеру проветрили помещение. Стены и потолок почти просохли. Вечером снова затопили. Стало тепло, хотя влажность ощущалась.

Спать ложились по-человечески, на кровати, отдыхали от спальных мешков. Хорошо-то хорошо, да вот не смогли мы вчера помыться, ложимся спать и чувствуем - тела наши несвежие, в заскорузлости, застарелым потом отдают; баньку тоже топили, но для прогрева помещения. А вот сегодня истопили ее по-настоящему - помылись с парком. Какое это удовольствие после того, что мы испытали, оказаться в бане! После нее мы были учтивее и добрее друг к другу, разомлевшие, долго сидели в своей крохотной кают-компании и пили крепкий чай.

Около бани обнаружили несколько вытаявших из снега, отполированных и твердых, небольших стволов деревьев. Это был плавник - выброшенные морем стволы деревьев. Значит, на острове где-то есть прибрежные пониженные места, откуда зимовщики на плаву буксировали его к снежному берегу и каким-то способом затаскивали к станции. Это очень хорошо, что здесь есть плавник. Значит, будут у нас дрова, а угля здесь достаточно, лежит рядом с жилым домом. После обеда напилили и накололи два бревнышка, так что теперь на некоторое время дровишками мы обеспечены.

11 июня.

Погода пасмурная, неуютная. Иногда начинается дождь, но ненадолго. Температура воздуха нулевая. Около станции появились пуночки, как бы полярные воробьи.

Поют, щебечут. Мы их подкармливаем кашей и хлебными крошками - клюют за милую душу. Кстати, вчера Данилыч испек первый хлеб. Правда, немножко он был присадистый, не пышный, но душистый. Как же мы ему были рады! Я и Виктор поздравляли Данилыча и так восхваляли, готовые были его расцеловать за этот хлеб! Так мы соскучились по хлебу.

Утром провели совещание, обсудили свое положение и как жить дальше. Мои товарищи решили, чтобы я был не как старший по положению, а как начальник станции. Решили как-то оживить станцию, не находиться на ней на положении иждивенцев, выжидая, когда нас здесь обнаружат и вывезут, а вести активный, деятельный образ жизни. Решили четыре раза в сутки, по климатическим срокам систематически вести метеорологические и гидрологические наблюдения. Конечно, эта работа, возможно, впоследствии окажется безрезультатной для науки, но она будет дисциплинировать нас, даст нам стимул и смысл нашему вынужденному пребыванию на полярной станции. Надо срочно восстановить метеоплощадку и заново оборудовать метеокабинет. Сейчас метеокабинет с радиорубкой расположены в соседнем однокомнатном домике, за стеной которого находится механическая мастерская. Мы решили взять ртутный барометр и самописцы из метеокабинета и установить в одной из комнат жилого дома. Так будет удобнее для нас.

Мастерская оказалась в плачевном состоянии. Крыша над помещением односкатная и довольно плоская, состоит из нескольких слоев толи и рубероида. Сейчас на крыше лежит полуметровый слой подтаивающего льда. Когда мы открыли это помещение, то ужаснулись. Мотор для выработки электроэнергии, аккумуляторы — стеклянные емкости со щелочью были подо льдом. Емкости, конечно, разодрало. Было чему ужаснуться. Мы теперь лишены электроэнергии и оказались в неприятном положении. Лишены радиопередач, освещение — керосиновая лампа.

Откуда здесь лед? Догадаться нетрудно. Во время сильных

осенних штормов обильные брызги, а, может, и каскады воды достигали территории станции. При минусовой температуре во время шторма на плоской крыше шло быстрое нарастание льда, в результате чего под его тяжестью крыша проломилась, и потоки ледяной воды хлынули в помещение. Печальная история.

Данилыч добровольно взял на себя обязанности повара с условием, чтобы мы готовили топливо для кухонной печи и приносили на кухню снег или лед для воды. И еще у него одна обязанность, которую он никому не уступил бы - кормить и ухаживать за собаками. Кстати, собака Найда 8 числа принесла пять щенков. Какая умница! Не в дороге оценилась, не во льдах, а через два часа по прибытии на постоянное место. Словно знала, что мы найдем станцию, и терпела. Последние два дня при переходе на остров в упряжке ее не использовали - она спокойно, понимающе плелась вместе с нами сзади нарты.

Более внимательно познакомились с документацией, отражающей, что сейчас есть на полярной станции. Прикинули, что продовольствия, одежды, обуви, всего, что необходимо для жизни, нам хватит, минимум, на 2-3 года, а может, и больше. Другие материальные ценности и оборудование нас меньше интересуют. Механическим и радиотехническим оборудованием мы уже не можем пользоваться из-за выхода из строя аккумуляторов и движка. Горючие материалы - бензин, керосин, каменный уголь - здесь в достатке. Обрадовало нас, что на станции оказалась двухвесельная лодка. Это хорошо.

Сегодня хорошо натопили большую печь, и теперь чувствуем, что воздух в доме теплый, сухой, жилой. После обеда занимались в механической мастерской, скалывали лед. Решили там временно поместить Найду со щенками. Остальные собаки до холодов будут находиться на воле. Собаки без привязи и, кажется, уже освоились, но далеко от станции не уходят.

13 июня.

Вчера и сегодня занимались оборудованием метео-кабинета

на новом месте и метеоплощадкой. Самописцы, ртутный барометр и метеостол перенесли в одну из комнат жилого дома, что побольше. Барометр установили (старались установить) точно на таком же уровне, на каком он был в метеокабинете. Иначе будут искажаться показания атмосферного давления воздуха. На метеоплощадке освободили ото льда обе психометрические будки и два флюгера: с тяжелой и легкой досками. Поставили дождемер, подтянули и укрепили ослабевшие оттяжки флюгерных мачт. В метеобудках установили термометры и психрометр, которые нашли в метеокабинете в хорошем состоянии. 13-го, в час ночи я делаю, после длительного перерыва, первый климатологический срок на полярной станции «Остров Генриетты». В климатическую книжку записываю температуру и влажность воздуха, количество осадков, если они будут, направление и скорость ветра, состояние облачности и ее бальности, состояние видимости, вид и интенсивность осадков и некоторые другие атмосферные явления. Это на метеоплощадке. А в метеокабинете снимаются показания ртутного барометра (атмосферное давление) и самописцев - барографа и термографа, регистрирующих тенденцию изменения давления или температуры в течение суток.

Сейчас 11 часов вечера. Через два часа я приступаю к работе, делаю первый метеосрок, который на станциях не передается по радию, как синоптический срок, а служит только для науки. А если бы работала связь, то мы делали бы и синоптические сроки (четыре срока в сутки), и тогда бы станция была задействована в работе. Но, увы! Будем делать четыре климатологических срока: в час ночи, в 7 часов утра, в 13 и 19 часов. Я провожу ночной и утренний сроки, Виктор - дневной и вечерний.

15 июня.

Неделю прожили на полярной станции. Обвыкаемся. Но ознакомиться с островом пока нет возможности - времени нет, и погода мешает. Сегодня весь день туман. За неделю, что здесь находимся, ни разу не видели солнца.

Температура около нуля, минусовая. Вчера решил начать ознакомление с островом. Шел верхним наскальным берегом, который возвышался над уровнем моря не менее 40- 50 метров. На пути много оголенных от снега камней и небольших валунов. Снег пожелтел, стал рыхлым и ноздреватым. Сначала дорога шла в западном направлении, затем берег завернул на юго-запад и уклонялся ближе к югу. Прошел я, приблизительно, километра полтора и услышал множество птичьих голосов. «Птичий база», - обрадованно подумал я. С приближением к нему птичий гвалт усиливался, выделялись голоса чаек и кайр. Но пошел дождь, и мне пришлось повернуть назад.

17 июня.

Вчера стоял туман, а сегодня с утра солнечно. Все кругом преобразилось: засверкало, заискрилось, снег и белые льды слепят глаза. Температура плюс один градус, но на солнце, на припеке значительно теплее. И на душе повеселело, хотя где-то внутри у каждого из нас затаилась и как бы шевелится временно приглушенная тоскливая тревога. Мы только значительно улучшили свое положение, снявшись с дрейфующих льдов, но не избавились от ледового плена. Теперь мы робинзоны, и о нас никто на свете не знает, что мы здесь. И судьба наша неопределенна, будущее - туманно... Что поделаешь, пока нужно вживаться, жить в непривычных нам условиях, а дальше что будет... Будем надеяться, что с наступлением навигации, может, залетит сюда, с целью разведки ледовой обстановки, самолет и обнаружит нас. Не в этом году, так в следующем, следующем за следующим... Будем жить надеждой.

Утром я и Данилыч решили на собачьей упряжке объехать остров. Сначала ехали вдоль восточной части острова (на самом деле мы больше шли или бежали за собачками, держась за передок нарты, - упряжка-то слабенюкая - всего пять собак). Скоро мы добрались до того места, где в прошлый раз (когда была обнаружена станция) Данилыч из-за сильной заторошенности не смог дальше ехать и повернул назад. Действительно, картина впечатляющая! Огромные льдины, некоторые высотой до 15-20 ме-

тров беспорядочно громоздились вдоль отвесной базальтовой стены острова и, казалось, пытались преодолеть берег, но, достигнув лишь середины скалы, остановились. Высота скалистого берега в этом месте была не менее 40 метров.

Мы решили объехать неодолимый для нас ледяной барьер. Дальше от берега торосы были менее крутые и высокие и, пройдя около километра вдоль гряды, мы благополучно преодолели их и вернулись к острову. За грядой торосов берег круто уходил к западу, и мы, то и дело преодолевая невысокие гряды навороченного льда, минут сорок двигались, пока не повернули на северо-запад. Вскоре мы достигли птичьего базара.

Высота птичьих скал была не менее 70-80 метров. Птиц было много, но я думаю, что их будет еще больше, так как, вероятно, этот базар находится в стадии заполнения прилетающими пернатыми. И птичий гомон здесь был не такой оглушительно-оголтелый, как помню на птичьем базаре в бухте Угольной. Сейчас птицы были спокойнее. Они только осваивались, подбирали под гнезда карнизы, и, возможно, у некоторых несущек, особенно у кайр, появились первые яйца. Вот будет теплее - и птичий базар загалдит так, что за версту будет слышно. Здесь по численности преобладали кайры. Они занимали в основном средние этажи и самые широкие карнизы и уступы. В менее удобных местах для гнезд и, как правило, ниже кайр селились менее прихотливые чайки-моевки, а еще ниже среди каменных россыпей у подножия скал - чистики и люрики. А на самых верхних этажах чинно восседали и плавно парили в воздухе полухищные крупные чайки - бургомистры. И вся эта пернатая братия мирно уживалась между собой.

Как мы прикинули, от птичьего базара до станции было не менее трех километров. Остров мы обошли за 4,5 часа. Он имеет почти овальную форму и на всем протяжении окаймлен высокими скалистыми, в основном, базальтовыми берегами.

По нашим расчетам остров Генриетты имеет протяженность

с севера на юг не более четырех километров и почти столько же, может быть, чуть меньше, с востока на запад.

Вчера загуляла одна из наших собак - Белка. Собака молодая: ей и года еще нет. Теперь у нее только один ухажер - молодой кобель Уголек. Два других кобеля Балбес и Трезор кастрированы. Балбес и есть балбес, ведет себя спокойно, а вот Трезор уже дважды схватывался с Угольком, хотя и бесполезен для Белки. Охочая сука возбуждает и кастрированного кобеля, но Данилыч строгий хозяин — привязал Трезора.

18 июня.

Утром после завтрака солнце исчезло за облаками. После полудня задул юго-западник и быстро стал крепчать. Вечером он достиг ураганной силы. Воеет ветер, а на море трещит и с грохотом ломается лед. Значит, на море сильный прилив.

Мы отсиживаемся в теплом доме, собаки спрятались от ветра на крылечке, Найда с потомством своим ютится в сарае. Теперь нам никакие бури-ураганы не страшны. Мы же находимся не в дрейфующих льдах. А каково сейчас птицам на птичьем базаре? Ведь ураганный ветер хлещет напрямую по птичьей скале.

19 июня.

Утром встали - глазам не верим. К востоку и северо-востоку от острова — чистая вода. По ней гуляют крутые волны в белых барашках. Лед отогнало от острова на несколько километров. Ветер заметно ослабевает и дует порывами. С противоположной западной стороны острова лед скрипит, трещит, и впечатление такое, что лед лезет на остров.

К вечеру ветер поутих, и на море стала успокаиваться волна. Над водой вблизи острова появляется множество пернатых: чайки, кайры, бургомисты. Между ними, ближе к берегу, снуют проворные чистики. Воздух оглашен их криком. Особенно крикливы и неугомонны чайки-моевки. Мы рады за птиц.

Не погибли, уцелели горемычные, пережили непогоду. Где же они прятались от свирепого ветра?

Теперь можно сделать вывод: около острова нет припая. Мы благополучно добрались до острова по временно прижатым к нему сросшимся ледяным полям. Тогда нам здорово повезло. А если бы ледовая обстановка вокруг острова оказалась, как сегодня?

Кстати, сегодня с утра пришла в охоту вторая наша дама - пятилетняя матерая сука Челита. Началось с того, что она здорово потрепала Белку, за которой продолжал ухаживать Уголек. Теперь молодой кобель ухаживает за Челитой. А Белка держится в стороне от них, с неприязнью и досадой поглядывая на коварную соперницу и изменника Уголька.

Это хорошо, будет у нас тягловое пополнение. В дальнейшем, я думаю, нам будут нужны собаки, много собак. Все дело в корме, как и сколько мы его добудем.

22 июня.

Вчера ледяные поля надвинулись к острову и сейчас словно застыли шагах в двухстах от берега. Но лед движется, хотя и очень медленно. Вчера вечером был сильный снегопад, и в узком проливе вблизи берега образовалась снежная шуга. По такому снежному месиву, наверное, можно ходить, но мы не рискуем, и пока нет надобности в этом. Дневная температура около нуля. Сегодня к вечеру разъяснилось - показалось солнце. Над станцией часто пролетают чайки, весело щебечут пуночки, погода предвесенняя. Когда же наступит настоящее тепло? Может, его здесь не бывает?

Прошло две недели, как мы на острове. Обвыкаемся. Я и Виктор четыре раза в сутки ведем метеорологические наблюдения, снимаем показания приборов и обрабатываем их. По возможности измеряем температуру морской воды и определяем ее соленость.

Та эйфория, что нас охватила по прибытии на остров и в первые дни освоения полярной станции, прошла.

Сейчас приходится думать о нашем будущем, просчитывать шансы на выживание.

Вчера досконально произвели проверку имеющихся в наличии пищевых продуктов, которые в основном соответствовали остаточной ведомости. По прибытии на станцию мы переоценили количество имеющихся здесь продуктов, считая, что их нам хватит на два, а то и на три года. И вот вчера, сделав ревизию, мы прикинули, что основных продуктов, таких, как мука, крупа, макаронные изделия, сахар, масло, чай, нам хватит только на год. Колбас, молочного порошка, сгущенного молока, галет, сушеного картофеля, различных консервов и концентратов - на полгода с натяжкой. В летний период эту продукцию надо приберечь, в основном налегать на яйца и мясо от охоты. Каменного угля для обогрева дома, пожалуй, хватит на год. О бензине и керосине не следует беспокоиться - если использовать только примус и керосиновые лампы, то этого горючего нам хватит на несколько лет.

23 июня.

Ночью задул юго-восточный крепкий ветер, и ледяные поля, смяв снежную шугу, надвинулись на остров. Лед медленно движется вдоль скалистого берега. Сильный шорох, скрежет, треск ломающихся льдин слышны отовсюду. Солнце словно в прятки играет: то покажется, то спрячется за кучево-слоистыми облаками.

Июньские полярные дни. Светлые солнечные ночи. Ночью солнце даже не касается горизонта. Перед сном мы закрываем окна плотными шторами. Спим в отдельных комнатах. Я расположился в метеокабинете, Виктор - в соседней комнате (так он пожелал), а Данилыч поселился в комнатке, поближе к кухне, с выходом в салон. Мы решили кают-компанию, то есть столовую, называть салоном, как было принято на полярной станции «Четырех-столбовой».

Сегодня установили лебедку на коренном берегу. Возможно, а мы надеемся на это, придется использовать шлюпку для охоты и заготовки плавника. Конечно, если отгонит лед от острова.

Мы хорошо поработали топорами и лопатой. На снежно-ледяном склоне вырубали много ступенек для удобства и безопасности хождения.

Сегодня плюсовая температура. Снег на более ровной каменистой части острова, что расположена между центральным ледяным куполом и обрывистым берегом, заметно тает, местами журчат ручейки, уже оголены повсюду разбросанные валуны и более мелкие камни. Снег напитан влагой, местами ноздреватый. Пришла весна.

24 июня.

Сегодня мы с Виктором ходили на птичий базар, так сказать, на разведку. Какая там разведка, нам следовало активно наступать! Кайры-то приступили к массовой кладке яиц, а часть птиц - к насиживанию. Даже простым глазом, а в бинокль тем более, на карнизах скал видны крупные голубые яйца. На более низких этажах, где гнездятся чайки моевки и чистики, яиц не видно. Там больше летающих птиц, громче гвалт.

Мы вернулись на станцию, посоветовались и решили немедленно приступить к операции «Яйцо». На складе имелась специальная веревочная лестница для работы на птичьем базаре. Развернули ее и замеры. Сорок метров. Этого достаточно, чтобы охватить верхнюю и центральную часть базара, где гнездятся в основном кайры. Лестница была довольно громоздкая и тяжелая; для безопасности и удобства работы ее поперечные крепления были усилены прочными дощечками. Запрягли собачек и сами впряглись в нарту, и по каменистому грунту отволокли это сооружение к птичьему базару. Сверху, вблизи обрыва, было много валунов различной величины. За один из них мы прочно закрепили нашу лестницу и сбросили ее вниз. Под своей тяжестью клубок лестницы моментально размотался, и лестница плотно прилегла к скале, достигнув ее центра...

К нашему удивлению птицы спокойно отнеслись к нашей затее и не подняли дополнительного гвалта.

Я первым стал опускаться вниз и, спустившись метров на 10-

12, стал обирать по обе стороны лестницы первые яйца. Птицы нехотя слетали с гнезд. Я предполагал, что при их взлете будут потери яиц, но ни одно яйцо не упало вниз. Даже на довольно узких скальных выступах при резком взлете несушки яйцо только крутнется, но остается на месте. Я опустил до середины лестницы и собрал десятка два яиц. Работать было неудобно. Держась одной рукой за лестницу и немного оттянув ее, можно удалиться в сторону по карнизу не дальше метра. Лестница тяжелая и манипулировать ею трудно и опасно.

После меня опускался Данилыч. Он спустился ниже меня метров на десять, но добыча его была скудная, всего 12 яиц. Виктор отказался от такого спуска.

- Сегодня бедноват улов, - говорю ребятам. — Завтра попробуем переместить лестницу на новое место.

Но Данилыч рассудил по-своему: - Это ни к чему. Трудоемко и ненужно, - сказал он. - На складе есть хорошая веревка из Манилы. Спустим ее рядом с лестницей. Будет хорошая страховка. Предложение Данилыча было дельное.

На ужин была сготовлена глазунья из кайровых яиц. Наелись до отвала. Теперь мы считаем, что яйца кайры по вкусу ничуть не уступают куриным.

25-26 июня.

Погода резко изменилась. Остров закрыт туманом. Небо в тяжелых облаках. Температура воздуха ниже нуля. На птичий базар не ходили. Пусть полярные курочки побольше снесут для нас яичек.

Сегодня застелили тройным слоем рубероида крышу механической мастерской. Вечером, когда туман слегка рассеялся, с юга над островом, почти над нашей станцией пролетел большой косяк гусей. Они летели невысоко, но под самыми облаками, тяжелыми и мрачными, неприветливыми облаками. Их грустный, слегка тревожный крик будоражил душу... Они летели куда-то на север и вскоре их черные силуэты затерялись в разреженном ту-

Куда же полетели гуси, эти смелые неугомонные странники? Ведь дальше к полюсу земли-то нет. Неужели летят они через Ледовитый океан к северным берегам Американского континента?

27 июня.

Сильный северный ветер разогнал туман, но небо в сплошных облаках. Над островом то и дело зарядами проносятся то мелкий сухой снег, то снежная крупа. Максимальная температура воздуха минус два градуса. Так хочется поработать на птичьем базаре, но погода нелетная.

29 июня.

Сегодня в полночь (полночь полярного дня) ветер утих совершенно. Когда я делал ночной срок стояла настороженная тишина, только иногда донесется с моря короткий стон или скрип трущихся огромных льдин. «Теперь откуда задует?» - загадывал я. На небе разбегались последние облака (там свои ветры), по северному небосклону, не касаясь горизонта, ровно, спокойно светило чистое солнце. Теплело. Температура воздуха на полградуса перевалила за нуль. Полградуса тепла.

Когда же я делал утренний климатологический срок, то с юга уже задувал слабый (3-4 м/сек) ветерок, температура воздуха поднялась до 1,5 градуса тепла. Повеяло весной. С юга тянуло влагою и весною.

После завтрака отправились на птичий базар. При помощи страховочной веревки мы по скальным карнизам отходили от лестницы в сторону шагов на 8-10. Сначала было страшновато отрываться от лестницы, но скоро освоились и к концу дня работали безбоязненно, словно альпинисты. Яйца собираем в ведро, подвешенное на груди. Когда оно наполняется, то сборщик привязывает его к страховочной веревке, а кто-то наверху, чаще Виктор, осторожно вытягивает ведро наверх и освобождает. А веревку снова спускают вниз вдоль лестницы.

Там, где в прошлый раз мы обобрали яйца, сегодня на этих местах лежат новые, свеженькие. Сейчас идет интенсивная кладка

яиц. Кайра крепко сидит на гнезде и довольно спокойно относится к человеку. Иногда приходится осторожно спихивать ее с гнезда, и тогда она начинает возмущенно вскрикивать и кружить над головой. Больше кайр беспокоятся, кричат и кружат над нами бургомистры, хотя их мы и не трогаем. Гнездятся они на верхних выступах скал, поблизости от верхнего склона обрыва.

За день напряженной работы собрали около 250 яиц. Виктор не принимает участия в сборе яиц. От высоты у него слегка кружится голова. Боязнь высоты. Мы его понимаем.

Погода в основном солнечная и довольно теплая. Днем температура воздуха поднялась почти до четырех градусов. На каменистой поверхности острова идет интенсивное таяние снега. По ложбинкам в сторону моря текут ручейки. Сегодня мы обулись в резиновые сапоги. Другая обувь уже не по сезону.

1 июля.

Работаем на птичьем базаре. Наверху закрепили вторую страховочную веревку и теперь с Данилычем работаем одновременно: он обирает яйца по одну сторону от лестницы, я - по другую. Сегодня после окончания сбора вытянули лестницу наверх, смотали ее в клубок и перетащили на новое место, закрепили за камень и сбросили вниз. В этот раз лестница размоталась не до конца, где-то зацепилась за выступ. Пришлось спускаться к аварийному месту и сбрасывать нижнюю часть лесенки.

В основном кайры сидят спокойно. Под каждой птицей 1-2 яйца. Завтра будет хороший сбор.

Можно подумать: куда нам столько яиц? За три дня мы уже собрали около 750 яиц. Я считаю, что надо сделать солидный запас этих продуктов, впереди длительная полярная зима, - организму нужен белок.

Но тут встал вопрос: как сохранить такую нежную, хрупкую продукцию? Пока мы ею затариваем пустующее помещение бывшей радиорубки. Сейчас температура воздуха держится на уровне 1-2 градуса тепла. Это оптимальная температура для хране-

ния яиц. А если температура воздуха значительно повысится? Конечно, это маловероятно. И бывает ли здесь лето?

По небу ползут разрозненные облака нижнего яруса. К северу, ближе к горизонту, обширное черное небо. Значит, там большое разводье, чистая вода.

3 июля.

Сегодня ночью, ближе к утру, была гроза, самая настоящая летняя гроза. Сверкала молния, гремел гром, прошел дождь - короткий и спокойный, не проливной. Гроза продолжалась не более 10-12 минут. После грозы повеяло настоящей весной. Какой воздух! Сильно пахнет озоном. Сильный верховой ветер быстро погнал на северо-восток иссиня-черные тяжелые кумуле-нимбусы (кучеволивневые облака), и над островом остались только очень высокие разрозненные перистые облака, освещенные пока невидимым солнцем. Вскоре из-за туч показалось и само светило, и золотые лучи его хлынули на остров. Наступало благодатное утро. Стало теплее. Мы полной грудью с удовольствием и восторгом вдыхали целебный озонистый воздух. Вот она полярная весна! А может уже лето?

После грозы таяние снега усилилось. По равнинной части острова веселее зажурчали, заиграли ручейки, веселее запели немногочисленные пуночки, которые обитают поблизости от нашего жилья. Тепло. Сегодня отмечена самая высокая температура воздуха за время нашего пребывания на острове - плюс 4,7 градуса.

Остров обложен льдами. Но и во льдах заметны изменения. На ровной поверхности полей теперь уже не снежницы, а целые озера пресной воды. Торосы потемнели, потеряли свой прежний искристый морозный блеск, сглаживаются и как бы уменьшаются в размерах. На воде много птиц. Базарные птицы. Они и во льдах неутомимы и часто дерутся между собой.

Продолжаем сбор яиц. Сегодня после обеда начали готовить небольшую траншею для хранения яиц. Работа не из легких. Промерзший каменистый грунт искрит под ломами.

То, что яйца заморозятся, - не беда. Будем использовать мороженые. Иначе мы их не сохраним.

Вчера начали обирать новую скалу. Проверили качество яиц. Разбили десяток, взятых из разных мест. В основном яйца не насижены, только в двух обнаружили в желтке крошечный кровяной комочек и еле заметные красные прожилочки, но такие яйца годны для пищи.

5 июля.

Погода стоит неровная. То покажется солнце, то небо вновь в облаках. Температура воздуха в пределах 3-4 градусов тепла. Хорошо, что нет сильного ветра. Равнинная или прибрежная наскальная часть острова полностью очистилась от снега. Среди хаотических каменных россыпей зеленеют неприхотливые мхи и лишайники, и даже проглядывает какая-то травка, цветковые растения. Между камнями образовался тонкий слой почвы, или, вернее, некое подобие почвы. А вот карликовой ивы, что растет на Четырехстолбовом, сколько я ни искал в окрестностях станции, нет. Даже малюсенькой.

Продолжаем заниматься сбором яиц. На сегодняшний день их уже собрано две тысячи. Яйцо кайры крупнее и круглее куриного, хотя эта птица значительно меньше средней курицы - как по весу, так и по габариту. В море на ледяных равнинах воды почти нет, скорее всего, ушла в трещины. Это несколько осложнило нам водоснабжение. Но это не беда. Будем использовать спрессованный снег (вырубать и выпиливать) от опресненного снежно-ледяного берега, что рядом со станцией.

Сегодня на льду видели двух нерп, которые долго не жились на солнце около своих лунок. К одной из них Данилыч пытался подойти на выстрел со стороны торосов, но неудачно. Зверь почувствовал человека и ушел в воду.

На складе нашлись две сетки для ловли нерп у лунок. Вечером Данилыч установил сетку в одной из лунок.

С появлением нерпы в нас разгорается охотничья страсть. Работы прибавляется: сбор яиц, охота на нерпу, заготовка льда. Договорились на завтра: Данилыч занимается охотой (нам позарез

нужно свежее мясо), а метеорологи займутся заготовкой льда.

6 июля.

Сначала шло, как задумано. Утром, после завтрака, Данилыч пошел к лунке, где с вечера установил сеть. В ней оказалась крупная нерпа. Я и Виктор занимались заготовкой льда. И вот слышим издали голос Данилыча. Поспешили к нему. Вдвоем потащили добычу на полярку, а Данилыч пошел искать новые лунки, чтобы поставить в них сетки.

Заготовкой льда занимались лишь до полудня. Заготовили небольшой штабель льда. Нас охватил охотничий азарт. В бинокль было видно, как нежились на льду под солнцем морские звери. Некоторые из них хорошо просматривались с высокого берега даже невооруженным глазом. День солнечный и теплый, температура воздуха поднимается до шести градусов тепла.

После обеда мы отправились на охоту. У меня и Виктора были малокалиберные винтовки, Данилыч же прихватил карабин. Охотились на нерпу скрадыванием. Используя одиночные ропаки, любые неровности, взгорб-ления на льду, мы ползком, попластунски пытались незаметно подкрасться к лунке. Но осторожный зверь всегда был начеку, заподозрив опасность, моментально уходил через лунку под лед. У лунки караулить его бесполезно. Как правило, у нерпы имеется несколько запасных лунок.

К вечеру мы здорово вымокли и устали. И тут произошел не совсем курьезный случай. В последний раз я подполз к своей добыче почти на выстрел и приготовился выцеливать, как нерпа проворно юркнула в лунку. Я поднялся и быстро зашагал к лунке. И вдруг, к своему ужасу, увидел, что с противоположной стороны из-за ближайшего ропака поднимается огромный медведь. Видимо, медведь, в свою очередь, не ожидал появления человека здесь. Некоторое время мы молча смотрим друг на друга. «Что делать, - думаю, - если бросится на меня, то малопулька его не остановит». Но грозный зверь не долго размышлял, развернулся и бросился

наутек в сторону торосов, до которых было, примерно, метров четыреста. Я накануне видел, что там скрадывает нерпу Данилыч. Я стал кричать ему. На этот раз медведь проходил близко, шагах в пятнадцати от затаившегося охотника. С колена двумя выстрелами Данилыч завалил опасного сильного зверя.

Когда я подбежал к нему, он стоял около убитого медведя и довольно улыбался. Стал рассказывать: - Слышу, ты кричишь. Поднимаю голову и вижу, в мою сторону бежит этот бугай, а я почти у цели, вот-вот должен стрелять нерпу. Какая уж тут нерпа! Затаился. Он близко проходил, шагах в пятнадцати. Вот тут я его и срезал. Два раза стрелял.

Две пули, и обе смертельны. Одна в грудь, другая в голову. Сегодня нам крупно повезло. Еще одна нерпа попала в сеть, которую мы, не мешкая, приволокли к станции. Дома быстро переоделись, перекусили и решили часок передохнуть. Только Данилыч не стал отдыхать. Он заспешил свежевать медведя, пока тот не остыл.

Отдыхали мы недолго. Спустили на лед собачью упряжку и вскоре были у Данилыча. Он успел освежевать и выпотрошить медвежью тушу и уже начал работать топором. Накормили собак, внутренности зверя оттащили подальше в сторону. Тут было много птиц, в основном чайки и бургомистры. Они летали, надоедливо кричали, и немало их сидело вокруг на льду. Птицы набросились на теплые внутренности. У них началось пиршество. Сегодня им тоже повезло.

Приготовленная накануне под яйца траншея оказалась очень кстати. Мы ее заполнили медвежатиной. Сверху обложили льдом, а поверху покрыли брезентом. Чем не холодильник ?

8 июля.

Вчера и сегодня мы с Виктором работали на сборе яиц, а Данилыч занимался охотой и разделкой нерпичьих туш. За два дня мы собрали около 400 яиц, и Данилыч добыл три нерпы. Всего заготовлено пять нерп, но этих мор

ских зверей надо еще правильно обработать. Только опытный охотник может правильно снять и очистить от жира шкуру нерпы, а потом обработать ее, чтобы она стала эластичной и пригодной для различных поделок. При разделке туши верхний жировой слой, то есть нерпичье сало отделяется от мяса, а у самца немедленно вырезается под- хвостовая железа. Если этого не сделать, то мясо будет пахнуть керосином и будет непригодно в пищу (конечно, собакам безразлично). Из пяти добытых нерп одну Дани- лыч подстрелил у лунки.

Интересный и несколько загадочный этот человек - Николай Осипович Данилов. Он ближе и лучше нас чувствует природу, практичнее в жизни. Мы образованнее, более начитанны, по специальности своей много познаем и соприкасаемся с природными явлениями, но это все не то... Здесь на ледяном острове наши теоретические знания, начитанность, да и специальность наша сведены почти к нулю. Оказавшись в сегодняшней экстремальной обстановке, мы почувствовали, что недостаточно подготовлены к выживанию в таких условиях, к борьбе с безразличными к нам архисуровыми силами природы. А посмотришь на Виктора Пысина, то он здесь совсем беззащитен. Душевная тревога, страх перед неопределенным будущим, некоторая неуверенность в себе...

Особенно страшит долгая полярная ночь, когда наш мир будет ограничен только освещаемым кругом настольной керосиновой лампы. За окном в черном мраке полярной ночи будет вой пурги, злая стужа, скрежет и грохот ломающихся льдин, а внутри нашего жилища - зловещее молчание, мрачная скука, которая парализует разум, вынужденное бездействие, которое, в свою очередь, приводит к северной болезни - цинге.

На Четырехстолбовом мы уже пережили одну полярную ночь. Но там другое дело. Там довольно солидный дружный коллектив, полная загрузка работой и охотой на песца, музыка, связь с Большой землей. Там мы жили почти полноценной жизнью. И полярная ночь была короткой — всего-то около двух месяцев не видели солнца.

В прошлом году оно исчезло в конце ноября, а в двадцатых числах января снова показалось. Но «темной» темноты почти не было. После ухода солнца по южному горизонту в ясную погоду днем долго была видна постепенно угасающая зорька, а после исчезновения на незначительное время она снова появлялась, только уже с каждым днем разгорающаяся и набирающая силу до самого восхода солнца. Так что там не было настоящей полярной ночи, а были дневные сумерки, то есть сумрачная пора глубокой зимы. То ли будет здесь! Но мы должны выдержать это испытание!

Я думаю, что якут Данилов подобные чувства не испытывает. Он более уверен в себе, более спокоен, уравновешен, практичен и, кажется, иначе принимает и оценивает сложившуюся обстановку. И, главное, он твердо уверен в положительном исходе.

Как он вчера подстрелил нерпу... Не менее часа подкрадывался к ней, полз на животе по-пластунски по мокрому льду и зорко следил за нерпой. Затаивался и замирал, когда зверь поднимал голову. Здесь нужны большое терпение и охотничья страсть. А ведь его годы - не наши годы: ему за сорок перевалило.

А случай с медведем. Николай Осипович хладнокровно подпустил сильного, злобного и опасного зверя. Судя по убойным ранам, можно предполагать, что у нашего Данилыча руки не дрожали.

Я представил себя на месте Данилова в той ситуации. Конечно, я не побежал бы и не стал стрелять с дальней дистанции, что, конечно, безопаснее, а подпустил бы зверя близко, как и Данилов, и стал бы стрелять... Но я бы, наверное, волновался, нервничал и мог бы только ранить зверя. А раненый медведь очень опасен. Он мог бы броситься на меня. Опасный момент... Возможно, и я бы убил медведя. Возможно. А вот Данилов был спокоен и стрелял наверняка.

Сегодня во время обеда Данилыч спросил нас: - Ученые-метеорологи, о чем говорят вам ваши приборы? Какую предвещают погоду?

- Наверное, погода изменится. Начинает падать давление, влажность увеличилась, - сказал Виктор (он только что провел климатологический срок).

- Наверное, - усмехнулся Данилыч. - А я точно знаю, погода изменится.

- Как ты узнал?

- Так и узнал. Во-первых, ветерок заюлил, то и дело меняет направление, и вверху нет порядка - нижние облака плывут в одном направлении, а те, что выше, - в другом. И по собакам вижу: беспокойны, в ожидании непогоды. И по себе чувствую... Надо идти снимать сетки из лунок. Неровен час - закорезит море и пропадут наши сетки.

В это время погода, казалось, не предвещала перемен. Как и в прошлые дни по небу гуляли облака среднего яруса, часто светило солнце, слабый ветерок. Но прогноз Данилыча оправдался. После ужина, незадолго до сна, небо быстро заволокло тяжелыми низкими темно-лиловыми облаками. Они плыли низко над островом и закрыли среднюю часть ледяного купола. Резко усилился ветер. И крупными пушистыми хлопьями густо повалил снег. Моментапно вся поверхность острова и прибрежные льды покрылись сплошным снежным саваном. Стало темно в доме, и мы зажгли настольные лампы. Ветер все усиливался, и слышно было, как при его порывах сильные каскады снега обрушивались на стены дома. Температура воздуха упала на несколько градусов. Вероятно, нас задел мощный холодный атмосферный фронт.

Кстати, сегодня ровно месяц, как мы находимся на острове. Пока еще обживаемся. А дальше как?

10 июля.

Непогода продолжается. Ветер порывистый, иногда очень сильный, небо в тяжелых облаках. С перерывами идет мокрый снег. В море лед трещит и грохочет. К востоку от острова лед корезит, и он с огромной силой напирает на скалы. Весь лед вокруг острова пришел в движение. Ледяное ровное поле, на котором мы охотились, теперь все искорежено, разодрано, исторошено.

Вовремя наш предусмотрительный Данилыч убрал сетки из лунок.

Ветер северо-восточный, и птичьи колонии защищены от него и не должны сильно пострадать от ветров, а снег, думаю, им не страшен. В перерывах между снегопадами при улучшении видимости на севере и северо-западе заметны большие полыньи.

11 июля.

Непогодушка вроде улеглась. Притих ветер, прекратился снегопад, ушли на запад тяжелые снежные валы облаков, а в просветах более высоких слоисто-кучевых облаков стало проглядывать солнце. Температура воздуха поднялась до плюс трех градусов. Идет интенсивное таяние. Но снега еще много вокруг. В таких случаях говорят: «Внук за дедом пришел». Только внук-то оказался слишком большим и тяжелым, и чтобы ему полностью растаять, вероятно, потребуется несколько дней при благоприятной погоде.

Лед вокруг острова в основном обновился и находится в медленном постоянном хаотическом движении. Предполагаем, что движется он в северо-западном направлении. Видимость хорошая, даже остров Жаннетты хорошо просматривается. И во всех направлениях видно черное небо, там открытая вода. Небольшие полыньи на севере и западе видны невооруженным глазом.

14 июля.

Снег на острове растаял. По острову от ледяного купола к морю текут многочисленные бурные ручьи. Сегодня после шторма первый день, когда по-настоящему светит и греет солнце. На небе немногочисленные облака нижнего и среднего яруса. Температура воздуха достигла 6,5 градусов.

Утром ходили на базар. Наши курочки спокойно насиживают яички. Взяли десяток яиц на пробу. Все они оказались сильно насиженными и не пригодными в пищу. Чтобы продолжить сбор яиц, нужно очистить от них часть скалы, то есть выбросить сотни яиц и ждать, когда на этом месте появятся свежие.

Но мы на такое браконьерство не пошли. Решили закончить сбор яиц. За этот короткий период мы уже собрали около 2500 яиц.

Перед обедом более двух часов долбили в мерзлом грунте небольшую траншею под хранение яиц. Здорово приустали. После обеда легли отдыхать. Конечно, заснули. Сквозь сон слышу сильный грохочущий шум за окном где-то сверху. «Опять гроза» - мелькнула мысль. В комнате был полумрак, окно задернуто плотной шторой. Я разомлел ото сна, и выходить на улицу не хотелось. Спустя минуты полторы снова послышался громкий нарастающий звук над домом. Дружно залаяли собаки. «Это же самолет!» - осенило меня. Меня словно подбросило на койке. В одних трусах, босиком, я выскочил наружу. За мной Данилыч, следом Виктор. В ясном голубом небе был хорошо виден улетающий в сторону острова Жаннетты самолет. А, может, еще раз вернется? Увидим друг друга... Нет, не вернулся.

Нет, не вернулся. И у нас возникли вопросы...

Какую станцию обнаружили летчики: обжитую или бесплодную? При первом облете собаки вели себя спокойно, скорее всего, спокойно лежали у стены дома, и летчики не могли их заметить. При втором облете собаки встревожились, вероятно, заметались по территории станции и стали лаять. Но когда? При приближении самолета, когда он был над головой или же когда самолет стал удаляться? Скорее всего, последнее. Я слышал собачий лай сразу после пролета самолета. Тогда пилоты собак могли не заметить. А, возможно, при втором приближении самолета к станции собаки обеспокоенно заметались около дома и были хорошо видны сверху. Но тогда пилоты должны бы сделать третий облет и что-то сбросить нам.

Вероятность такова. Сделав два круга над полярной станцией и не обнаружив ни людей, ни собак, летчики убедились, что станция безлюдна. Над домом даже не было флага! Тут мы, пожалуй, опростоволосились. Виктор высказал свое мнение. Летчики могли увидеть собак при первом облете и при втором облете что-то сбросили нам, что-нибудь наподобие свертка или вымпела.

Мы ухватились за это предположение и стали искать это что-то. Тщательно осмотрели территорию станции, затем несколько часов тщательно осматривали наскальную часть острова, выискивая между камнями это что-то. Ничего не нашли! Какая досада! Мы решили, что у летчиков создалось впечатление, что станция безлюдна, доложат об этом начальству, и на нашей несчастной судьбе будет поставлена окончательная точка!

15 июля.

После вчерашнего случая мы находимся в каком-то неопределенном мрачном состоянии. Какая-то опустошенность в душе. Даже Данилыч не в настроении. Правда, он занимается с собаками. У Найды-то щенки здорово подросли. Он их вывел на волю. Чистит собачник, но малоразговорчив.

Ничего не хочется делать. Да и делать-то вроде нечего. Сбор яиц закончен, охота невозможна, лед находится в движении, трещит, скрипит, корежится - местами огромные льдины сталкиваются лбами, и обломки их лезут вверх, встают на дыбки.

Все же мы расширили и углубили траншею и полностью заполнили ее яйцами, которые предварительно переложили стружками, опилками и мелкими кусочками пергамента. Эту смесь мы обнаружили внутри склада. Возможно, ее использовали в тех же целях, что и мы. Сверху траншею, как и первую с мясом, обложили льдом и тщательно укрыли брезентом.

После этой работы долго слонялись по острову, валялись на своих койках. Не хотелось даже разговаривать.

Но разговор вести все же пришлось. Нельзя было раскисать. Тягостный, но нужный разговор я завел во время ужина. Дескать, у нас не все потеряно, что, возможно, с самолета обнаружили собак, и нам надо продержаться лишь до весны, а там видно будет, что нам делать, что мы должны готовиться к полярной ночи и благополучно пережить ее и что мы обязательно выживем и т.д.

Данилыч горячо поддержал меня. — Не надо так раскисать, парни, - сказал он. — Из каждого положения, даже безвыходного, найдется выход. Только не надо отчаиваться.

Виктор сидел и молчал. В конце разговора он резко отодвинул от себя тарелку с нетронутой едой и горестно, безнадежно, с раздражением сказал: - Какой здесь может быть выход... Сгинем мы все здесь! - И вышел из салона в свою комнату.

16 июля.

Случилось чудо! С утра задул сильный южный ветер, и огромные ледяные поля со скрежетом и скрипом двинулись на север. Две огромные силы: могучий ветер и не менее могучее подводное течение стали работать в унисон, в одном направлении. Море шумело, некоторые льдины вздыбливались, ломались и крошились. К вечеру движение льда усилилось. Это был огромный ледоход. Мы больше времени проводили на скалистых берегах — то на мысе Дюнбара, иногда на мысе Мельвиля, любовались необыкновенным зрелищем.

17 июля.

К концу дня большие ледяные поля ушли на север. За ними уже тянутся остатки ледяных полей, большие и малые льдины. Между ними много свободной воды. Море сильно приутихло. Несколько раз на отдельных льдинах видели медведей, и даже медведицу с двумя медвежатами. Нередко встречались лежащие на льдинах нерпы. Ближе к полуночи - больше свободной воды.

18 июля.

Море почти полностью очистилось ото льда. Только еще величественно и плавно плывут отдельные льдины самых причудливых форм. Некоторые из них похожи на огромных лебедей. Ветер стихает, и волны приутихли.

В одном месте вплотную к берегу между мысами Дюнбара и Мельзиля застряла льдина внушительных размеров, примерно 300 на 100 метров.

Возможно, это стамуха, крепко засевшая на дне, а скорее всего это старый паковый лед, крепко засевший на мелководье. Стамухи, как правило, гористые, высоко вздымаются над водой. Эта же льдина почти без торосов, почти ровная, с множеством застругов. Хороший плацдарм для посадки небольшого самолета или вертолета. Вечером занимались шпаклевкой старой двухвесельной шлюпки. Решили завтра утром спустить ее на воду.

19 июля.

Утром по лебедке спустили свою бригантину на воду. Объехали вокруг острова, искали плавник. Обнаружили его только в одном месте. Вблизи птичьего базара нашли небольшую песчаную отмель, которая полностью обнажалась во время отлива. Здесь обнаружили более десятка до блеска отполированных деревьев-плавников. Конечно, раньше их здесь было больше, но их взяли до нас. Мы освободили четыре дерева и сегодня же за два рейса вывезли их к станции и при помощи лебедки вытащили на коренной берег...

Море спокойно. Утих ветер. Семь градусов тепла. Вблизи шлюпки часто высовываются из воды любопытные мордочки нерп. Данилыч подстрелил одну и при помощи выброски подтянул ее к шлюпке. Молодец, Данилыч - успел подцепить нерпу. Дело в том, что в это время мертвая нерпа держится на воде не более полминуты и затем тонет.

20 июля.

Сегодня вывезли почти весь плавник (три дерева оказались для нас непосильными, были слишком замыты песком) и выкатили его на коренной берег. Сделали три ездки... Долго возились с подъемом бревен на берег. За день сильно приустали. Стреляли и, вероятно, убили несколько нерп, но не смогли их вовремя заарканить выбросками, которых у нас теперь две. Нерпы утонули.

Нужны хорошие сноровка, меткость в метании аркана, чтобы колючий деревянный шарик оказался вблизи или чуть дальше жертвы. Мы не могли свободно маневрировать шлюпкой - на буксире были тяжелые бревна.

Погода пока стоит отличная.

21 июля.

Этот день посвятили охоте на нерпу. По чистой воде отходили от берега до полутора километров. Убили и вытащили на борт семь нерп, среди которых оказался лах- так, иначе, морской заяц. Это более крупное морское животное, раза в три тяжелее нерпы. Данилыч очень радовался такой удаче. «Теперь у нас будет хорошая обувь с непромокаемой подошвой», - говорил он.

К вечеру появилось много небольших льдин и мелкобитого льда. Но больше чистой воды...

Поздно вечером при полуночном солнце я совершил одиночную прогулку на шлюпке по морю вблизи острова. Хорошо плавать в такую погоду между кусками плавучего льда, которые словно островки, в беспорядке разбросаны вокруг. В серой зеркальной воде отражены редкие перистые облака и берег, крутой и голый, обильно покрытый черными куполообразными камнями. Много таких камней, круглых, зализанных волнами, торчат прямо из воды. Среди группы бледно-желтых перисто-крючковидных очень высоких облаков затаился узкий серп молодого месяца, тоже бледно-желтого цвета, так что его и не скоро заметишь среди облаков. Вот кончаешь грести и остаешься наедине с океаном. Безлюдье, царство льда и холода. Сам себе ты здесь кажешься таким маленьким, мизерным, песчинкой в огромных просторах океана. Шлюпка некоторое время идет по инерции, а затем разворачивается и, подхваченная плавным течением, боком плывет куда-то в сторону. Кругом слышится несмолкаемый приглушенно-монотонный гул: это движется лед. Моя шлюпка дрейфует вдоль берега с юга на север, и движение ее для меня незаметно. Но вот показалась наша неподвижная льдина- плацдарм, осевшая на мели, и кажется, что это она плывет мне навстречу, а я нахожусь на

месте; и вот небольшая плавучая льдина, с которой вплитык движется моя шлюпка, сталкивается с этой неподвижной большой льдиной. Слышится глухой треск, и сразу же ощущаешь мягкий толчок. Сзади к моей шлюпке как-то незаметно пришвартовалась другая небольшая льдина, и я на время оказываюсь как бы в тисках. Встретив препятствие, лед начинает шевелиться, разворачиваться, и вскоре моя шлюпка освобождается из плена и выходит на довольно широкую чистую водную поверхность. Боже мой, как же быстро понесло меня! Тут только замечаешь, что небольшие легкие предметы и льдинки плывут быстрее, чем крупные, тяжелые.

Воздух исключительно чист и прозрачен. До полярной станции чуть менее километра, оттуда отчетливо доносится разговор и смех моих товарищей. Я берусь за весла и, разрезая темную упругую воду, гоню шлюпку к своему берегу, что напротив станции.

Косые лучи полуночного солнца ослепляют меня, водная поверхность словно золотом покрыта. Я обошел мыс Дюнбара и вышел к своей гавани. Мои товарищи спешили на помощь, надо было при помощи лебедки вытащить шлюпку на коренной берег.

26 июля.

Пять дней не брался за дневник. За это время у нас произошло несколько интересных событий. Конечно, не в моих правилах задерживать описание чего-то важного, интересного в нашей ограниченной жизни, в жизни острова и природы. Я задался целью как можно полнее описывать жизнь нашего коллектива, природу, ибо нам выдался уникальный случай. (В благополучном исходе нашей ро-бинзониады я теперь не сомневаюсь.)

Дневник я пишу поздно вечером, в основном до ночного климатологического срока. Иногда дописываю его утром. Это для меня дополнительная добровольная, но, как я считаю, очень важная и даже основная моя работа. Эти же дни были особенными для нас, особенно для меня.

22 числа, пользуясь благоприятной обстановкой на море, при солнечной безветренной погоде мы решили посетить соседний остров Жаннетты. Велик был соблазн побывать на этом гористом островке. Притом нас прельщало то, что мы были бы вторыми, кто посетил этот остров (впервые на острове Жаннетты побывала экспедиция полярного исследователя профессора Р.Л.Самойловича в 1937 году). Риск был велик. В Арктике погода может измениться в считанные часы, а то и минуты. Но вот стоит же она здесь уже неделю тихая, почти безветренная и безоблачная, ласковая и теплая для этих широт. Это нас обнадеживало. Мы решили рискнуть. Был такой расчет: до острова - примерно 30-35 км, это 3-3,5 часа плавания. Столько же времени потратим на обратный путь. На осмотр острова, если удастся взобраться наверх, мы рассчитывали уделить около часа. Итак, на эту нашу экспедицию уйдет не более 7,5-8 часов. Если, конечно, не задержат нас какие-либо непредвиденные обстоятельства.

И вот, взяв с собой все необходимое, мы рано утром на своей двухвесельной шлюпочке двинулись в путь. Вода спокойная, иногда встречались небольшие причудливой формы льдины, иногда, совсем рядом, высывались из воды головки любопытных нерп. Мы старались не обращать на них внимания, беречь время, но Данилыч все же не выдержал и убил одну. Теперь у нас в шлюпке был трофей.

Мы достигли острова Жаннетты за три часа с четвертью. Остров оказался с крутыми скалистыми берегами, но местами у подножия скал встречались небольшие песчаные отмели. Мы высадились на северо-восточной части острова. Вытащили шлюпку из воды, затем с большим трудом поднялись по крутому базальтовому склону наверх. Этот островок по конфигурации и строению мало отличался от нашего острова, но был значительно меньше размером. Основную часть острова занимал огромный конусообразный купол - ледник, подножие которого окаймляла неширокая равнинная, сплошь покрытая камнями различной величины, полоса. Мы направились в южном направлении по

верхней части берега, как по карнизу. Скоро мы обогнули остров и в западной его части обнаружили огромный, по величине не уступающий нашему, птичий базар. У базара мы пробыли полчаса, но вскоре почувствовали, как с юга потянул освежающий ветерок, и заспешили к шлюпке. Когда добрались до места нашей высадки, то пришли в неопиcуемый ужас. Наша шлюпка плавно покачивалась на воде метрах в тридцати от берега, а то место, крошечная отмель, где она находилась, оказалось под водой. Пока мы обследовали остров, начался интенсивный прилив, который мы сверху не заметили.

Я начал было спешно раздеваться, чтобы вплавь настигнуть шлюпку, но Данилов остановил меня и указал мне влево, где примерно в трехстах метрах от нас в море выступал береговой выступ, у подножия которого виднелась незатопленная водой небольшая полукруглая отмель. Мы догадались, что течение и ветерок должны прибить шлюпку к этому мысу; мы заспешили туда и вскоре благополучно спустились на песчаную отмель. Шлюпка уже была на полпути, но, к нашему великому огорчению, она значительно отклонялась от берега. Было ясно, что ее не прибьет к нашему мысу, а обведет вокруг и угонит в открытое море.

На полузатопленном песчаном пятачке мы заметили несколько замытых в песок стволов плавника. При помощи топора откопали два бревна, затащили их в воду и связали ремнями от карабинов. Данилов сколол небольшую часть дерева от бревна и, поработав топором, сделал что-то наподобие весла. Шлюпка была уже на подходе, и когда поравняется с нами, до нее будет не менее пол сотни метров.

Я снял с себя ватник и осторожно опробовал свое плавсредство. Плот получился неважный, под тяжестью моего тела утопая на несколько сантиметров, и вот я медленно, опасаясь сорваться со скользких бревен, поплыл навстречу шлюпке. Весло было тяжелое и неуклюжее, стали уставать руки. Шлюпка приближалась, и я спешил перехватить ее. Но тут случилось то, чего я опасался одна нога соскользнула с бревна, и я свалился в воду

Весло отлетело в сторону. Это случилось на полпути к цели. Сначала я взобрался и лег на бревна, пытаюсь грести руками, но плот не слушался меня, его разворачивало в сторону. Пришлось оставить этот «плот» и пуститься вплавь. Метров 15-20 я одолел довольно сносно, но затем стал выдыхаться. От усталости и холода немели руки, набухшие ватные брюки отяжеляли тело и держали его в вертикальном положении. Сильно и часто билось сердце, стучало в висках. Преодолевая себя, я все еще пытался плыть. Я мобилизовал все свои силы, но они были на пределе и, казалось, я окончательно выдохся. А шлюпка — вот она, рядом, до нее всего-то 5-6 метров. Вот она пересекает ту незримую линию, по которой я ее должен был перехватить. Шлюпка-то рядом, а попробуй-ка преодолеть эти шесть метров! Ледяная вода терзает все мое тело, сердце стучит по-страшному и вот-вот может захлебнуться, остановиться. Часто дышу, хватая воздух ртом, в легких хрипота. Небольшие волны заливают глаза, то и дело глотаю соленую воду.

- Неужели это конец?! - обожгла страшная мысль. И тут как бы слышу в себе, где-то изнутри, властный громкий голос с надрывом: - Сашка, неужели ты сдаешься?! Плыви, ты еще можешь! Плыви! Плыви! Плыви! - кричало во мне.

Я держался на плаву с помощью ног. Шлюпка была развернута ко мне боком, и я замечаю, что она стала медленно удаляться от меня.

- Сашка, плыви! Сашка, плыви! — кричало во мне. - Погибнешь ты, погибнут и ребята!

Я взглянул на берег. Глаза мне застилала слезы, смешанные с соленой водой. Сквозь радугу таких слез я увидел своих ребят - они махали мне и что-то кричали, но из-за сильной пульсации в висках и шума в ушах я их не слышал. Только и слышу одну фразу изнутри: «Сашка, плыви!»

Стал пытаться двигать, дергать онемевшими руками. Сначала у меня плохо получалось, но вскоре руки стали подчиняться мне, задвигались в воде.

И вот я медленно, слишком медленно, поплыл. Рук почти не чувствовал, они, словно свинцом налились, но гребут. Одна мысль: только бы выдержало сердце! Не остановилось бы сердце!

Я не помню, сколько времени плыл, барахтаясь в воде, и я был почти без сознания, когда коснулся головой о борт шлюпки. Не мог дотянуться рукой до верхней части борта, но за шпангоут я все же ухватился. Сначала одной рукой, потом и другую подтянул. Конечно, преодолеть борт мне было не под силу. И вот, медленно перебирая руками по шпангоуту, я добрался до задней части шлюпки - кормы. Ногами нащупал подводную плоскость руля, встал на нее и перевалился в шлюпку. Наверное, минут пять, а может, и больше, неподвижно лежал на дне шлюпки, приходил в себя, часто дышал, успокаивал сердце... Затем несколько минут двигал руками и ногами, пытаюсь восстановить кровообращение. Это мне в какой-то степени удалось. Наконец-то я поднялся сначала на колени, затем на ноги, взялся за весла, выправил шлюпку и медленно стал выгребать к своему лагерю.. Вижу на берегу появился дымок - разожгли костер...

Полуживого вытащили меня из шлюпки, быстро раздели, дали выпить несколько глотков разбавленного спирта, мы не забыли взять с собой НЗ — 200 граммов спирта, и стали усердно растирать меня. Затем сняли с себя часть своей одежды и натянули на меня. Мою же одежду как-то приспособились натянуть ближе к огню. Спустя полчаса я окончательно пришел в себя. Я сидел у костра и радовался, что остался жив.

Ветер крепчал. Перекусив на скорую руку, мы отправились в обратный путь. Ветер был попутный и немного помогал нам. Вблизи нашего острова он настолько окреп, что на гребнях волн появились белые барашки, бу- рунчики, и теперь нас то и дело окатывало холодной водой. Все же до своей станции мы добрались благополучно. В этот день мы сильно рисковали, но все обошлось.

На другой день море успокоилось. Этот день мы решили посвятить охоте на нерпу. Впереди долгая холодная зима, и надо обеспечить собак продовольствием, то есть нерпичьим кормом.

Охотились со шлюпки. Уходили от берега, примерно, на километр, а то и дальше. Но что странно, я стал бояться воды, моря, глубины морской. Плыдем в шлюпке, а я чувствую, явственно ощущаю, что под тонким слоем дощаного доньшка шлюпки находится холодная бездонная глубина, страшная и враждебная морская пропасть. Стоило только лодке резко качнуться, накрениться, а такое бывает на охоте, как я невольно хватался за борт и молча переживал свой страх. Чем дальше мы отходили от берега, тем мне было страшнее. Первым мое странное состояние заметил Данилыч. «Что с тобой, парень?» - удивленно спросил он меня. И я рассказал о своей морской болезни. Товарищи успокаивали меня. Виктор сказал: «Саша, ты вчера перенес психическую травму, но это пройдет. Я помню: в блокадном Ленинграде, когда люди стали умирать от голода, со мной было подобное состояние. Я боялся, не мог видеть мертвых. Потом привык и не стал обращать внимания на умерших». А Данилыч сказал: «У тебя какая-то временная морская болезнь, но ты переборешь ее. Ты не из таких слабаков, чтобы бояться воды». Этот разговор положительно повлиял на меня. Я старался не думать о морской глубине и держаться мужественнее, отстреливал нерпу. В этот день мы дважды выходили в море и добыли тринадцать нерп. Нерпы много, и охота была отменная. Какое-то нашествие нерпы. Данилыч предсказал скорое изменение погоды и приход льдов.

24 числа хорошая летняя погода на море и на острове пока держалась, но в бинокль было видно, что далеко на севере и северо-востоке появились огромные скопления льда, и, вероятно, лед надвигается в нашу сторону. Мы спешили с охотой. В этот день добыли еще десять нерп. Больше всех достается Данилычу. Ведь ему приходится заниматься разделкой нерп, а необработанных нерп накопилась целая гора. Сытые собаки не обращают внимания на них. Температура воздуха 2-3 градуса тепла, так что нерпа холодная, не испортится.

Я все еще не могу забыть от мыслей о пережитом у острова Жаннетты, свою ледяную купель, которая вновь и вновь возникает перед моим мысленным взором. Я решил досконально разобраться с собой. Вечером бродил по острову и вел разговор сам с собой: - «Ведь все обошлось? Обошлось. Я и сам остался жив и спас от смерти своих товарищей. Что мне еще надо? Быстрее забыть о пережитом и ждать лучших перемен в жизни». Я задавал себе вопросы и отвечал на них. Вспомнил свой внутренний голос, который напутствовал, приказывал, спасал меня от смерти в том тяжелом положении, в котором я находился. «Спасибо тебе, выручил ты меня. Не забуду я твое напутствие: Сашка, плыви!» - говорил я своему внутреннему голосу, толком не осознавая, что и кто это кричало во мне. Хорошее напутствие: плыть только вперед! Сашка, плыви! Не Саша, как обращаются ко мне мои товарищи, и не Александр, а Сашка. В той экстремальной ситуации это ребяческое слово-имя как нельзя было кстати. Оно сильнее доходило до обезумевшего сознания, заставляло активно действовать, бороться.

После такой «разборки» с самим собой я реже и спокойнее стал вспоминать ту ледяную свою «купель».

А на следующий день пришлось пройти новое испытание.

Вчера откуда-то с востока на наш остров стали надвигаться льды, не отдельные льдины, а сплошные мощные ледяные поля. В полдень лед находится от острова не более чем в полутора километрах. В это время на припайной льдине-плацдарме мы обнаружили медведя. Он прохаживался по льдине, словно раздумывал: попытаться подняться на остров (из-за крутизны это было почти невозможно) или уйти обратно в море. Для нас лучше было, если бы медведь попытался подняться на коренной берег. Белые медведи - прекрасные скалолазы. Мы не стали испытывать судьбу и стали стрелять зверя сверху, с высоты примерно 30-35 метров. После первых выстрелов медведь с рыком развернулся и, припадая на заднюю лапу, бросился к спасительной воде. Второпях мы успели сделать еще по нескольку выстрелов, но не остановили зверя.

Он плюхнулся в воду и поплыл к ближайшей льдине, которая находилась метрах в ста от берега. Еще дальше сплошной стеной простирались ледяные торосистые поля. Мы быстро спустили шлюпку на воду. Мы сели в шлюпку втроем, но я предложил Данилычу остаться на берегу. Он не умел плавать, а вдруг что случится со шлюпкой... Лучше будет, если Данилыч будет следить за нашей охотой с берега, с биноклем, а если нужно будет голосом давать нам советы. К моему удивлению, Данилыч спокойно согласился со мной и вышел из шлюпки. Видимо, он предполагал, что медведь тяжело ранен и добить его для нас не составит большого труда. «Вам хочется испытать себя в охоте? Что ж, попробуйте без меня. Не спешите. Медведь, конечно, попытается вылезти на льдину, вот тут-то вы его и добьете. Но все же будьте осторожны, медведь - зверь коварный», - напутствовал нас опытный охотник.

Мы вдвоем стали преследовать раненого зверя, но мы, к сожалению, недооценили силы и выносливость раненого зверя, который не стал выходить на ближайшую плавучую льдину, а направился к большим льдам. Настигли мы его метрах в двухстах от берега, когда он уже миновал льдину. Вот он, рядом. Поверх воды видна одна голова - белая в желтизну морда с небольшим черным носом, плотно прижатыми ушами и маленькими злобными глазами. Отложив весла, схватились за карабины. Крепнувший ветерок поднял небольшую волну, шлюпка покачивалась, что мешало выцеливать зверя. Прогремели выстрелы, медведь скрылся под водой.

- Утонул? - удивился Виктор.

- Нет, Витя, не утонул, а нырнул, - говорю я товарищу. - Он хороший ныряльщик. Теперь будем начеку. Может около борта оказаться.

Но голова зверя появилась шагах в пятнадцати, вблизи льдины. Думали, что тяжело раненый и усталый зверь теперь наверняка постарается выбраться на лед, но он медленно и упорно продолжал плыть в сторону ледяного поля. Стали преследовать, снова выстрелы. Медведь под воду, но вскоре узкомордая окровавленная голова по казалась на поверхности, и почти на этом же месте.

Теперь зверь поплыл в сторону шлюпки. Из-за отвисшей губы был виден окровавленный язык - у него была перебита нижняя челюсть.

- Саша, он к нам! - закричал Виктор, вскакивая на ноги. Шлюпка качнулась. Я ловлю на мушку голову зверя, но Виктор опередил меня выстрелом, и зверь снова ушел под воду.

- Спешись, Витя, - делаю замечание товарищу. - Теперь гляди в оба, он решил нас атаковать.

И, действительно, медведь вынырнул в двух шагах и ринулся на шлюпку. Рядом злобные, налитые кровью глаза, окровавленная свирепо оскаленная морда, хриплое угрожающее рычание. Я судорожно жму на курок карабина - осечка.

- Витя, отгребай! - кричу Пысину, торопливо переводя затвор. И снова осечка.

Виктор лихорадочно заколотил по воде веслом. Шлюпка завихляла на месте, затем стала разворачиваться носовой частью влево, подставляя пониженный борт около кормы зверю. Обезумевшее животное занесло огромную тяжелую лапу на борт, - шлюпка резко накренилась. Я бью прикладом по лапе, но зверь не реагирует на удар. Виктор в ужасе закричал и судорожно ухватился за приподнятый борт шлюпки. Я отбросил свой карабин и поднял со дна шлюпки карабин Виктора. В это время вторая медвежья лапа опустилась на борт, и в шлюпку хлынула вода. Противоположный борт угрожающе задрался вверх. Я в упор выстрел в голову зверя и стал падать в воду. Через меня перелетел Виктор.

Очутившись в воде, мы сначала цеплялись за шлюпку, которая была на плаву, но по борту затоплена водой. Стоило только кому-то из нас встать на ее дно, она тотчас же утоплялась, уходила из-под ног, а затем снова всплывала, как только освобождалась от груза. Рядом, покачиваясь на волнах, плавала туша медведя.

Мы бросили бесполезную затею со шлюпкой и поплыли к льдине, которая находилась поблизости. Через полторы-две минуты мы достигли ее.

Выпуклые отшлифованные края льдины значительно возвышались над водой, и как ни старались, мы не смогли подняться на льдину - мокрая отяжелевшая одежда тянула вниз. Тогда мы поплыли вдоль льдины и вскоре в одном месте почувствовали под ногами твердую опору — ледяной подводный выступ, и только тогда выбрались на эту льдину. Несколько минут мы молча лежали и, как рыба без воды, судорожно заглатывали воздух, отдыхали. Затем поднялись и прошли льдину до конца, ближе к острову. С берега нам кричал Данилов: «Не задерживайтесь, вас относит в море!»

Слова Данилыча встревожили меня. Я поднял сидевшего на льду Виктора и подсказал ему, что мы должны делать. Виктор подошел к ледяной кромке, заглянул в темную морскую пучину и со страхом отступил назад. О борта льдины шлепками плескались волны. Мутно-зеленая вода казалась зловещей. - Не могу, - боязливо проговорил Виктор. - Страшно.

Я понимал его. Страшно входить в эту бездонную пучину, страшно плыть.

- Витя, - говорю ему, - мне тоже страшно. Очень страшно. После того купания у острова Жаннетты. Сейчас мне страшно. А что делать, дорогой ты мой? У нас нет другого выхода.

До берега, вернее, до припаявшейся к скалам льдины было не менее сотни метров. На пол пути виднелась небольшая низенькая льдина. Я указал на нее Виктору.

- Видишь ту льдинку? Доплывем до нее - отдохнем.

- Далеко, Саша. Мне не доплыть...

- Витя, стыдись. Ты же кончал морское училище. Ты должен хорошо плавать, - ободрял я Пысина, подталкивая его к ледяной кромке. Виктор с полминуты стоял у края льдины, но спуститься в воду не решался. Даже отступил на шаг. На раздумья и уговоры не было времени. Льдину разворачивало, и мы медленно удалялись от берега. Я вспомнил тот голос: - Сашка, плыви, - и приказал себе: - быстрее в воду!

Я сильно толкнул Пысина в спину, и он оказался в воде. Сам прыгнул следом. Виктор плавал хорошо и плыл, не отставая от меня.

Плыли мы медленно, как бы шли в воде - тело находилось в вертикальном положении. Волны то и дело плескались в лицо, слепили глаза. Сильно устали, но до очередной льдины доплыли благополучно. Она была настолько мала, что когда на нее взбирались, она немного накренилась и слегка колыхалась; отдыхали на ней, лежа на животе.

От этой льдинки до ледяного берега не дальше полсотни метров, но и пловцы уже не те - выдохлись. По ледяному берегу суетливо расхаживал Данилыч и торопил нас. — Не разлеживайтесь, парни, не тяните время! Вас же относит в сторону! Проплывите половину пути, а дальше я вам помогу! - кричал он нам. Меня даже рассмешили его слова о помощи. Думаю: «Как же он нам поможет? Он же плавать не умеет».

Слышишь, Витя, как шутит Данилыч. Помочь нам обещает, - говорю товарищу, чтобы подбодрить его, но Виктор промолчал. Он лежал, опершись на локти, лицом вниз и тяжело дышал.

Мы еще отдохнули несколько минут, затем я поднялся на колени и на коленях переступил к кромке льдины. Виктор сделал то же самое. Льдинка наклонилась, и мы съехали в воду. Теперь уже не так страшила морская пучина, все наши помыслы, вся воля - доплыть до спасительной тверди. Через минуты две, когда проплыли не меньше половины пути, Виктор стал отставать, то и дело заглатывая соленую воду.

Витя, не сдавайся. Еще немножко, Витя, берег совсем рядом, - подбадривал я товарища, плывя рядом с ним и подстраховывая его. Когда до берега оставалось метров двадцать или чуть больше, Данилов крикнул: «Держите, ребята!» - и что-то бросил в нашу сторону. В двух шагах перед нами плюхнулся небольшой деревянный шар с набитыми гвоздями. Это была выброска, которой охотники подтягивают из воды убитую нерпу. Правой рукой я ухватился за бечеву, там, где она крепилась к шару, а левой ухватил Виктора за плечо. Этого можно было и не делать, Виктор сам крепко вцепился в мою руку.

Не прошло и минуты, как Данилов вытянул нас к берегу и помог выбраться на припайную льдину. Я сказал Данилычу: - Помоги сначала Виктору. Он очень ослаб, а я постараюсь дойти сам. Но я переоценил свои силы. Ноги словно чужие, задеревеневшие, плохо гнущиеся в коленях. Сделав несколько неровных шагов, я упал на колени, уперся ладонями в холодный лед (сначала он показался мне горячим) и долго находился в таком положении. Наконец, поднялся на ноги и медленно побрел к пологому склону среди скал, где мы поднимаемся к станции. Наверх мне помог подняться Данилыч.

Вечером большие льды подошли к острову. Мы долго смотрели на переднюю часть приближающегося ледяного массива, думали обнаружить свою шлюпку, но тщетно. Вероятно, ее затерло льдами и раздавило. Теперь мы остались без плавсредства. Большая потеря для нас.

28 июля.

Наш остров во льдах. Слышится потрескивание, скрип, шуршание со стороны моря. Лед вокруг острова до самого горизонта. Температура воздуха опустилась до нуля.

Вчера продолжал писать дневник. Закончил описание событий за последнюю неделю. Конечно, эта неделя была бурной и интересной для нас. Будет что вспомнить.

Данилыч готовит для дальнейшей обработки шкуру лахтака. Небольшую ямку выстлал нерпичьими шкурками, а поверх растянул лахтачью шкуру мездрой вверх. Попросил нас, чтобы мы мочились только в приготовленное им ведро, а вечером мочой обливают лахтачью шкуру. С похолоданием яму стал прикрывать брезентом. Здесь своя мудрость. Северные жители выделывают шкуру морского зверя с применением мочи.

30 июля.

Море вокруг острова покрыто белым неровным ледяным панцирем и вроде успокоилось. Температура ниже нуля. Небо в лохматых облаках.

То и дело сыплется снежная крупа. Задувает порывами ветер. Что и говорить, погода неласковая для летнего времени. Теперь уже тепла ждать не приходится. Вероятно, прошедшие девять дней с чистым морем и сравнительно теплой погодой, когда максимум температуры воздуха достигал семи градусов - это и было лето. В эти дни у каждого из нас была какая-то подспудная надежда - вот-вот свершится чудо, то есть в какой-нибудь из сторон на горизонте покажется силуэт корабля или появится самолет. В свободное время, чаще в одиночку, мы бродили по берегу около мыса Мельвиля или выходили на мыс Дюнбара и жадно всматривались в морские дали. Напрасно. Чуда не произошло.

2 августа.

Вчера пышными хлопьями повалил обильный снег при температуре воздуха минус два градуса. Стало, как зимой, кругом белым-бело. Сегодня ветер разогнал тяжелые облака, и появилось солнце, потеплело. Температура к полудню поднялась до плюс двух градусов. Ветер утих. Под солнцем снег интенсивно тает. К западу от острова появились два обширных разводья, одно - недалеко от берега.

Ходили на птичий базар. У кайр появились кайря- та. У чаек тоже птенцы. Видно, как взрослые птицы кормят своих птенцов: приносят им что-то в клюве, то ли мелкую рыбешку или отрывают что-то. Много птиц спокойно сидят на своих местах, на карнизах. Вблизи разводья, метрах в пятистах от острова, видели медведя. Конечно, он высматривает нерпу и, вероятно, охотится небезуспешно. В бинокль хорошо видно, каков этот зверь - тяжелый и могучий, отъевшийся хозяин безмолвной ледяной пустыни.

3 августа.

Светит солнце. Дует слабый ветерок. Снег растаял. На льду местами лужицы воды. Ходили в море, искали нерпичьи лунки, но их нет. Нерпа появится в полыньях, если будет разводить лед.

Далеко от берега не отходили - не дальше километра. Арктика коварна, и погода здесь резко меняется. В считанные минуты может налететь шквал ветра, зашевелится, затрещит лед, но пока светит солнце. И нам веселее.

6 августа.

Погода тусклая, невеселая. Небо в сплошных облаках, то и дело порхает снежок, температура воздуха немного ниже нуля. Неужели это уже осень? Порадуют ли нас еще погожие деньки? Ветер непостоянен. То задует не на шутку, почти до штормового, то утихнет. На востоке и южнее, где-то за островом Жаннетты позавчера при разъяснившейся погоде было видно черное небо. Там вода. Мы ожидаем, когда около нашего острова тоже появится чистая вода, полынья. Дело за сильным ветром, который развел бы огромные льдины, хотя бы частично освободил море от них. Тогда бы мы стали охотиться на нерпу. Лед все же не стоит на месте, он медленно, почти незаметно, движется, разворачивается, скрипит.

Вчера видели белого медведя, но далеко от острова. Наблюдали за ним в бинокль. К острову он не пошел. Медведи бродят там, где есть нерпа.

Сейчас занимаемся библиотекой, приводим ее в порядок. Библиотека небольшая, но занимательная, много интересной литературы. Что меня особенно обрадовало - в библиотеке оказалось немало книг полярных исследователей отечественных и зарубежных. Такие книги я отбираю отдельно. У нас впереди много свободного времени будет и, я думаю, книги спасут нас от хандры и тяжелой томительной скуки. Книгами занимаемся вдвоем. Данилыч то на кухне, то около дома с собаками. У него свои дела. Он решил изготовить еще одну нарту.

10 августа.

Сажу за письменным столом с раскрытым дневником и задумался. Что писать? И нужно ли описывать разные мелочи? Кому это нужно? Читать все это будет утомительно и неинтересно.

Описывать надо яркие уникальные события. Такие события были у нас этим «летом».

С библиотекой закончили заниматься, она теперь в хорошем состоянии. Я и Виктор много читаем, вернее, приобщаемся к чтению. Данилыч возится с плавником: пилит, отесывает, строгает - готовит пластины и другие детали под новую нарту. Мы пытались помочь ему, но он отвадил нас. Говорит, что не нужны ему помощники, один все сделает. «Вы, - говорит, - книги читайте, вам их за зиму не перечитать. А я читаю мало, не охотник до чтения. Так чем мне заниматься? Вот и буду с нартами да собаками возиться. Это вы, научные работники, книгочеи, а мне работа другая нужная, чтобы руки работали...» Это верно - каждому свое. Правильно рассуждает неугомонный наш Данилыч.

13 августа.

Вчера сильный западный ветер растащил и отогнал с восточной стороны от острова ледяные поля. Много открытой воды. Сейчас соотношение в море открытой воды и льда примерно половина на половину. С западной же стороны лед прижало к острову, исчезли полыньи. Через остров на открытую воду прилетает много разных птиц с базара, но больше чаек. Значит, в море есть мелкая рыба, какие-то рачки - кормятся же чем-то птицы. Появилась нерпа. Сегодня убили одну.

17 августа.

В море разнообразные по величине плавучие льды. Все эти дни выслеживали и стреляли нерпу со своего плацдарма - припайной льдины. Отстреляли девять нерп. Какие же любопытные эти животные! Им интересно было разглядывать нас. Стреляли только в тех, которые были близко, чтобы можно было достать выброской. Мы не расстаемся с биноклем, и частенько кто-то из нас осматривает море во все видимые стороны до самого горизонта. И вот Виктор обнаружил на большой льдине медведя. Он был далеко от нас, напротив южной оконечности острова. Мы наблюдали за ним в бинокль.

Потом он исчез, куда-то поплыл. На таком расстоянии плывущего медведя и в сильный бинокль не увидишь. Тут Данилыч сказал: «Давайте не будем поднимать убитых нерп на остров. Оставим их на льдине. Хорошая приманка для медведя». Я было возразил, что, дескать, и не заметим, как медведь поест наших нерп. Но Данилыч стоял на своем, мол, надо следить за привадой сверху, почаще заглядывать сюда. А если не углядим - съест одну нерпу, больше ему не осилить за один прием. Тогда мы будем знать, что привада заедена и будем сторожить ее. Сытый медведь далеко не уйдет, а проголодается - снова придет сюда, обязательно придет. Тут мы его и ухлопаем. Для нас медведь ценнее нерпы. Так рассуждал наш мудрый Данилыч.

В последние дни при облачной погоде ночи сумеречные. Наверное, солнце уже заходит за горизонт. В последние дни солнце не показывалось. Сплошная плотная облачность.

19 августа.

Плавающие льды уплотняются, сокращается поверхность чистой воды. Медведь к приваде пока не приходил. Продолжаем следить за ней. Птичий базар начинает пустеть. У птиц подросли птенцы и уже начинают покидать свои места. Сегодня я наблюдал, как повзрослевший кайренок долго не решался слететь с карниза. Видимо, его пугали высота, неизвестный для него мир. Кайренок ворочался, топтался на месте, то и дело вытягивал шею и смотрел вниз, но слететь не решался. Тут подлетела взрослая кайра, видимо, мамаша, и грубо столкнула птенца с карниза. Кайренок сначала беспомощно, неумело затрепыхал крыльями, но вскоре полет его выровнялся, окреп, и у самой воды птенец, слегка спланировав, плюхнулся на воду. Он вошел в большую, полную невзгод и опасностей, но очень интересную и свободную жизнь.

Вчера к вечеру разъяснилось, и я решил в полночь понаблюдать за солнцем: заходит ли оно за горизонт, не кончился ли полярный день?

В полночь светило подошло к кромке горизонта, немного опустилось, примерно на четверть, вытянулось и покраснело, но вскоре снова округлилось и медленно стало подниматься, чтобы совершить очередной рейс по небесному своду. Пока еще продолжается полярный день, а что касается в последние дни ночных сумерек, так это от плотной потемневшей облачности.

20 августа.

Сегодня ближе к полудню по небу поползли рыхлые лохматые разрозненные облака, предвещая снежные осадки. Они пока не закрыли полностью небо: в просветах между ними виднелось голубое небо, а иногда и солнце. В полдень к нам прилетел самолет. Конечно, это было для нас неожиданностью. В это время мы с Виктором были около дома, играли с подрастающими щенками, а Данилыч возился у плиты. Самолет пролетел над станцией словно ураган. Он пролетел в северную сторону, затем развернулся и снова стал приближаться к нам. Самолет иногда входил в нижнюю часть облачности и снова выходил из нее. Снова пролетел над нами и удалился к югу. Он летел на высоте метров 200-250, опуститься ниже пилоты не решались, вероятно, опасались высокого ледяного купола, находящегося поблизости от станции. Мы кричали, махали руками, словно летчики могли нас услышать, но самолет не улетел. Он снова развернулся и стал приближаться. Мы увидели, как на подлете от самолета отделился небольшой комочек и по касательной полетел на землю, ближе к берегу. Это была посылка для нас, но этот подарок не попал к нам в руки. Мы видели, как он ударился о верхний край скалы и полетел вниз. Самолет быстро развернулся и снова пролетел над нами, качнув нам крыльями. И уже не возвращался. Мы подбежали к месту падения свертка. Осторожно подошли к краю обрыва и заглянули вниз, где у подножия скалы плескались волны. На поверхности воды мы увидели множество белых листков бумаги. Вероятно, это были газеты, письма, инструкции. Чуть подалее плавал бумажный пакет или мешок. Прوماхнулись пилоты. Ну и кляли же мы их!

Была бы у нас шлюпка, мы бы попытались достать сброшенное нам. В сотне шагов от берега дрейфовали несомкнутые крупные льдины. От нашего снежного берега было еще дальше. Достать было невозможно. За день мы несколько раз приходили сюда, смотрели, как все дальше и дальше в море относило загадочные для нас бумаги. Скоро они совсем исчезли из виду. Какая досада! Плакать хочется.

21 августа.

А медведь-то все-таки пришел! И мы ухлопали косолапого! Вот как это произошло. После обеда я решил прогуляться на свежем воздухе и, кстати взглянуть на приваду. Последние три дня мы реже стали посещать этот берег, не надеясь на приход медведя. Я заглянул вниз и увидел медведя, спокойно пожирающего одну из нерп. Спустя две-три минуты мы все трое были уже здесь с карабинами. Убедившись, что медведь продолжает спокойно трудиться над нерпой, мы отошли шагов на пятнадцать от обрыва. Стали совещаться. «Медведь молодой, скорее всего, трехлетка, - сказал Данилыч. - От нерпы осталось еще две трети. Значит, зверь еще не насытился. Сделаем так: я спускаюсь по склону насколько возможно, чтобы медведь не заметил меня, а вы оставайтесь наверху. Первым стреляю я - мне сподручнее стрелять, и зверь от меня будет ближе. Если с первого выстрела не завалю его - стреляйте вы, но не спешите. Старайтесь в голову попасть, а теперь пошли» . Тут у нас произошла невольная задержка. К нам подбежали взрослые собаки. За ними увязались пять полувзрослых щенков - выводок Найды. Пришлось заняться собаками: взрослых - на привязь, щенят закрыли в мастерской. Иначе собаки могут испугнуть медведя и сорвать нам охоту. Спустя минут пять-шесть мы снова были у обрыва. Данилыч стал спускаться по крутому склону между скал, а мы с Виктором с взведенными карабинами залегли над обрывом. Следили за медведем и с нетерпением ждали выстрела Данилыча. Казалось, уж очень он медленно спускается.

Наконец, прогремел выстрел. Медведь шарахнулся в сторону, присел, несколько раз качнул головой, словно кланялся, затем поднялся и медленно, пошатываясь, пошел к воде. Пока мы ловили на мушку медвежью голову, раздался второй выстрел, и медведь замятво рухнул на лед. Мы скорее к спуску и через минуту были у трофея Да- нилыча.

- Опередил ты нас вторым выстрелом. Все лавры победы над косолапым себе присвоил, - шутливо говорю Данил ычу.

- Да вы только шкуру испортили бы мишке, - смеется Данилыч. - Я думал, с первого выстрела уложу его, ме- тил-то в ухо, а угодил в верхнюю часть шеи. Рана-то почти смертельная, да сразу не свалила его. А вторая пуля, видно, в сердце попала. - И, помолчав, добавил, словно команду отдал: - Не будем мешкать, парни. Я начинаю снимать шкуру, пока медведь тепленький, а вы идите за топором и мешками. Сегодня все мясо мы должны поднять наверх и убрать. Не забудьте спустить собак, ишь как они разлаялись - чувствуют, чем здесь пахнет.

Вечером, задолго до темноты все было сделано. Мы сняли лед с погребка-морозильника, где находилось мясо первого убитого медведя, сверху положили свежее мясо и снова обложили льдом. На ужин Данилыч приготовил свежую медвежатину.

27 августа.

Быстро укорачиваются дни... Иногда выглянет солнце, а чаще небо закрыто тяжелыми облаками. То и дело сыплет мелкий сухой снег вперемежку со снежной крупой. Снег уже не тает, быстро промерзает скудная почва. На побелевшем фоне резко выделяются черные мрачные валуны. Заметно поседел ледяной купол в центре острова. На разводьях появился молодой лед.

Занимаемся заготовкой дров из плавника. Данилыч лахтачью шкуру изрезал на ремни, ремни уложил в кастрюли и залил их каким-то, известным только ему, полужидким раствором. Знаю только, что в этой болтушке есть и сливочное масло, и ржаная мука, и еще что-то.

Она имеет специфический и не совсем приятный запах. Свое изделие Данилыч хранит на кухне, где потеплее.

29 августа.

Дует свежий южак. Зашевелился лед. Вокруг острова появляются разводья. Как только успокоится море, займемся охотой на нерпу. Заготовленного корма для собак у нас явно недостаточно. Ведь собачье потомство прибывает. Вчера ошенилась Челита, пять щенков принесла. А еще раньше, неделю назад, своим потомством из шести щенков одарила нас Белка.

31 августа.

Вчера выдался особенный для нас день. Крупная охотничья удача! С утра день разгулялся - было тихо и солнце. Ближе к полудню мы обнаружили на своей льдине-плацдарме небольшое стадо отдыхающих моржей из одиннадцати голов, в том числе два детеныша. Большая часть животных с детенышами отдыхала у заберега вблизи воды. Но несколько моржей отошли от воды на значительное расстояние - метров на десять, а то и больше. Всех дальше от воды расположился крупный морж с большими желтоватыми клыками. Вероятно, это был вожак. Сверху нам было видно, что он был настороже, часто поднимал голову, опираясь мощными клыками о лед.

Мы договорились, как нам действовать. Было бы очень хорошо, если бы мы взяли двух моржей. От скального спуска, то есть от места, где мы спустимся на льдину, до стада моржей было не более полсотни метров, и пока мы добежим до них, то почти все звери окажутся в воде. Стрелять на подходе, на некотором расстоянии - бесполезно, надо в упор, стараясь попасть в глаз или в ухо. В это время туловище моржа покрыто толстым, плотным слоем жира, а мозг защищен очень крепким черепом, так что пуля не всегда пробивает его.

Данилыч напутствовал: «Саша, ты из нас самый сильный и быстрый, что тебе лось, первым беги к вожаку, завалишь его.

Но будь осторожен. Мы, конечно, отстанем от тебя, но, я думаю, успеем перехватить какого-нибудь зазевавшегося моржа».

Так и получилось. Стоило мне сделать несколько шагов из-за своего укрытия, вожак сразу же заметил меня и стал издавать тревожные рыкающие звуки, и могучие звери, толкая друг друга, проворно заспешили к воде. Я спешил. Когда достиг своего моржа, то на льду, кроме него, находились еще несколько зверей. Вожак уже находился в шести-семи шагах от воды. Я бросился ему наперерез, отрезая путь к воде. Но тут со мной случилось непредвиденное. Я наступил на скользкое место, где до этого лежал морж и упал. Страшный, разъяренный зверь был в двух шагах и быстро надвигался на меня. Я попытался быстро встать на ноги, но подо мной соскользнула коленка, и я снова завалился за левый бок. Клыкастая голова моржа почти надо мной. В моей правой свободной руке взведенный карабин. В упор стреляю в морду зверя. Голова моржа задрожала, закачалась из стороны в сторону и, казалось, держалась на огромных клыках, вонзенных в лед. Я перевернулся с боку на бок и вскочил на ноги. Морж уже не двигался. Он только тряс головой и шевелил лапами. Я выстрелил ему в глаз, после чего зверь затих. Он был мертв. Тут же рядом раздался еще выстрел. Это Виктор стрелял в другого моржа, не успевшего соскользнуть в воду. Морж моментально развернулся в сторону Виктора, а правый бок его почти навис над водой. Подбежал Данилыч, и один за другим, почти дуплетом прогремели два выстрела. Теперь и второй морж был мертв. Данилыч, не мешкая, сорвал с пояса бечеву, накинул ее на клык зверя, и втроем мы рывками оттянули переднюю часть туловища от воды. Мы не скрывали своей радости, охота была удачной.

- Припоздал ты, Данилыч, ноги подвели. Нет сегодня у тебя трофея, - смеется Виктор над Данилычем.

- Меня не ноги подвели, а Саша. Вижу - он упал, пытается встать - не может. А зверь перед ним - вот-вот сомнет... У меня аж сердце зашло! Я, конечно, притормозил, хотел стрелять в моржа, да Саша опередил меня, лежа стрелял.

Вижу, морж забуксовал, на месте топчется. Он уже не опасен. Вот почему я отстал от тебя, Витя. А большую часть пути я бежал почти рядом с тобой, - торопясь рассказывал Данилыч. Затем он засмеялся и хлопнул Виктора по плечу: - Молодец, Витя! Если бы не ты, зверь наверняка бы ушел в воду. И пришлось бы нам довольствоваться одним моржом.

- Саша, ты, когда первый раз стрелял, в ноздрю целился? - наивно спросил меня Виктор.

- Не было у меня времени выцеливать. Стрелял просто в морду, в усы, промеж бивней.

- Первая пуля угодила в рот и прошла в мозг. Вторая пуля через глаз тоже в мозг... - констатировал Данилыч, осматривая голову убитого мною моржа.

Вчера же Данилыч снял шкуру с более крупного, мною убитого, моржа. Изрядно потрудился. Шкура у моржа толстая и тяжелая в сплошных складках ржавого цвета. Под ней толстый слой упругого жира. Здесь Данилыч повозился дольше, чем со снятием шкуры с медведя. Со второго моржа Данилыч отказался снимать шкуру. Затем моржей разрубили на крупные, но подъемные для нас куски, а внутренности отволокли немного в сторону. Ближе к вечеру над еще неостывшими внутренностями зверей закружила небольшая стайка альбатросов, т.е. бургомистров.

Сегодня большую часть мяса вытащили на остров и разместили его внутри склада. Температура воздуха минусовая, грызунов нет, так что склад - прекрасное место для хранения мяса. Часть моржатины и несколько нерп оставили на месте вместо привады. Вдруг объявится медведь или песцы. Будем следить.

2 сентября.

Почти три дня стояла солнечная тихая погода, так сказать арктическое «бабье лето» с минусовой температурой. Вчера к вечеру небо закрылось сплошной облачностью. Охотились у открытых разводий. Убили двух нерп.

Сегодня ветрено, с перерывами идет снег, метет. Все пернатые покинули остров, кроме бургомистров. Они теперь пасутся у моржовой привады. Стоит только к ним приблизиться, как они нехотя взлетают, неторопливо кружат над головой, издавая хриплые гортанные звуки, словно собаки взирают. Мы опасаемся, что обильный дармовой корм надолго задержит здесь хищных чаек. Если вдруг внезапно ударят морозы, то эти птицы могут погибнуть.

Лед в постоянном движении. Разводья то исчезают, то появляются вновь, но выходить в море на охоту мы не рискуем.

6 сентября.

Морозы усиливаются. Сегодня столбик термометра опустился до минус 8 градусов. Дни укорачиваются на глазах.

Продолжаем заниматься заготовкой дров из плавника. Данилыч большую часть моржовой шкуры изрезал на ремни, из которых намеревается делать упряж для собачьих упряжек. Эти сырые ремни он поместил в свой раствор, рецепт которого знает только он. На кухне держится специфический запах.

10 сентября.

Пуржит. Сегодня бургомистров не видно около привады. Последние птицы покинули наш остров.

16 сентября.

В море лед еще не успокоился: иногда скрипит, покрхтывает. Местами образуются небольшие полыньи, но ненадолго. Вскоре окна чистой воды стираются льдом.

У привады обнаружили следы песцов. Значит, поблизости где-то шастают медведи. Будем следить за привадой.

18 сентября.

Вчера был день моего рождения. Мне исполнился 21 год.

Я до сих пор не упоминал в дневнике, что по остаточной ведомости числилась четырехкилограммовая банка технического спирта. Мы ее обнаружили в кладовке. Конечно, такой дефицитный здесь товар в полной сохранности до нас не дошел. Банка была ополовинена. То место, откуда извлекался спирт, было аккуратно запаяно оловом. Мы благодарны зимующим здесь до нас полярникам за такой подарок! По качеству технический спирт почти не отличается от питьевого.

Устроили праздничный стол. Мы не пили разбавленный спирт. Данилыч варил ликер. В разбавленный спирт он положил сахар, сушеную чернику и еще что-то - и все это прокипятил. Получился прекрасный, даже слегка густой настоящий ликер, по крепости превосходивший водку. Отвыкшие или, вернее, по-настоящему не привыкшие к алкоголю, мы изрядно захмелели. Рассказывали друг другу разные побасенки, анекдоты, а потом пели песни.

Утром Данилыч разбудил метеорологов. Выйдя из дома, он услышал яростный лай собак, доносившийся из-под скалы, где находилась привада. Мы быстро оделись и к своей скале. Сверху видно было, что медведь уже вышел на примкнувший к нашей льдине плавающий лед и трусцой уходил к воде, преследуемый собаками. До него было, вероятно, более двухсот метров, но пули вряд ли задела его. После наших выстрелов зверь на махах стал быстро удаляться от берега, и собаки отстали от него. С взрослыми собаками были и полувзрослые щенки первого помета. Ни одна собака не пострадала от медвежьих лап. Сытые собаки вели себя осторожно, и им не хватало той злобности голодных животных, чтобы с остервенением броситься на могучего зверя.

23 сентября.

Ночи все длиннее. На прояснившемся небе заиграли всполохи полярного сияния. С каждым днем все холоднее. Теперь морозы достигают 14-15 градусов. Неотвратимо вступает в свои права долгая холодная арктическая зима со своей дочерью – мрачной полярной ночью.

28 сентября.

Дни становятся однообразными и все уменьшаются, ночи значительно длиннее дней. Когда появляется солнце, что бывает не часто, то оно находится не высоко над горизонтом и почти не греет. Лед на море вблизи берега вроде бы устанавливается, как бы переходит в береговой припай. Бывают подвижки льда, образуются гряды торосов при его сжатии. Дальше от берега торошение интенсивнее. Разводий вблизи острова не видно. Только далеко-далеко на севере просматривается довольно обширное черное небо. Там, конечно, открытая вода.

Мы порой сравниваем себя с Робинзоном Крузо, но такое сравнение, пожалуй, неверно. Робинзон двадцать лет (до появления Пятницы) был одинок. Нас же трое, значит, живем в коллективе. У нас готовое жилище и продукты. В отличие от Робинзона, мы точно знаем свое местонахождение, и у нас имеется какая-то надежда на спасение, т.е. избавление из ледяного плена. Робинзон же сам себе строил жилище и добывал пищу. Даже огонь добывал трением с помощью деревянных чурок. Он совершенно не знал своего местонахождения, но у Робинзона были свои значительные плюсы. Он не страдал от холода и не переживал ужасы полярной ночи. Он находился среди экзотической природы. Его остров с богатой растительностью и животным миром был значительно обширнее нашего почти ледяного безжизненного островка; по острову Робинзон совершал длительные прогулки, занимаясь охотой. Конечно, у Крузо жизнь была разнообразнее.

И еще одно существенное преимущество перед нами было у того отшельника. Робинзон был верующим человеком. Он трепетно относился к Библии и до конца своего вынужденного пребывания на острове постоянно и внимательно читал эту священную для него книгу. Это, конечно, его успокаивало и помогало выжить. Он был уверен: то, что случилось с ним, его пребывание на необитаемом острове — это Божье Провидение, и что он должен покориться своей судьбе.

Этот фактор, скорее всего, помог Робинзону проявить удивительную силу и изобретательность и до конца сохранить духовную силу и ясность мышления.

Кстати, эта удивительная книжка имеется в нашей библиотеке, и я ее с удовольствием перечитал.

1 октября.

Сейчас мы большую часть времени проводим за чтением книг. О Данилыче не говорю, у него другие дела. Читаем больше при лампах. В пасмурную погоду, особенно когда замуржит, у нас полусумерки. Продолжаем прогуливаться по острову.

Я поставил перед собой такую цель (программа минимум) - хорошо поработать: 1) 1-й выпуск сочинений Ленина; 2) литературу 8-9-х классов, стараясь как можно больше прочитать сочинений прорабатываемых литераторов; 3) грамматику русского языка (морфологию и фонетику), чтобы грамотно, без ошибок писать свои сочинения. А в программе максимум: чтение более широкого круга писателей, особенно иностранных и, что особенно важно, попробовать свои силы в написании собственных сочинений (очерки, рассказы). Такая возможность есть, благо, под руками приличная библиотека.

Последние несколько дней я посвятил чтению трудов полярных исследователей и тех, где написано о них. В основном эту литературу я читал на полярной станции «Остров Четырехстолбовой» и теперь часть работ перечитываю, но более внимательно, даже конспектирую. Здесь я обнаружил описание экспедиций И.Хейса, Д.Де-Лонга, Норденшельда, Фритьофа Нансена, Роберта Пири, Руала Амундсена, Георгия Седова и некоторых других исследователей Арктики.

Теперь я знаю, что центральная часть Северного Ледовитого океана покрыта мощными полярными льдами, которые под влиянием течений и ветров находятся в непрерывном движении. Наш остров входит в состав архипелага Де Лонга, который, в свою очередь, относится к Новосибирским островам. Остров открыт Де Лонгом в 1881 году. Как это произошло?

В августе 1879 года Де Лонг прошел Берингов пролив на шхуне «Жаннетта» и вскоре очутился среди плавучих льдов. В сентябре за островом Геральда шхуна вмерзла в лед и полтора года по извилистому пути медленно дрейфовала в северо-западном направлении. 16 мая 1881 года Де Лонг обнаружил неизвестный небольшой остров. Его назвали в честь своей шхуны островом Жаннетты. Де Лонг и его спутники в бинокли рассматривали незнакомый остров, до которого было не менее 70 км. Видны были скалы, разлоги и покрытые снегом берега. Высадиться на него не было возможности: далеко, и шхуна быстро дрейфовала в северо-западном направлении.

24 мая путешественники обнаружили еще один остров, которому дали имя Генриетты. Когда дрейф приблизил шхуну к острову, Де Лонг снарядил небольшой отряд для исследования острова. Это был скалистый безжизненный остров, покрытый льдом и снегом.

11 июня 1881 года шхуна «Жаннетта» была раздавлена льдами между островами Генриетты и Бенетты. Ее команда, погрузив три лодки на сани, двинулась по дрейфующим льдам в сторону материка, к берегам Сибири.

26 июля 1881 года потерпевшие достигли острова более крупного по размеру и менее гористого. Его назвали именем Бенетта, в честь издателя газеты «Нью-Йорк Геральд», снарядившего экспедицию на свои средства. 6 августа 1881 года путешественники по открытой воде на трех небольших ботах отправились в сторону материка к устью реки Лены. Один бот бесследно пропал в бурных водах моря; бот, на котором находился лейтенант Де Лонг, достиг устья Лены, но из команды бота почти все, кроме двух из десяти, погибли от голода и холода на одном из островов дельты Лены. Только команда вельбота инженера Мельвилля вышла к живым местам и уцелела. Все же один человек из нее вскоре попал в сумасшедший дом.

Что тут скажешь - печальная история!

Будучи подростком, затем юношей я мечтал побывать на Крайнем Севере, увидеть плавучие льды и торосы, поохотиться на белого медведя, наблюдать незаходящее солнце и полярное сияние.

Но тогда это была только мечта, трудноосуществимое мероприятие. Осуществление моей мечты произошло внезапно. Как-то проходя по одной из московских улиц, на одной из витрин я обнаружил объявление о приеме на курсы полярных работников. Вот тут- то я и выиграл! И впоследствии с лихвой испытал и насмотрелся того, о чем мечтал! И вот итог: далекий и безжизненный, заброшенный во льдах Ледовитого океана мрачный остров Генриетты!

2 октября.

Сегодня убили медведя. Перед обедом Виктор вышел из помещения для проведения метеосрока и вдруг слышит яростный собачий лай под скалой. Мы все, конечно, в ружье и к скале! На этот раз голодный зверь не уходил во льды, он отбивался от собак около привады. Одна собака лежала рядом без движения.

- Никак это Найда! - негромко досадливо вскрикнул Данилыч. - Лучшую собаку ухлопал, варнак!

Мы заспешили к спуску. Зверь подпустил нас шагов на двадцать пять, после чего попытался уйти, но было уже поздно. С первых же наших выстрелов он упал замертво. Осатаневшие собаки набросились уже на мертвого, и мы не без труда отогнали их от убитого медведя. Что поразительно - четырехмесячные щенки вели себя, как старшие их собратья: также заходились в остервенелом лае, бросались на огромного диковинного для них зверя, но все же держались от него на безопасном расстоянии. Найда вырастила себе достойную смену! Теперь она лежала бездыханная с помятой грудью и распоротым животом. Она была самая умная, смелая и выносливая из оставшихся взрослых собак. Ее повзрослевшие дети ведут себя спокойно при виде мертвой матери и не осознают, кого они потеряли.

7 октября.

В пасмурные дни в дневное время у нас вечерние сумерки.

Сегодня днем над островом гуляют высокие слоисто-кучевые облака среднего яруса, часто открываются просветы чистого неба, как говорят, облачность с прояснениями. В южной акватории ближе к горизонту небо закрыто более плотными облаками. Где-то там за облаками по горизонту, а может, чуть выше горизонта катится солнце. Скоро оно надолго покинет нас, родимое.

Пока мы не скучаем. Мы с Виктором не только читаем книги и прогуливаемся по острову. Ежедневно приходится заготавливать спрессованный снег для кухни, готовить разжигу из дров и приносить уголь, топить печи и раз в декаду готовить баню, заниматься стиркой и делать иногда прочие, порой непредвиденные, работы. О Данилыче я уже не говорю, у него забот больше.

Последние несколько дней занимались хозяйственными работами: подняли на остров и убрали в помещение склада мясо убитого медведя, большую часть медвежьего мяса из ледника тоже перенесли на склад, сюда же перенесли и птичьи яйца.

Ждем, когда окончательно успокоится лед вокруг острова и станет как бы островным припаем. Тогда мы часть песцового мяса отвезем во льды — будут привады на песцов. Сейчас песцы ночами кормятся мясом, что лежит под скалой.

10 октября.

В прошлом году для меня впервые открылся новый своеобразный, необычный мир. Это Арктика, полярная станция острова Четырехстолбовой. Я старался полнее познать этот мир и во многом преуспел. Здесь же еще раз по-своему открылся нам новый мир, который невольно подарила нам судьба, и мы должны выжить в этом мире, познавая все его «прелести».

Жизнь на острове Генриетты, как интересная книга, которую нам суждено прочитать. Интересная ли? Долгая полярная ночь с неистовыми пургами и жестокими морозами, скрежет и грохот льдов, а порой тягостное безмолвие, жизнь отшельников без всякой живой информации, полная отрешенность от цивилизованного мира - и это интересная книга?

Я подумал: «Вот я оказался на этом острове не по своей воле. А если бы там, в Москве, мне предложили зимовать на действующей полярной станции этого острова, а я, в свою очередь, знал, какие здесь условия, согласился бы я? Думаю, что согласился бы. До закрытия станции здесь был коллектив из 7 или 8 человек. Коллектив, конечно, небольшой, но была связь с Землей и твердая надежда, что все зимовщики возвратятся домой. У нас все иначе. Хотя у нас тоже небольшой коллектив, и продуктами мы в основном обеспечены, но мы полностью оторваны от внешнего мира. Нам несравненно тяжелее будет перенести зимовку, чем тем ребятам, работавшим здесь до нас».

Сейчас у нас три медвежьих шкуры. Данилыч решил заняться их выделкой. В свободной угловой комнате он соорудил из фанеры и рубероида внушительную емкость, наподобие мелкого чана, разложил пока одну медвежью шкуру, и мы на нее мочимся. Чтобы в комнате было теплее, дверь не закрываем, и теперь запах мочи ощущается по всему дому. А что делать? Зимой из медвежьих шкур будем шить одежду и выделывать обувь — торбаса. В условиях Арктики валенки и даже унты - неподходящая обувь.

14 октября.

Ближайшие к острову льды вроде бы успокоились. Вчера с Данилычем развозили моржовое мясо в море для приваживания песцов. Данилыч устроил две привады. Одна несколько южнее острова, до нее примерно четыре с половиной километра, вторая - западнее острова, в полукилометре от птичьего базара. Я свою приваду разместил восточнее острова, не менее километра от берега. Для чего мы это сделали? Всех песцов, а их задержалось здесь не так и много, не более десятка, можно отловить у берега, около складированного моржового и нерпичьего мяса. Но тогда в капканы будут попадаться и наши собаки. Держать же собак на время охотничьего сезона взаперти или на привязи - нет резона.

И еще. Проверая капканы, мы будем находиться в движении, появится определенный интерес, охотничий азарт, что, в свою очередь, как-то будет скрашивать нашу однообразную жизнь в ночное время. К сожалению, Виктор наотрез отказался заниматься песцовой охотой, но мы надеемся втянуть и его в это занятие.

17 октября.

Дни стоят почти ясные. На большой высоте верховой ветер гоняет перистые облака, в южной части небосвода солнце еще катается по горизонту. После ухода солнца за горизонт наблюдаются очень яркие красивые зори. Преобладает малиновый цвет, а когда стемнеет - на ясном звездном небе заиграют сполохи, бывают и драпри - очень красивая разноцветная форма полярных сияний. Столбик термометра уже опускается ниже 20 градусов.

Неумолимо надвигается сплошная полярная ночь. Мы находимся на крохотном ледяном острове среди ледяного безмолвия Ледовитого океана. Будет тяжело. Мы находимся в нелепом трагическом положении, но надо держаться. Порой дуют леденящие ветры, вокруг острова вздымаются ледяные валы. Вот она - ледяная полярная пустыня. В юности я мечтал об арктических просторах, и вот судьба преподнесла мне их. Теперь мы в самом «пекле» ледяного царства. Выдержим ли? Я должен выдержать это суровое испытание и помочь своим товарищам, вернее, младшему товарищу своему, Виктору Пысину помочь. О Данилове я не говорю — он-то выдержит. В последнее время Виктор все больше отчаивается, замыкается в себе, не верит в наше избавление от ледяного плена, падает духом. Сейчас главное - не раскисать самому, всячески поддерживать Виктора.

Моржовое и нерпичье мясо, что находилось у берега на льду, подняли наверх и уложили в складском помещении. Лишили песцов лакомиться доступным кормом, а также и собак. Днем здесь паслись наши собачки, ночью - песцы. Песцы, конечно, голодать не будут и вскоре обнаружат наши привады, а мы будем отлавливать их капканами.

Собакам Данилыч уже выдает корм строго по норме и только два раз в день, а то они на вольных кормах слишком разъелись и обленились. Данилыч - хозяин рачительный, у него не забалуешь!

24 октября.

Быстро протекают короткие тусклые дни, переходящие в долгие ночи, и кажется, все медленнее ползут месяцы. Долгими вечерами, после ужина мы нередко коротаем время в салоне, т.е. в столовой. Данилыч, как обычно, занимается своими поделками, а мы читаем при двух лампах. Иногда я здесь же веду дневник или что-то еще пишу. Так было и вчера вечером. Данилыч трудился над потягом для собачьей упряжки и стал вспоминать Якутию, родные с детства места, с умилением рассказывал о них. Тут Виктор прерывает рассказчика, явно решив задеть Данилыча за живое. - Что представляет твоя Якутия? Дикая страна с полуграмотным населением, пригодная разве что для ссылки и каторжных работ.

Николай Осипович с минуту молчал. Наконец, не спеша, отложил в сторону отремонтированный потяг, сказал с упреком: - Эх, парень, мало ты знаешь о Якутии! Ты хотя бы школьный учебник по географии почитал, да карту Якутии повнимательнее посмотрел, тогда, может, и не сказал бы такое. Дикая страна! - передразнил он Виктора. - Была дикой при царизме, да сплыла. Теперь в Якутию не ссылают, туда люди добровольно едут.

- Хм, добровольно! Как мы в Арктику - провел здесь пару лет, посмотрел Север с его дикой природой, так называемую экзотику, зашиб деньгу и скорее домой без оглядки...

- А после очередного отпуска снова на Север, - подсказал я Виктору.

Нет, дудки! Пусть кто-то едет, но я... нет, хватит для меня таких приключений! - от возбуждения у Виктора в глазах появился злой огонек, но в следующий момент он как бы обмяк, прислонился спиной к стене и, помолчав, проговорил уныло: - Если только вернусь...

- Не надо терять надежду, парень. Все будет хорошо. Вернемся мы домой, - ободряюще сказал ему Данилыч. И, подумав немного, снова стал рассказывать: - Якутия, что Сибирь-матушка. Страна богатая. Громаднейший край! Протянулась она, считай, почти от Байкала до Ледовитого океана, а с запада на восток - еще дальше. На такой территории всю Европу разместить можно, и еще место останется. Богатства несметные! Конечно, до Якутии по-настоящему руки еще не дошли. А тут война... Но недалеко время - и в Якутии будут железные дороги, вырастут новые города. И расцветет же этот край! - Данилыч явно входил в раж. - А сколько там рек, озер! Сколько рыбы - страсть! В водоемах, особенно в крупных реках, водятся осетр, омуль, муксун, ряпушка. Ценная благородная рыба, очень вкусная и нежная рыба.

- Еще бы. Осетр, муксун — такая рыба для царских столов поставлялась, - сказал я. - А вот рыба попроще, например, карась, щука тоже есть?

- А как же! Есть и карась, и щука, и окунь есть, и много другой хорошей речной рыбы. А таймень - вот рыба! А сиг, хариус! Да что говорить! А нельма - из рыб царица, под стать царскому осетру! А сколько дичи, зверья разного водится! Леса там необъятные. Вот как вырвусь отсюда, - Данилов тут же поправил себя, - как вернусь на материк, то с Шурочкой обязательно навестим родные места. И на охоту сходим, и порыбачим вдоволь.

- А где эти места, где ты родился-то? - спросил Виктор.

- Родился я в одном из наслегов Ботурусского улуса, в междуречье Амги и Таты, притоках Алдана, примерно, в двухстах километрах восточнее Якутска. Поселок Ыгык- Кель от нас недалеко, километрах в двадцати, а от него дорога шоссейная, иначе, тракт до самого Якутска идет. Теперь улусы районами называют. А наслег мой, иначе деревня, в колхоз вошел. В хорошем месте я родился и вырос. Красивые места. Леса — рощи березовые, сосняки чистые. Много лугов, озер. Недалеко Алдан, Амга-река и речка Тата под боком — веселая, рыбная речка.

Раздолье. Раньше якуты жили бедно, очень бедно. Потом, уже при советской власти, лучше зажили, в колхозе лучше жизнь стала. Да вот война поломала все, но жизнь сейчас вроде налаживается. Сейчас у якутов в основном создан новый быт. Раньше-то, как сам помню, жили в избах-юртах, а сейчас дома деревянные строят, как у русских, а в городах - многоэтажные, каменные.

- А как выглядит юрта? Наверное, наподобие чукотской яранги? - спросил я Данилыча.

- Не совсем так. Якутская юрта - это жилье с небольшой плоской крышей. Стены сделаны не из моржовых или оленьих шкур, как в чукотской яранге, а из поставленных с наклоном бревен. Жилище от земли кверху идет на конус, так что потолок значительно меньше пола. Так делают, чтобы внутри держалось тепло. В потолке труба, в которую выпускается дым из расположенного внутри юрты очага. Здесь готовится пища, и он же служит для обогрева. Значит, топили по-черному, как в старину в русских банях. Только дым выпускался не через дверь, а сверху, через постоянно открытую трубу. В таком жилище всегда было темновато, дымно и душно. К юрте пристраивался скотный двор-хлев, там содержался скот. Зимой, в сильные морозы телята содержались в людской половине. И теплее, и детям веселей, но грязнее, поэтому среди якутов было много больных трахомой, туберкулезом, и лишай был. Детей много болело. Сейчас такие юрты почти исчезли и встречаются только в отдаленных таежных улусах.

Данилыч умолк, взял в руки потяг, попробовал его на крепость.

- Ты, Данилыч, сам же себя высек, - нарушил молчание Виктор. - Начал за здоровье, а кончил за упокой. По твоим же словам и получается, что Якутия - дикий край и народ там невежественен, живет в грязи, в скотских условиях. Сам же говоришь: и дети, и телята находятся в одном помещении. И собаки, наверное, с ними.

- Это я говорил про прошлое Якутии. Теперь в основном иначе...

- В основном. Но есть еще и такое...
- Встречается в таежных улусах. А чего захотел, парень, чтобы за тридцать лет советской власти везде дворцы понастроили? Сразу так не бывает. Всему свое время.
Тут я решил поддержать Николая Осиповича. - Якутия, конечно, таежный край, с очень суровой зимой вот люди и приспособляются. Похожее наблюдается и в центре России, например, в подмосковных селениях. У нас скотные дворы тоже пристраивают к домам. Как отелится корова, а такое бывает чаще зимой, теленка берут в дом и держат его до тепла в заулке — так у нас называют место между печкой и стеной. И ягнят также. Какая уж тут санитария, когда скот в доме. Вонь, мухи, а вот люди привыкли так, по старинке-то...
- Саша, ты, конечно, загнул изрядно. Чтобы в наше время такая дикость, да вблизи столицы. Не поверю, - усомнился Виктор.
- Сам жил в таких условиях. И в нашей семье, как и в других, до весны теленка в избе держали. Да и сейчас, конечно, держат, кто имеет корову. Иначе нельзя.
- А где это, в каких местах?
- Я думаю, что во многих центральных областях, где бывают суровые зимы. В Московской области тоже. Деревня моя Бронницкого района находится в пятидесяти километрах от Москвы. Да что теленок в доме! Парятся в печке, а моются в корытах! В нашей деревне на семьдесят домов нет ни одной бани, и в соседних селах не припомню, у кого была бы баня. А ты, Якутия - дикая страна! Кстати, Виктор, а бывал ли ты в деревне? Как себе ее представляешь?
- Как же, приходилось. За грибами летом, на дачу...
- Это не то, Виктор. Я спрашиваю, знаешь ли ты быт современной деревни, знаешь ли, как живут колхозники?
- Вроде неплохо живут. На рынке продукты продают: мясо, молоко, овощи разные. Так дерут с нас, городских, втридорога. Видимо, ничего живут. Чего ты головой качаешь?
- Удивляюсь твоей наивности, Витя, - сказал я. - Говоришь, неплохо живут.

Не знаешь ты современную деревню, городской житель. Плохо живут сейчас колхозники, работают за трудодни, а на трудодень-то шиш получают, больше за палочки работают. Налоги с приусадебных участков - ой-ей-ей! Ты подумай, почему я треть своей зарплаты домой переводил, да к праздникам разовые переводы? Семью поддерживал, в бедности родители и сестры живут. А ведь там трое работают в колхозе. Младшая сестренка скоро школу закончит, седьмой класс. Тоже придется идти в колхоз. А что поделаешь, куда ей деться? В городе родственников нет, и остаются в колхозе... - Дальше я не стал рассказывать, примолк. Вспомнилась родная деревня, родные близкие лица. Молчали и мои товарищи. А за окном завывал ветер.

Эту нашу вечернюю беседу я попытался описать в жанре очерка. Она интересна тем, что в ней каждый из нас частично раскрывает себя, показывает свое первоначальное социальное положение, так сказать, родовые корни. Я и Данилыч - из крестьян, Виктор - с ног до головы городской житель, совершенно не знающий деревню.

27 октября.

Жизнь на полярке идет своим чередом. Один день сменяет другой, похожий на предыдущий. «День», конечно, в кавычках. Это короткое сумеречное мрачноватое дневное время. Все последние дни погода стоит мрачная и непостоянная: небо в сплошных облаках, с перерывами идет снег и дует сильный ветер, местами вокруг станции надувает небольшие сугробы, но много снега ветер сдувает с острова вниз, в ледяное море. Вероятно, солнце уже совсем ушло за горизонт. Теперь увидим его где-то в конце февраля.

Сегодня потише, и мы с Данилычем проверили свои привады. У меня приваду песцы заели, но ее сильно замело снегом. Пришлось ее освободить от снега и вновь положить на поверхность уплотненного снега вблизи торосов. У Данилыча песцы тоже заели одну приваду. Скоро начнем отлавливать этих зверьков. Только бы установилась более благоприятная погода.

30 октября.

Днем сумрачно, почти темно. Прошедшую ночь и весь сегодняшний день бушует свирепая пурга. Ветер более 20 м/сек, температура воздуха 22 градуса. В воздухе хаос - сильный снег и метель, в двух шагах ничего не видно. На метеоплощадку временно не ходим - электрического фонаря нет, а с керосиновой лампой, разумеется, не пойдешь. Причем при таком ветре невозможно менять ленты для самописцев. Отсиживаемся за стенами дома. В помещении прохладно, хотя исправно топим печи.

4 ноября.

Пурга вчера прекратилась. Атмосферное давление быстро растет. Вчера разъяснилось. А вечером было сильное, яркое, неопишное по красоте полярное сияние. Простые лучистые сияния в Арктике в ночное время наблюдаются почти каждые сутки, и на них мало кто обращает внимание, хотя метеорологи фиксируют их в своих метеокнижках. Но такое сияние, которое мы наблюдали вчера вечером, бывает довольно редко. Это было необыкновенной красоты небесное явление: все небо сияло, переливалось, искрилось. Преобладали малиновые, зеленые и желтые цвета. Мы стояли и смотрели, как огромные красочные ленты быстро двигались и переливались по всему небу, образуя огромные многоярусные занавеси-драпри. Мы смотрели и молчали, замороженные все разгорающимся необыкновенным грандиозным небесным пожаром. Нам казалось, что мы слышим шорох от трущихся гигантских лент, хотя на самом деле в морозном воздухе висела чуткая, ничем не нарушаемая штилевая тишина. Вот неожиданно небесные ленточные дуги стали как бы линять, быстро тускнеть и вскоре исчезли. На месте их появились блуждающие по небу редкие лучистые полосы. Наблюдаемое нами необыкновенной красоты природное явление продолжалось не более пятнадцати минут.

Вчера мы наблюдали величественное явление природы, которое бывает только за полярным кругом.

Такое невозможно полно описать, это надо видеть. Такое явление сравнительно полно мог бы отобразить талантливый, истинный поэт. Как у Ломоносова:

С полных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?..
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождal пожар?
Метко замечено. Но то Ломоносов!

Когда мы снова окажемся среди людей, в кругу близких и знакомых, а я глубоко уверен, что это время настанет, то, наверное, спросят: каково оно - полярное сияние? Как объяснить? Все небо полыхает, переливается всеми цветами радуги, драпри, корона лучезарная... Все это не то. Основное-то не дойдет до слушателя. Не почувствует он полярное сияние. Его надо видеть, пережить и прочувствовать.

О полярных сияниях немало писали и зарубежные, и отечественные путешественники, исследователи Арктики. Наиболее удачно выразил себя при описании этого явления известный норвежский исследователь Арктики Фритъоф Нансен. Интенсивные полярные сияния он много раз видел во время легендарного дрейфа «Фрама».

«И вдруг северное сияние расстилает по небосводу свое затканное серебром то желтое, то зеленое, то красное покрывало; вот оно расходится, потом опять беспокойно собирается в волнистые складки, разворачивается и колышется серебряной лентой. Ярко вспыхивают снопы огня и радуги». И еще у Ф.Нансена (это уже похоже на стихи в прозе). «...Смотри на него, пей из него забвение и пей надежду, - оно так похоже на мятежную человеческую душу. Беспокойное, как она, стремится оно захватить весь небесный свод, но остается лишь блестящей погоней за светом. Оно прекраснее всего другого в своей дикой игре, прекраснее даже румяной зари, но не несет оно вести о дне грядущем. Бессильная погоня в пустом пространстве. Моряк по звездам направляет свой путь; могло бы собраться и ты, северное сияние, могло бы и ты оказать пользу, выводя заблудившегося странника на дорогу.

Но продолжай свою пляску и дай мне наслаждаться тобой; перекинь мост между настоящим и грядущим и позволь мне в мечтах уноситься далеко, далеко в будущее. - О, ты, таинственный свет, что ты такое и откуда ты исходишь? Но к чему спрашивать? Разве не довольно изумляться твоей красоте и на этом остановиться?.. Это жизнь, расцветающая среди спящей ночи».

После такого возвышенного, восторженного нансен-ского описания северного сияния у меня уже сейчас нет желания писать о нашем будничном быте. И о чем писать? Льды, морозы, свирепые ветры, снега и вьюги, ледяное безмолвие - так должно и быть, это же Арктика! Мы входим в полярную ночь, в темень полярной ночи. Это нас немного страшит. И в то же время в каждом из нас живет томительное ожидание чего-то светлого, лучшего...

10 ноября.

Живем в полярной ночи. То и дело дуют сильные ветры со снегом. Пуржит. Температура воздуха опускается иногда за минус тридцать градусов. В некотором отдалении от острова с разных сторон часто слышится треск и грохот от подвижек льда. Идет торожение. Из-за отсутствия надежного освещения метеоплощадку прекратили посещать. Сняты наружные наблюдения. Записываем только показания ртутного барометра, который находится в помещении. Нас интересует тенденция изменения давления, от которой зависит, в некоторой степени, дальнейшее изменение погоды. С Данилычем проверяем привады. Теперь все три привады посещаются песцами. Данилыч советует подождать с охотой. Пусть песец выводится до шкурки первого сорта. Песцы от нас не уйдут. И уходить им некуда.

Праздник отметили скромно. В этот день даже на улицу не выходили из-за сильной пурги. Данилыч возится с медвежьими шкурами.

14 ноября.

Вчера и сегодня ясная и морозная погода. По южному горизонту еще видны светлые отблески зари, но все же днем темно, видны звезды. В такую погоду я стараюсь больше времени проводить на воле: гуляю по острову и во льдах вблизи острова. Сегодня два раза вытаскивал Виктора на прогулку, на которую он выходит с неохотой. После прогулки Виктор заходит в свою комнату и заваливается на койку. Хандрит парень.

Данилыч в свободной комнате возится с верстаком. Столярный инструмент на станции имеется. Когда мы раньше пилили плавник на дрова, то хозяйственный Данилыч отобрал несколько вдоль волокнистых бревнышек и аккуратно расколлот их надвое. Сейчас он занес этот материал в рабочую комнату. Решил изготавливать вторые нарты. Я уверен - у него это получится. И еще продолжает обработку медвежьих и нерпичьих шкур.

21 ноября.

Вчера с Данилычем установили капканы около своих привад. Я установил два капкана, Данилыч - пять. Ночью был сильный поземок, мело, к утру утихло. Условно, по времени называем утро, день, ночь. На самом деле - сплошная ночь. Сегодня после завтрака я пошел, а Данилыч поехал на упряжке из четырех взрослых собак проверять свои охотничьи угодья. Подходил к приваде и волновался. Попал или не попал в капкан песец? На этот раз не попал. Капканы прикрыты снежными пластинками для маскировки. Но за ночь поземок намел небольшие сугробики уплотнившегося снега, и капканы не сработали. По ним безнаказанно ходили песцы и пировали. Какая досада! Пришлось заново переставлять капканы.

Данилыч привез песка, который был пойман на дальней (южной) приваде. На ближней, западной его приваде произошло то же самое, что и на моей восточной приваде.

Охотничий сезон открыт!

22 ноября.

Сегодня поймал первого песца, а Данилыч - двух, на каждой своей приваде - по песцу. Что меня удивило, он снял около привад все капканы и привез на станцию. Он так объяснил свой поступок. Дескать, не надо жадничать. Мы можем в течение недели выловить всех своих песцов. Их здесь мало. Мы их привадили, прикормили, и они отсюда не уйдут, но и со стороны не придут. Как правило, песцы в зимнее время сопровождают медведей, кормятся остатками их трапезы. Но в зимнее время вряд ли медведи посетят наш остров. Охота на песца - единственная наша охота, увлечение и забава, несколько заполняющие и скрашивающие томительное время полярной ночи. Так что не надо спешить. Постараемся растянуть охоту на все темное зимнее время, но я-то установил капканы. Завтра буду проверять. Если попадет песец, что ж, будет еще один трофей, хотя такое и нежелательно.

Сейчас погода тихая и морозная. Температура воздуха под сорок. По звездному небу перекатываются светлые, а иногда и расцвеченные лучи полярного сияния.

23 ноября.

После обеда посетил свою приваду. Песец не попал. Парадокс получается, когда охотник доволен, что зверь не угодил в капкан. Снял капканы. Заниматься охотой в ближайшие дни будет трудно и небезопасно. Месяц на ущербе, и ночь становится темнее. На льду часто появляются свежие трещины. Не дай бог в темноте угодить в такую трещину!

30 ноября.

Наша отшельническая жизнь идет своим чередом. На море потрескивает, похрапывает, пошумливает лед, неистовые пурги сменяются затишьем, а вчера было грандиозное, необычайной красоты полярное сияние. После очередной игры и метаний по небу разноцветных лент и дуг образовалась грандиозная величественная корона, красоту которой трудно описать. Интенсивность свечения

небесной короны была настолько сильной, значительной, что мы видели, как местами снег и ледяной купол излучали слабое зеленовато-фосфорическое сияние. И было светлее вокруг, и видно было дальше.

В свободное от основной работы время Данилыч занимается в своей мастерской различными поделками. Я много читаю и почти регулярно совершаю довольно длительные прогулки по острову вдоль берега. Виктор тоже читает, но иногда мы замечаем, как он безмолвно лежит на койке и отупело смотрит в потолок. Все реже делает прогулки на свежем воздухе, и теперь все труднее его выманивать на совместные прогулки. Хандрит наш товарищ. Боимся за него - не зацинговал бы, как в прошлый раз во льдах.

Я прогуливаюсь по своей тропе между валунов и камней различной величины вдоль берега до ледяного языка, расположенного примерно в полутора километрах от станции. Ледяной язык - это ледяной массив, несколько полого отходящий от центрального ледяного купола к обрывистому берегу. Ходить по нему опасно.

Сначала, делая такие прогулки в темноте, меня иногда охватывала некоторая оторопь. Потом привык. Хожу, рассуждаю сам с собой, что-то сочиняю (это что-то написать пока не решаюсь), но больше вспоминаю свое прошлое. Особенно прошлое из детства и отроческих лет. И напеваю про себя, а то и запою во весь голос. Больше я люблю старинные песни. Я, как и многие мои сверстники, воспитан на песнях с патефонных пластинок Ковалевой, Руслановой, Сметанкиной, Михайлова, Утесова, Виноградова, Бунчикова, Нечаева и некоторых других современных певцов, но по душе мне народные песни. Вспоминаю такой случай. В то время мне было лет шесть, может, семь. Однажды летом я спал на террасе с открытой настежь дверью. Проснулся, а скорее, очнулся я от сна от громко распеваемой чудесной песни. Ее пел молодой мужской голос. Мы жили почти на окраине деревни, и я услышал эту песню, когда певец еще не вошел в деревню. Сон с меня как рукой сняло. Затаив дыхание, слушал я эту необыкновенную песню, пока она внезапно не оборвалась где-то на середине деревни.

Утром я рассказал своей бабушке про эту песню. Оказалось, что бабушка тоже слушала ее.

- Хорошая песня, - сказала бабушка. — Николай Хорьков возвращался с покоса и пел. Я его по голосу узнала. (В то время косили и заготавливали сено для своей скотины поздними вечерами и ночью. Днем же работали в колхозе).

Я попросил бабушку, чтобы она напомнила мне слова той песни.

- Хорошая песня, душевная, - снова повторила бабушка. — А начинается она так: «Я у матушки выросла в доле и кручины не ведала злой. Да счастливой девической доле позавидовал недруг людской».

Затем бабушка по моей просьбе негромко пропела два первых куплета и умолкла, задумалась. Первый куплет той песни остался в моей памяти до сих пор и мотив запомнил. На всю жизнь запомнил. Я стал просить бабушку допеть песню, но она отказала.

- Не пою я эту песню и в словах путаюсь. Не моя эта песня. Моя песня другая, выстраданная мною, судьбою мне данная.

Помню, как бабушка призадумалась и после минутного молчания тихо запела.

В калиновой роще пташки распевали;
Было слышно в поле голос раздается.
Было слышно в поле голос раздается,
Там подружка Леля с милым расстается.
Куда, милый, идешь, куда уезжаешь,
На кого ты, милый, меня оставляешь?
Кого я любила - с тем я расстаюся.
А кто сердцу не люб - тому достаюся.
А я замуж выйду, но любить не буду.
А тебя мой милый вовек не забуду.

- Эта песня про меня, - тихо сказала бабушка. - Раньше как было. Девку не спрашивали, за кого замуж идти. Решали родители, отец. Сама-то я из Шишкина была.

Отсюда до Шишкина верст восемь, не более. В девках полюбила я парня из своей деревни. Красивый, статный был парень. И гармонист хороший. Он меня сильно любил. Думали поженимся, вместе будем. Да, видно, не судьба. Не приглянулся он батюшке моему, из бедных был. А сосватали меня из Сельвачева, за дедушку вашего. Семья считалась зажиточной, извозом занимались. И плакала я, грозилась руки на себя наложить - батюшка на своем стоял, даже вожжами меня поколотил. Строг был. И пришлось смириться. В то время против родительской воли не пойдешь. И отдали меня за нелюбимого... Построили нам, молодым, новый дом, стали мы жить отдельно. Жили в достатке, а ладу между нами не было. Не любила я своего мужа и до сих пор не люблю, а он ревновал.

А любимый-то мой, шишкинский парень, в первый год моего замужества два раза, а может, и больше, приходил в Сельвачево, все меня высматривал. Я уже на сносях была, Ванюшкой ходила. В первый раз вызвал меня из дома через соседскую девочку. Вашего деда в это время не было дома, в извозе был. Постояла я с ним четверть часа, в дом, конечно, не пригласила, тогда строго было. Попросила его, чтобы он больше не приходил. А он чуть не плачет, не наглядится на меня. Я стою сама не своя, слезы на глазах. Гоню его. Ведь люди нас видят, говорить нехорошо про меня будут. Ушел. Вскоре приезжает муженек мой, дед ваш. Ему, конечно, сказали об этом. Ругался сильно, лютовал.

Спустя месяц снова приходит мой парень, пришел на меня взглянуть. Я вышла к нему и через изгородь строго его отчитала и просила, чтобы он больше не приходил и забыл меня. Он ушел, и с тех пор я его никогда не видела. Долго я плакала по нему, когда оставалась одна. Вот такая моя судьба. А когда запою эту песню, то ваш дед недоволен бывает, ворчит на меня, ругается. Да бог с ним.

Слова бабушкиной любимой песни я в основном знал еще в то время, мальчонкой, потому что бабушка всегда ее пела по праздникам, когда у нас собиралось много гостей. Песня ложится на душу с детства и запоминается лучше ребенком, когда ее поют взрослые. Это истина.

9 декабря.

Шестой день отсиживаемся в помещении. На улице очень сильная пурга. Вылезать-то в пургу все же приходится. Приносить уголь, добывая его в своем «угольном карьере», приносить на кухню куски плотного снега, по нужде, проверять собак... Очень сильный ветер со снегом. Кругом свистит, гремит и воет, а то слышны какие-то непонятные бухающие звуки со стороны моря. И все это в кромешной темноте. Иногда на тебя находит душевное неудобство что ли, внутренний дискомфорт, безразличие ко всему, чувство безысходности, тревожность... Но это временное состояние. Оно проходит.

Но мы выживем! Всем чертям назло выживем! В жизни бывают случаи и безнадежнее, но воля людей, страстная вера в победу, упорство и борьба за жизнь помогают вынести все и победить. Мы за так не дадимся суровой природе, перенесем все невзгоды - и разлуку с близкими, как бы долго она ни продолжалась, и эти изнурительные зимовки, сколько бы их ни было, и голод, и холод - все перенесем, а домой вернемся! Неистовые пурги, черный мрак и жуть полярной ночи страшны для хлюпиков, для тех, кто пал духом. К сожалению, это для нашего Виктора. Но это у него должно пройти. Должен он все-таки окрепнуть духом. Мы, как можем, поддерживаем его духовно, будем продолжать бороться за него. Иначе ему трудно будет до конца перенести черный мрак полярной ночи.

12 декабря.

Позавчера внезапно прекратилась пурга. Сейчас полнолуние и ночь стоит тихая, умиротворенная и морозная. В глубоком звездном небе гуляют редкие всполошные тучи. Мороз под сорок. Я почти заново протоптал по снегу полузанесенную в пургу свою тропиночку до ледяного языка. И вот опять хожу по ней, невзирая на лютый мороз. Шкурки пойманных песцов мы обработали горячей грубой ржаной мукой, отчего мездра их стала мягкой и гибкой.

Разрезанными вдоль хвостами обшили лицевую часть своих шапок. Так мы сохраняем лицо от обморожения. Сегодня чуть не насильно вытащил, упросил Виктора совершить со мной прогулку по этой тропе. Виктор брел сзади меня и больше молчал. Он больше гуляет в одиночестве на короткие дистанции недалеко от станции.

Сейчас, кроме нас и наших собак, да нескольких песцов, на острове и вокруг него абсолютно нет никакой живности. Например, на Четырехстолбовом зимует полярная сова, охотясь на леммингов, нередко на остров заходит белый медведь или бродит поблизости. Здесь же этого нет.

Как хороша в это время тихая лунная полярная ночь! Словно огромная, строгая и бесстрастная женщина-богиня прошла по этой части земли и накрыла ее своим покрывалом. Щедро обсыпала кругом серебром и золотом, не поскупилась и на алмазы - то сверкающие кристаллы инея. Порой ты, богиня-ночь, начнешь веселиться: то спокойно, а то в бешеном танце носишься по черному звездному небу и твое драгоценное лучезарное одеяние, сотканное из лучей полярного сияния, колышется и трепещет над землей. А то наденешь сияющую корону, и тогда от тебя невозможно глаз отвести, о царица-богиня, всемогущая Полярная Ночь! Вот ты обмахнулась трепетным веером, помахала огромными мечами и вдруг все небо задернула зелено-пурпуровым дрожащим занавесом. Но тебе уже надоело резвиться, ты устала великая богиня - Полярная Ночь. Ты начинаешь срывать и бросать себе под ноги куски драгоценного занавеса, лучезарные последние краски гаснут, и ты удаляешься - гордая и холодная. Но долго еще после твоего ухода небо будет светиться кротким, слегка пульсирующим небесным сиянием.

А то вдруг ты ни с того ни с сего начинаешь буйствовать - ломать и корезить лед в море: гулом и скрежетом, невообразимым шумом нарушишь первозданную тишину. А то рассердишься и начинаешь дуть из своих ледяных губ, и тогда колеблется посланный тобою саван, покрывающий землю, и в воздух поднимаются мириады снежных песчинок.

Любишь ты насылать пургу, о богиня - Полярная Ночь! Пурга — это твоя любимая дочь. Тогда ты воешь: то злобно, то по-волчьи, то горестно, со щемящей сердце болью, как простая земная женщина, оплакивающая невосполнимую потерю. Видно, и на тебя, богиня - Полярная Ночь, порой находит тягостная тоска!

Здесь, в описании полярной ночи я, конечно, подражаю стилю прошлых полярных исследователей, особенно Нансену, а может, даже непроизвольно заимствую у них некоторые выражения. Я хочу наиболее полно выразить свои переживания о красоте полярной ночи - этом неповторимом явлении природы.

22 декабря.

Сильная пурга. Стены дома содрогаются от ударов свирепого шквалистого ветра. Я не стану описывать жуть и неистовство здешней природы в разгар полярной ночи. Просмотрев свой дневник, я пришел к выводу, что иногда чрезмерно увлекаюсь описанием ужасов полярной природы. Буду более сдержан. Здесь Арктика, а мы находимся на высокоширотном небольшом ледяном островке. Штормовые свирепые ветры с пургой, порой морозы за минус 50, подвижки льда с грохотом и треском ломающихся льдин — такова будничная зимняя жизнь высокоширотной Арктики.

Отсидживаемся в стенах домах, выходим только по крайней необходимости. В комнатах холодновато. Самая теплая комната - кухня.

24 декабря.

Пурга внезапно прекратилась. Успокоился ветер. Вызвездило. Тихо и спокойно кругом. Сегодня выходил в море проверить приваду. Песцы безнаказанно поедали нерпичье мясо, но кое-что осталось. Думаю снова поставить капканы. Тянет на охоту. Азартное это дело.

По морю идти легко. Снег на льду отвердел, но много застругов. Луны нет, только звезды и сполохи. Глаза привыкают к темноте, и дорога под ногами хорошо просматривается.

От привады хорошо просматривается остров. Темная громада среди льдов и снега.

26 декабря.

Установил капканы около своей привады. Два капкана. Данилыч отказался от охоты на песцов. Говорит мне:

- Всех песцов ты не переловишь. Я поставлю свои капканы в начале февраля, когда светать начнет, к концу большой ночи. Тогда и на собачках виднее будет ездить. Сейчас я занят более важным делом. За январь тебе больше двух-трех песцов не поймать. Остальных будем вместе отлавливать.

Действительно, у нашего Данилыча работы хватает. Сейчас он заканчивает обработку всех звериных шкур. После Нового года он думает заняться поделкой новой нарты и ремонтом старой. Потребуется много крепких ремней. Хорошие ремни нужны и на собачью упряжь. Важным делом занимается Данилыч. Кроме всего он на плите готовит пищу, ухаживает за собаками.

27 декабря.

В утреннее время заспешил во льды проверить капканы. Оба капкана были спущены. В дужках одного капкана была зажата небольшая нижняя часть песцовой лапки. Песец перегрыз перебитую, заочневшую на морозе часть своей ноги и ушел. Теперь он вряд ли сюда придет. Пришлось заново настораживать капканы и возвратиться домой без добычи. И такое бывает.

29 декабря.

Сегодня был тяжелый и опасный для меня день - природа словно испытывала меня на крепость, на выдержку.

Я собрался на охоту. Данилыч предупредил меня:

- Саша, ты бы сегодня подождал с охотой. Море мне не нравится - скрипит, пошумливает. Как бы не разыгралось оно. Не тебе мне говорить об этом.

- Я думаю, зря беспокоишься, Николай Осипович, - возразил я. Наше море всегда беспокойное, иногда и пошумливает. До моей привады ходьбы-то полчаса, каких- то полтора километра.

Данилыч только покачал недовольно головой и сказал, что на всякий случай будет держать наготове собак.

Песец к приваде не подходил. Я постоял с минуту у привады, прислушиваясь к нарастающим с каждой минутой странным звукам - где-то недалеко шло торошение. Я заспешил домой. По чистому небу быстро передвигались разноцветные колеблющиеся ленты и лучи. Полярное сияние было средней интенсивности, которое давало какой- то свет. Остров был хорошо виден, я спешил. Меня охватила тревога. Вокруг меня, особенно сзади, нарастал шум торошения. Я недалеко отошел от привады, как внезапно начались подвижка и сжатие льда, страшное явление природы для человека, находящегося во льдах. Сначала где-то сбоку послышался громкий треск, затем натужный скрип, словно двинулся огромный санный обоз. Треск повторился, и уже в нескольких местах, послышалось прерывистое шипение и хрумканье. Впечатление такое, что где-то рядом жует гигантское чудовище. Неожиданно около меня словно выстрелили из пушки, я даже присел от неожиданности и испуга. Затем затрещало, загремело, и вдруг вижу, о боже, передо мной лед вспучивается и с грохотом раскалывается, несколько льдин вздыбились и со страшным скрежетом полезли друг на друга. Под моими ногами поверх льда появилась вода. Я в ужасе отпрянул назад. Вскоре грохот стал затихать, и вот почти затих - только слышались скрип и шипение трущихся льдин. Я заспешил в сторону, стараясь обойти опасную зону. Но тут лед на моем пути угрожающе затрещал и в следующий момент с грохотом взорвался. Опять льдины полезли друг на друга - шло интенсивное сжатие и торошение льда. Я поспешно отскакиваю назад, но и сзади происходит то же самое. Куда бежать? Сжатие льда усиливается, взбесившиеся льдины неотвратимо наступают на меня. «Бах! Бух! Тр-р- р!» - слышится со всех сторон, и я в ужасе мечусь на крохотном пространстве, безуспешно пытаюсь выбраться из этого хаоса.

Лед кругом шевелится, льдины громоздятся друг на друга - местами плавно, со скрежетом и шипением, а то вдруг стремительно, толчками, с грохотом вскидываются на дыбы.

Я понял, что нахожусь в центре торошения и что в любой момент могу быть раздавлен, исторошен в этом гигантском и слепом единоборстве сил природы. Что же делать? Я был, конечно, напуган, но не растерян. Так что же стоять и покорно ждать своей гибели? Нет, надо бороться! Ведь должен же быть какой-то выход из этого казалось бы, безвыходного положения!

Передо мной только что образовавшаяся, вернее, рождающаяся гряда торосов. Глыбы льда еще в движении: колышатся, прут вверх. В других местах лед еще более активен. Я принимаю решение - перемахнуть через беспокойный ледяной вал. Карабкаюсь по наклонной мокрой льдине. Вдруг льдина зашевелилась, становится круче и чуть не сбрасывает меня. Одна мысль: «Только бы удержаться и не зажало бы льдами». И вот я на вершине льдины. Перескакиваю на второй торос, затем на третий и скатываюсь на другую сторону опасного ледяного вала. Пробежал десяток метров и... новая свежая гряда торосов. Но лед здесь почти неподвижен. Преодолеваю и этот вал мокрого и скользкого льда. Отошел всего несколько шагов от коварных торосов и, о ужас, неожиданно проваливаюсь в довольно широкую трещину во льду, которую не заметил в темноте. За плечами у меня был карабин. Уходя во льды, я не всегда брал с собой оружие, а на этот раз взял. Неровен час, вдруг с медведем встретишься. В этот раз карабин оказал мне неоценимую услугу, а возможно, даже спас меня от гибели. При моем падении карабин лег, застрял поперек трещины и удержал меня от дальнейшего погружения в ледяную воду. Благодаря ему я выбрался на поверхность без большого труда. Все же я искупался по пояс.

Выбрался из ледяной купели и скорее к дому. Мороз под 25 градусов, мокрая одежда быстро задубела на мне, покрылась ледяной коркой, сырые ватные брюки отяжелели и мешали идти, но я старался чаще двигать ногами, чтобы как-то согреться быстрой ходьбой и не замерзнуть.

То и дело приходилось преодолевать гряды торосов. Иду, а лед вокруг меня иногда стреляет, лопается - так рождаются трещины. Где-то сзади скрипит, стонет и бухает. Я все дальше отдаляюсь от опасной зоны.

Вдруг слышу лай собак и слова команды. «Данилыч», - мелькнула радостная мысль. И действительно на полпути меня встретил Данилов с упряжкой из четырех собак. С помощью Данилыча я благополучно добрался до нашей уютной станции, даже не обморозился.

Сейчас новолуние, и в такое время наблюдаются сильные, с наиболее высоким уровнем воды, приливы. Лед не выдерживает гигантского давления изнутри, то есть со стороны воды, разламывается. В одних местах лед вдоль трещин разводит - образуются разводья, в других - идет сжатие льда с обязательным торошением. Вот я и попал в такую зону, где шла активная подвижка льда с мощным торошением.

Кстати, ровно год назад я также испытал «прелести» арктической природы и чуть не погиб в пургу. Так что 29 декабря число для меня чуть ли не роковое в моей пока недолгой жизни. Чтобы не попадать в каверзные положения с угрозой для жизни, чтобы безвременно не погибнуть, как говорится, «за понюшку табака» в суровых арктических условиях, нам, приезжающим сюда работать, нужно терпеливо набираться жизненного здешнего опыта, чтобы научиться читать Мудрую Книгу Природы Севера.

30 декабря.

Мы здесь живем в основном настоящим и прошлым. Будущее для нас неопределенно, и мы стараемся не говорить, что ждет нас впереди. Я больше вспоминаю о близком прошлом, о зимовке на полярной станции Четырехстолбовой. Вспоминаю и представляю себе каждого сотрудника станции, и теперь они кажутся мне такими близкими, родными. Вспоминаю, как мы весело проводили праздники. А на мой день рождения, 17 сентября про шлого года, был организован прекрасный праздничный стол, изготовлен большой торт и установлен в центре стола, а по краям торта - двадцать зажженных свечей.

Тогда мне исполнилось двадцать лет. Мы выпустили две стенгазеты «Север», в основном юмористические, к марту этого года подготовили самодельный, отпечатанный на машинке, рукописный журнал «Северное сияние», который я редактировал. Журнал получился по нашим меркам солидный, более тридцати страниц. Содержание журнала - проза, стихи, басни, а точнее: три стихотворения, два рассказа небольшая часть повести, басня, чайнворд и «История нашего острова». Я написал передовую «Учиться хорошо писать» (подражал М.Горькому) и отрывок из задуманной повести «Лампочка Ильича» с продолжением в следующих номерах журнала. А вот как получилось... Редколлегия журнала - пять человек, и все активно участвовали в его издании.

Так что же произошло со мной год назад, то есть 29 декабря? В этот день я попал в сильную пургу. Это я подробно описал в своем дневнике, который остался на полярной станции «Четырехстолбовой». И теперь я в подробностях вспоминаю этот день.

Утром свободные от работы охотники на песцов заглядывают в метеокабинет. «Какая погода?» - спрашивают вахтенного метеоролога. «Мороз минус 28 градусов, ночью ветра не было, но к утру задул северо-восточный и сейчас достиг 5 метров в секунду, давление снова начинает падать». Пока погода благоприятная, но может быстро испортиться. Данилыч, Василий Петрович, радист Виктор Брусов и я отправились на охоту. Данилыч, конечно, на собачках. Начальник станции и Виктор надели полушубки и повязались шарфами. Я же решил идти на лыжах и налегке: вместо полушубка одел ватник с пристегнутым к вороту капюшоном. Карабин я с собой не взял, хотя накануне Данилыч предупредил, что около острова замечен медвежий след.

Слабый ветерок дул мне в спину, лыжи легко скользят по неровному, чуть взбугренному снежному полю. Иду вблизи острова.

Вот и первая моя привада, солидный кусок мороженой нерпы. Песец ее не тронул. Иду дальше. Становится светлее, наступает короткий бессолнечный полярный день, больше похожий на сумерки. Путь не близок. Самая дальняя моя привада находится километрах в десяти от станции. Выйдя из дома в 9 часов утра, я рассчитывал часа в два дня вернуться назад, в это время еще не совсем темно. Спешу. Вот и Грибок, вблизи которого находится большая часть наших привад. Дело в том, что песцы мигрируют к нашему острову со стороны других островов Медвежьего архипелага (Лысова, Леонтьева, Андреева, Пушкарева и Крестовского). Теперь о Грибке. Грибок представляет собой как бы небольшой скалистый островок (1000 на 6000 м), высотой 4-45 метров. С основным островом он соединен низменным песчаным перешейком, который почти затопляется при сильных нагонах воды. В трех километрах от Грибка в сторону островов находятся мои две привады.

За Грибком дорога стала хуже. По низу побежали снежные струйки поземки. Плотные высококучевые облака серыми тяжелыми валами раскинулись по небу. Ближе к горизонту они сливаются в общую темную массу. Почему-то не нравятся мне эти облака. На моем пути великое множество торосов, которыми изобилует район Грибка. Осторожно, чтобы не поломать лыжи, я иду между торосами и даже по сглаженным торосам и скоро выхожу на ровное поле, которое на несколько километров тянется в сторону островов. Вот и привада. Песец здесь не был, и я иду дальше. Недалеко в стороне видна собачья упряжка - это Данилыч проверяет свои капканы. Мне нужно идти еще около километра по ровному полю, где виднеются невысокие грядки совсем еще молодых торосов, где находится моя вторая привада. И вот я на месте, но вместо привады я вижу небольшой снежный холмик, поверх которого лежит полузанесенный замерзший песец. Под снегом оказалась привада и цепь с капканом. Песец, конечно, попался в пургу, стал метаться и потревожил вокруг себя снежную поверхность. Здесь снег стал задерживаться и расти сугроб.

Чтобы не быть занесенным снегом, песец с ростом сугроба выбирался наверх до тех пор, пока позволяла цепь от капкана. Ножом я откопал приваду и капканы. Затем переместил в сторону нерпичью приманку и рядом насторожил капканы. Тут ко мне подъехал Данилыч. «Нарта поломалась. Вдвоем ехать на ней нельзя. Попеременно будем делать — один ехать, другой бежать рядом, держась за передок (баран) нарты», - сказал мне Данилыч. Я отказался от его предложения, положил в нарту своего песца, где лежали еще три таких же зверька. Я встал на лыжи и отправился домой. Собачья упряжка быстро от меня удалялась и вскоре исчезла среди торосов. Поземок стал сильнее, ухудшалась видимость. Я спешил. Теперь ветер дул мне навстречу и пронизывал всего меня. Сильный поземок переходил в метель. Когда я достиг Грибка, видимость упала до 300-400 метров. Кругом потрескивал лед - верный признак резкого ухудшения погоды. «Начинается пурга. Сглупил я, что не послушался Данилыча», - с тревогой подумал я, глядя на черные береговые скалы, словно искал в них защиты от пурги... Но бесстрастны ко мне были угрюмые скалы, все злобнее завывал ветер, чаще и громче скрипел и трещал лед в море - результат резкого колебания уровня морской воды. Начинает темнеть, а до станции не менее шести километров. Иду против ветра, который неотвратимо вселяет в мое тело леденящий холод. Стараясь согреться и быстрее двигаться, идти вперед, я усиленно работаю руками и ногами. Пока мне помогают лыжи и лыжные палки. Ноги и руки почти не чувствуют холода, но грудь и живот сильно мерзнут. Из-за плохой видимости я жался ближе к берегу. А контур берега не по прямой, а больше зигзагами идет. Это удлиняет путь. Прошло около часа. Я уже не шел, а тащился, еле двигая ногами. Надо бы отдохнуть - руки и ноги словно свинцовые, отяжелели и плохо повинуются мне, но отдыхать нельзя. Пока я в состоянии как-то двигаться, нужно идти вперед и вперед. Все чаще приходится падать от непреодолимой усталости. Сердце неприятно заныло, словно и до него добрался жгучий морозный ветер. Стало совсем темно, вокруг забушевали снежные вихри.

Опираясь на лыжные палки, медленно обошел небольшой пологий выступ острова, мыс «Западный». От него до станции полтора километра. Лыжи я оставил раньше, не дойдя до мыса. Уже не обращаю внимания на вой ветра, на треск и гул со стороны моря. Снег и ветер слепят глаза. Теперь я не берег лицо от обморожения - лишь бы выжить. Вижу рядом большой торос с наклонно нависшей крупной льдиной, и я решил здесь передохнуть. Ветер и снежные вихри как бы обходили нависшую льдину, под ней оказалось небольшое углубление, где я и устроился. Сжался в комочек. Льдина защищала меня от ветра. Я плохо чувствовал свое тело, сильно горело лицо. Скоро боль стала утихать и как бы прошла. Хотелось спать. Я боролся со сном, и мой мозг сверлила только одна мысль: «Еще немного отдохну и поднимаюсь. Надо идти, идти...». Но силы покидали меня. На меня находит безразличие ко всему, я почти не слышу пургу и грохот льда. Появились другие звуки. Мне кажется, что где-то в отдалении слышны поющие женские голоса. И вот мне уже чудится, что я нахожусь в храме и слышу церковный хор, поющий на клиросе. Так хорошо поют! Мне становится хорошо, тепло на душе. И в то же время теперь уже другая мысль сверлит мой мозг: «Нельзя засыпать. Замерзну». Как же трудно бороться со сном! Веки смыкаются... Из полубытья меня вывел оглушительный треск, грохот подо мной и вокруг меня. Нависшая надо мной льдина угрожающе громко затрещала, может, так мне показалось? Это была для меня хорошая встряска. Сонливость как рукой сняло. И откуда у меня прыть взялась?! Перепугавшись, я довольно быстро выполз из-под льдины, поднялся на ноги и смотрю на нее, ожидая, что она вот-вот рухнет. Но этого не произошло, торос уцелел. Если бы эта громада завалилась, когда я находился под ней, то на меня обрушилось бы больше тонны льда. Страшно было подумать об этом. Я догадался, что в этом месте лед внезапно разорвало, и образовалась солидная трещина. Отсюда и грохот, словно из пушки рванули. Что и спасло меня от верной гибели. Ни зги не видно. В этом хаосе я отыскал только одну лыжную палку и, опираясь на нее, пошел вперед.

Вышел на отмель под твердым снегом - по ней было легче двигаться. Прошел на непослушных ногах минут пять, может, чуть больше, споткнулся и упал. Встать нет сил. Вспомнил Маресьева из книги «Повесть о настоящем человеке», которую я недавно прочитал, как он полз с перебитыми ногами по глубокому снегу. Пополз и я, но вскоре понял, что мне до станции не доползти. Выдохся. Замерзну. Надо попытаться встать на ноги и двигать ими, опираясь на палку, хотя бы волоком. Мне удалось подняться. Сильно колотилось сердце. С минуту постоял, отдышался и затем медленно задвигал ногами. Вдруг слышу, а может, мне показалось, выстрелы. Я остановился, стал прислушиваться. Вот опять, заглушая вой пурги, впереди отчетливо слышу винтовочные выстрелы. Затем послышались приглушенные ветром людские голоса. «Меня ищут» - обрадовался я и стал кричать в ответ. Голос у меня был слабый, хрипловатый, простуженный и вряд ли меня слышали искавшие меня. Я продолжал кричать. Где-то близко залаяла собака. Вот она. Остановилась в нескольких шагах и продолжает лаять. Не узнала меня. Я стал разговаривать с ней. Тут собака бросилась ко мне, стала ласкаться, радостно влала. Узнала, и я ее узнал. Это был Уголек. Спустя полминуты в пуржливой мгле появился свет электрического фонаря. Ко мне подходили люди. Я было двинулся навстречу, но зашатался и упал бы, если бы меня не подхватили ребята. Моими спасателями оказались Виктор Брусов, Данилыч и Иван Хапов. Подхватив меня под руки, ребята чуть ли не принесли меня домой - так ослабли у меня ноги. Мне оставалось дойти до станции не более трехсот метров. Потом меня спрашивали, и сам себе я задавал этот вопрос: - Мог ли я без посторонней помощи преодолеть эти метры? Утвердительно ответить не решаюсь. Конечно, наверное, добрался бы до станции, если бы только не потерял сознание. Не дошел, так дополз бы. Вот такая приключилась со мной история.

Под утро разразилась сильная пурга. Температура воздуха минус 35 градусов. Весь день топим печи, но все же в доме прохладно. Комнатная температура не превышает 14 градусов.

1952 год

1 января.

Новый год встречали на кухне. Здесь теплее. Сюда занесли стол. К встрече Нового года мы приготовились по- праздничному. Особенно постарался Данилыч. Вчера весь день готовил разные кушанья, из спирта приготовил ликер, по крепости не уступающий водке. Плита пышет жаром, и мы встречали Новый год вольготно, не кутаясь в теплые свитера. В комнатах прохладно, сильный ветер с крепким морозом охлаждают дом.

Выпили, как полагается, за старый, затем за Новый год, потом еще выпивали. Пьяными не были, но в меру захмелели. Спели несколько песен. Вспоминали о прошлом, вспомнили, как встречали в прошлом году новый год на полярной станции Четырехстолбовой. Потом заговорили о своем положении: какой сюрприз преподнесет нам наступивший год? И действительно ли знают, что мы находимся здесь? Ведь посылали сюда дважды самолеты, а второй, что прилетал в августе, даже сбросил на остров что-то. Жаль, что промахнулись пилоты. Я верю, что наше руководство знает о нас. И предполагаю, что после окончания полярной ночи в светлое время к нашему острову должен прилететь самолет. Виктор сомневается, говорит, что мы, дескать, здесь загнемся и никому до нас дела нет. Какой скептик! Данилыч высказался, к моему удивлению, тоже как-то неопределенно. Он так сказал: «Возможно, там о нас знают. Но как нас вытащат отсюда? Не каждый год бывает возможность пробиться к нашему острову судну, даже ледоколу. Не зря же закрыли эту станцию. И самолет здесь не посадишь. Кругом торосы и лед беспокойный. Надеяться на дядю рискованно. Нам надо искать другой выход.

- Какой еще другой выход? - вырвалось у меня. –

Что ты предлагаешь, Данилыч?

У меня есть задумка, парни. Как вы на это посмотрите... Если действительно там знают, что мы на этом острове, то после окончания темного времени во второй половине февраля, а тем более в марте, к нам обязательно должен прилететь самолет, который что-то сбросит нам. Какие-то инструкции... Как нам быть и что делать дальше. Если же самолета не будет, то, надо сказать, положение наше аховое. Я предлагаю: в апреле покинуть остров, двигаться на материк своим ходом. И подожди так недоверчиво улыбаться, Саша. Ты же сам рассказывал нам о полярных исследователях, которые ради науки в невероятно тяжелых условиях по льдам на собачьих упряжках проходили многие сотни километров. Тот же ваш Де Лонг. Ты говорил, что его шхуна затонула недалеко от Генриетты. А он со своей командой на собачках аж до реки Лены добрался. А мы разве такие же люди? И путь наш будет короче. Я внимательно изучал вашу карту, Новосибирские острова. Они далеки от нашего острова. На больших островах должны находиться полярные станции. Какие станции и где они находятся - я не знаю. Об этом должны знать вы, ученые метеорологи.

Слишком рискованное путешествие предлагаешь, Николай Осипович, - сказал я. - У того же Де Лонга не было другого выхода, как двигать на материк. Мы же находимся в сравнительной безопасности, и я надеюсь, больше того, убежден, что нас вызволят отсюда, возможно, в этом году. Не все люди из команды Де Лонга добрались до материка. Большинство из них погибли. Потом, у них было лучше снаряжение, были хорошие собачьи упряжки, они везли с собой вельботы - ведь на пути могут встречаться большие разводья, полыньи. Я думаю, что люди Де Лонга были более выносливы и приспособлены к такому походу. - Тут я невольно взглянул на Виктора. Тот перехватил мой взгляд и нахмурился. Он правильно оценил мой взгляд, понял, что нас беспокоит его физическое и моральное состояние, и мы не верим в его силы. Это обескураживало и даже раздражало его.

- Витя, - как можно мягче сказал я. - Ты должен изменить свой образ жизни. Меньше лежать, а больше ходить и быть на свежем воздухе. Мы беспокоимся о твоём здоровье. Ты стал задумчив, угрюм, не в меру раздражителен. Выкинь все мрачные мысли из головы, освободись от душевной тоски. Все будет хорошо, Витя, и в этом году мы обязательно будем среди своих близких, и ты увидишь свою маму и будешь гулять по прекрасным улицам Ленинграда. А сейчас, как бы ни было трудно, держись, борись со своей апатией и приобретай спортивную форму...

Данилыч поддержал меня.

Виктор долго молчал. Затем недовольно, резко заговорил.

- Все это химера, мужики! Авантюрный план! Опять дрейфующие льды, опять нас будет носить по морю в неизвестном направлении, опять ураганный ветры, торошения, голод и холод. Все это мы уже испытали. Вспомнить страшно!

- И такое может быть. Ты что же, парень, хотел бы до материка прокатиться на нарточке по накатанной дорожке? - возмущенно сказал Данилыч. - Не будь хлюпиком, Витя. К этому походу мы подготовимся, как положено. У нас будет две собачьих упряжки и заправимся не хуже Де Лонга. Мы должны быть уверены в своем успехе.

На лице Виктора появилась недовольная мина. Он поднялся, быстро натянул свой шерстяной свитер и, выходя из кухни, недовольно буркнул: - Я на боковую, а вы еще поговорите. Мечтатели...

- Хандрит парень, не в себе. Слишком раздражительным стал, - проворчал Данилыч.

- Я думаю, он изменится к лучшему, когда кончится полярная ночь. Солнце вылечит его.

- Хорошо бы так-то, Саша, но до солнца еще далеко. За это время он может свихнуться или зацингует.

- Кстати, Николай Осипович, почему ты решил, что к весне у нас будут две полнокровные собачьи упряжки? У нас пока четыре взрослые собаки. Остальные полувзрослые щенки и до ездовой собаки, пожалуй, им далеко.

- Что ты, парень, иль давно не видел их? Они уже почти взрослые. Особенно из помета Найды. В марте начнем их приучать работать в упряжке. У нас будет девятнадцать ездовых собак. Шутка ли. Собаки будут надежные. Ты мне вот о чем скажи, парень. Какие и где расположены полярные станции на Больших островах? На вашей карте они не обозначены. Должны же там быть полярки? Кстати, есть ли такая станция на острове «Новая Сибирь»?

- Думаю, что на этом острове нет полярной станции. Точно знаю, что на Большом Ляховском острове есть полярная станция Шалаурова. Надо карту рассмотреть повнимательнее. Может, что она подскажет, но не сейчас, Данилыч. Пойдем отдыхать.

Стены дома содрогались от мощных порывов ветра. Пурга не утихала. В моей комнате термометр показывал десять градусов. Я одел ватник и, не снимая теплые носки, юркнул под одеяло.

4 января.

Пурга продолжается. В доме температура воздуха не превышает 12 градусов, а на улице сейчас минус 41 градус. В своем небольшом тамбуре мы заранее соорудили довольно объемистый ларь под уголь. Здесь же складываем внушительные куски льдистого снега для кухни. Пока снега хватит еще на несколько дней, а вот топливо сегодня кончилось. Пришлось срочно расчищать и вскрывать свой угольный карьер, т.е. яму в смерзшейся куче угля, которую мы прикрываем от заносов снега деревянной решеткой, обтянутой моржовой шкурой. На улице темень и зверский холод. Сейчас собаки находятся в двух свободных помещениях: радиорубке и мехмастерской.

5 января.

Пурга продолжает "свирепствовать". Полностью заполнили ларь углем. Виктору поневоле приходится заниматься физическим трудом. Это хорошо!

11 января.

Наконец-то вчера прекратилась пурга. Утих ветер, разъяснилось. Ночь лунная, сполохи блуждают по звездному небу. Но мороз жгучий - утром было 44 градуса ниже нуля. Все же мы с Данилычем решили на собачках проведать его привады - дальнюю, что южнее острова, и ближнюю, расположенную вблизи птичьего базара. Захватили с собой два солидных куска моржатины. Как мы и ожидали, привад, как таковых, уже не было - только сильно погрызенные шкурки лежали на плотном снегу. Песцы голодали. Мы разложили новые приманки и установили по два капкана около каждой привады. Пытались проехать к моей приваде, но бесполезно. То место представляло собой хаотическое нагромождение льда, чуть ли не сплошные беспорядочные гряды торосов. Два капкана были утеряны.

Лицо мое от мороза обергала шапка, опушенная песцовыми хвостами, но все же я слегка поморозил свой нос. У нас, в Подмосковье, конечно, таких морозов не бывает, а если грянет за тридцать, то говорят: - Мороз - синий нос. Иначе: очень свирепый мороз. А здесь, в высоких широтах, такие морозы - в порядке вещей.

15 января.

Вчера на ближней приваде попался песец. Проверить дальнюю приваду я не решился. Подул с запада ветерок, понизу потекли слабые струйки поземки, дальше от острова где-то потрескивал лед. Так бывает перед пургой. Но все обошлось. Через несколько часов ветер затих, и снова стало тихо и спокойно. Правда, иногда где-то далеко к северу от острова слышны были щелканье и побряхтывание моря.

16 января.

Ходил на дальнюю приваду, принес еще одного песца. Мороз сбавил - минус 35. Уже чувствуешь себя свободнее на свежем воздухе, легче дышится.

Данилыч ворчит на меня - почему на охоту я хожу пешком, а не на собачках.

Дескать, привыкай обращаться и командовать собачьей упряжкой, скоро эта наука пригодится. А мне, признаться, не хочется возиться с собаками, переваливаться с нартой через гряды торосов - пешочком- то сподручнее. Данилыч добровольно отказался от охоты, хоть он и заядлый охотник, песцов должен отловить я. Ссылается на большую занятость. Действительно, дел у него невпроворот. Кроме своей основной обязанности (кухня, уход за собаками), у него и другая, не менее сложная и кропотливая работа: он занимается выделкой всех звериных шкур, собачьей упряжи, сделал новую нарту, заменил изношенные полозья на новые у старой нарты, пошив новых кухлянок, камлеек, торбасов и др. работы. Впереди, когда наступит светлое время, Николаю Осиповичу предстоит очень важная, требующая большого терпения и выдержки, работа — обучение молодых собак впервые ходить в упряжке. Конечно, по возможности мы в чем-то будем помогать Данилычу, например, в пошиве одежды.

В вечернее время я вышел на улицу прогуляться. Было тихо, я бы сказал, стояла торжественная тишина. Вокруг луны - большой круг, иначе, гало - верный признак перисто-слоистых облаков. Облака эти незаметны на ночном небе, но их можно определить по ослабленному, несколько тусклому свечению луны и звезд. Сильный мороз спирает дыхание. В глубоком небе застыли неподвижные звезды, которые словно замерзли и не мерцают. Передо мною лежит скованное льдом студеное море. При блеклом лунном свете ближайšie ко мне торосы принимают мертвенный бледно-желтый цвет. Кругом мертвая тишина, и все кажется мертвым. Все замерзло, все мертво. Пройдут миллионы лет, и такая будет вся наша планета. Замерзшая, мертвая планета Земля.

Спустя час-полтора погода резко изменилась. Началась пурга.

18 января.

Сильная пурга. Ветер достиг 24 м/сек при минус 40 градусов.

Отсиживаемся в доме. В комнатах холодновато. Я и Виктор много времени проводим на кухне, здесь теплее. Я больше за книгами, а Виктор стал меньше читать, больше молча сидит или дремлет. В разговоры вступает неохотно. Данилыч кроит и шьет нам торбаса из нерпичьих шкур. Подошвы у торбасов будут двойные. Я же штудирую литературу по Арктике. Кое-что нашел о Ново-Сибирских островах.

20 января.

Пурга свирепствует. Наш домик да и остров тоже напоминают нам одинокий корабль среди необъятного бурного штормового океана. Мы словно замурованы в своем доме. Полярная ночь гнетет не только Виктора. Психическое состояние его, кажется, на пределе. Тяжелое сейчас время - пурга и темень. Остро ощущается информационный голод. Все спасение в книгах. Но этого далеко не достаточно. Мы не знаем, что происходит сейчас там, среди людей, в стране, мире. Что с нашими родными и близкими людьми. Коллектив из трех человек разнохарактерных, разносторонний по деятельности и интересам, я считаю, слабый и хрупкий коллектив для таких суровых условий. Требуется более широкое общение с людьми, нужна информация извне. Чтобы нормально существовать в таких условиях, нужно иметь сильное увлечение, страсть к чему-то. Среди нас к этим условиям лучше всех приспособлен Данилов. Конечно, он, безусловно, тоже переживает оторванность от мира, разлуку с близкими, но как-то по-своему. Общаясь с этим удивительным человеком, порой кажется, что он не чувствует себя здесь изгоем, а даже наоборот, он чувствует себя почти хозяином в этом нашем крошечном мире. Невольное уважение испытываешь к этому человеку, неутомимому труженику. Надо в чем-то подражать ему. У Данилова больше жизненного опыта, а значит, и мудрости. Нам распускаться нельзя. Это губительно для нас. Где-то я вычитал: «Царство божие внутри нас». И это правильно. Надо жить и своим внутренним мирком, находить в себе все лучшее, светлое, доброе и делиться этим с товарищами.

Надо терпеливее, мужественнее переносить все невзгоды и выжить!
Надо выжить!

23 января.

Слабеет ветер, пурга затихает, заметно улучшилась видимость. Сегодня я и Виктор заготавливали снег для кухни. Прежние запасы кончились. Прекратится пурга - вскроем свои кладовые, траншеи с яйцами и медвежьим мясом.

26 января.

Многое перечитал из имевшейся здесь литературы об Арктике. Кое-какие сведения нашел о Ново-Сибирских островах. Острова Большой и Малый Ляховские были открыты купцом Иваном Ляховым в 1770 году. В 1773 году им же открыт остров Котельный, самый большой из островов архипелага. Свое название остров получил так. Покидая остров И.Ляхов со товарищами забыли на острове медный котел, поэтому остров стали называть «Котельным».

Вначале я думал, что предлагаемый план Данилыча о самостоятельном выходе с нашего острова через Ново-Сибирские острова не вполне реален. Дескать, энтузиазм на грани авантюризма, то есть такое путешествие для нас казалось выходящим за рамки реальных возможностей, но поразмыслив и познакомившись через литературу с мужественными первооткрывателями Ново-Сибирских островов и других земель Арктики, я изменил свое мнение. Данилыч прав, такая задача нам по плечу. Вот пример. В 1811 году в середине марта известный полярный первопроходец Санников на нескольких нартах выехал из Усть-Янского зимовья к острову Фаддеевский, обследовал этот остров. Затем направился на остров Новая Сибирь, и этот остров обследовал. В середине апреля возвратился на реку Яну. Всего-то за месяц!!! По карте я прикинул, что Санников за месяц преодолел не менее тысячи километров, и путь перед ним был негладкий: в море ропаки, торосы, на островах — всхолмленная местность. Препятствий, конечно, хватало. Какие были люди - достойны восхищения!

Вероятно, без большой подготовки такие люди смело и уверенно отправлялись в длительный и опасный путь и чаще благополучно возвращались домой. А мы здесь раскисли: «Как это возможно! Это же авантюра! Такой большой риск!». Риск, конечно, есть, и не малый, а как же иначе выходить из нашего положения. Можно и рискнуть!

Теперь о полярных станциях на этих островах. На острове Новая Сибирь никаких полярных станций нет. Это однозначно. На острове Большой Ляховской есть полярная станция Шалаурова. На нашей карте не обозначены полярные станции, но в юго-восточной части острова в море значительно выступает мыс Шалаурова. Значит, где-то поблизости находится полярка. В западной части острова далеко в море выступает полуостров Кигилях. Кажется мне, что здесь тоже есть станция, но в этом я твердо не уверен. На острове Котельный наверняка есть полярная станция, а может, и две, но какие станции и где они расположены, я не знаю. Наверное, станция «Котельный» или «Котельная». Тщетно я напрягал память, стараясь вспомнить, какие полярки есть на этих островах. В свое время мы же проходили «Историю советской Арктики», и нам бегло рассказывали обо всех станциях Арктики и их месторасположении. Сейчас помню только о Шалаурове, и припоминается, и то неопределенно, Кигилях. Но эта станция, если она и существует, нам не нужна. Нас интересует полярная станция на острове Котельный, местоположение этой станции. Дело в том, что мы определили два маршрута. 1. Остров Генриетты - остров Большой Ляховской, полярная станция Шалаурова. 2. Остров Генриетты - остров Котельный, полярная станция. А где эта станция, мы не знаем. Длина каждого маршрута примерно 600 километров. Если двигаться по первому маршруту, то по пути до Новой Сибири имеются два хороших ориентира: острова Жохова и Вилькицкого. От острова Генриетты до острова Жохова примерно 150-160 км, от Жохова до о.Вилькицкого, примерно, 50 км, и от о.Вилькицкого до о.Новая Сибирь не более 100 км. Далее открытым морем до мыса Шалаурова не менее 300 км. Здесь будет самый опасный путь.

Если же идти по второму маршруту, то на пути будет остров Беннетта (примерно, 170 км от нашего острова), затем до острова Фаддеевского идти без ориентиров (тоже, примерно 170 км). Выходить ближе к мысу Нерпичий. Брать западнее, то есть идти к мысу Бережных, опасно. По описаниям севернее островов Земля Бунге и Котельный (40-50 км от островов) часто бывает открытая вода или Великая Сибирская Полярная. Дальнейший путь вдоль берега. Если дойти до мыса Анисий (о.Котельный), то затем путевой маршрут резко сворачивает на юго-запад и здесь надо смотреть «в оба» - искать полярную станцию. Остров большой, с севера на юг протянулся километров на 160- 170, берега его изрезаны, а где полярная станция, мы не знаем. Хорошо, если она оказалась бы в северной или даже в центральной береговой части острова. Незнание расположения полярной станции нас сильно смущает и значительно снижает ценность этого маршрута. Этот маршрут безопаснее первого. Если беспрепятственно добраться до острова Фаддеевский, то дальнейшая дорога пойдет по припайному льду, но Данилычу больше понравился первый маршрут.

Есть еще один маршрут - двигаться на юг с небольшим отклонением к востоку. Путь на родной Четырехстолбовой. Только по морю, без ориентиров. Остров Четырехстолбовой расположен на 70 широте, остров Генриетты на 77 с хвостиком. В одном градусе - 111 км. Получается расстояние от острова Генриетты до полярной станции Четырехстолбовой 800 км, но этот путь опасный. Можно уплыть в Ледовитый океан.

30 января.

Пуржит, но не сильно. Ходил на ближнюю приваду, принес песка. Два дня назад, пользуясь благоприятной погодой, был на дальней приваде. И там удача. Тушка зверька окоченевшая, здесь песок давно попал в капкан. Пурж- ливая погода не дает чаще посещать привады. Но и спешить не следует. На воле осталось всего несколько зверьков. За сезон теперь их поймано семь штук.

Помогаю Данилычу в изготовлении кухлянок и камлеек. Сначала взялся за кухлянку. Не получилась у меня кухлянка. Взялся за камлейку, с ней проще. Она изготавливается из простого материала и надевается поверх кухлянки, предохраняет ее от снега во время метели. Одну камлейку почти сшил. Не ахти какая складная, но, как сказал Данилыч, сойдет. С кухлянкой сложнее, она готовится из оленьих шкур. Получается теплая и легкая. Данилыч начал готовить кухлянки из нерпичьих шкур. Качество, конечно, не то, но для нас и такие будут хороши.

Беспокоит нас Виктор. Он все больше самоустраняется, избегает прямого общения со мной и Данилычем. На наши уговоры, советы не реагирует. Отмалчивается, большую часть времени проводит в своей комнате, в одиночестве. Тревожно за него.

3 февраля.

Погода капризная, изменчивая. То отпустит, затихнет ветер, разъяснится небо, звезды, сполохи заиграют, а пройдет несколько часов, глядь, на глазах все меняется: хмурь находит, откуда-то ветер поднимается, заметет, закрутит, завоет. Но до сильной пурги не доходит. Иногда и суток не пройдет, как снова все затихает, умиряется - опять тишь и гладь. В такое время в южной части неба по небосклону заметно просветление. Скоро заиграет заря.

6 февраля.

В полдень становится светлее, на юге небо окрашивается в малиново-пурпуровые цвета. Это уже заря. Скоро закончится ночь полярная. Скорее бы солнце увидеть!

9 февраля.

А заря все горит, разгорается! Это уже настоящая заря со всеми присущими ей чудесными красками. При такой заре становится светло, что можно газету читать. Это еще не день, а только утро. Настоящий день наступит с появлением солнца. Оно где-то близко - там, за горизонтом. Сегодня сильный мороз - температура воздуха ниже сорока градусов.

10 февраля.

Неожиданно разразилась свирепая пурга. Сильный ветер, сильный мороз, сильная метель, почти нет видимости. Небо закрыто низкими тяжелыми облаками. Сыплет обильный снег. Это и есть настоящая пурга, когда метель со снегом и ветер воет по-волчьи. В доме стало холоднее. Натянули на себя телогрейки. Заходил к Виктору. Он сидел на койке какой-то отрешенный, безразличный ко всему. Пытался его разговорить. Дескать, ночь полярную пережили, вот-вот солнце появится, теперь будем ждать самолет с материка, что, дескать, летом мы обязательно будем на материке и т.п. Виктор долго молчал, уставившись взглядом в одну точку. И вдруг заговорил с надрывом: - Тошно мне, Саша. Надоело все! Не верю я ни во что! Жить не хочется! - и повалился на кровать, заплакал. Как мог, я стал его успокаивать, гладил по плечу. Вскоре Виктор перестал плакать, как бы успокоился и попросил меня: - Оставь меня, Саша. Я побуду один. Я тебя понимаю, что-то со мной происходит. Видно, душа моя заболела.

Разговаривал о состоянии Виктора с Данилычем. Судили, рядили, но ничего не придумали. Как помочь нашему товарищу? Ясно - Виктор опасно болен. Что мы можем предпринять для его спасения? Если бы такое произошло на действующей полярной станции, где есть рация, связь, то была бы возможность оказать ему медицинскую помощь, даже вывезти его со станции. Здесь же мы все находимся, словно в мышеловке.

14 февраля.

Пурга продолжается с прежней силой. Ближе к полудню становится светлее на улице, словно в сумерки. Возможно, появится солнце.

15 февраля.

К вечеру пурга разом прекратилась, словно ее остановил всемогущий волшебник. Утих ветер, расчистилось от облаков небо, и весь небесный небосклон засиял мерцающими алмазами.

Потом появилось грандиозное, во все небо, чудесное разноцветное сияние. Пользуясь благоприятной погодой, на завтра мы с Данилычем решили на собачках проверить обе привады.

16 февраля.

Сегодня увидели солнце. Оно показалось, примерно, в половине двенадцатого и продержалось над горизонтом чуть более часа. Наконец-то полярная ночь кончилась! Появление солнца - большая радость для нас. Три с половиной месяца мы не видели солнца. В это время я и Данилыч находились в дороге - ехали с дальней привады вдоль берега острова. Мы ехали в лучах разгорающейся зари, и я чувствовал, что вот-вот должно произойти чудо. Чудо это - появление солнца. Я попросил Данилыча остановить собак. Мы смотрели на чудесную зарю и ждали. Над тем местом, где должно было появиться солнце, висело небольшое яркое огненно-рыжее облачко. Заря в это утро была особенно яркая, она горела неземным пожаром. По самой кромке горизонта держалась тонкая пелена перистых полупрозрачных облаков. И вот из-за горизонта медленно и величаво выплывает большой огненный шар. Солнце! Первые робкие его лучи коснулись окружающей окрестности, нежные алые тени побежали по снегу, серебром и золотом по-праздничному заискрились ледяные торосы.

- Ура! Здравствуй, солнце! - закричал я и, словно дикарь, запрыгал от радости. Данилыч тоже смеялся и хлопал в ладоши. Я заметил, как в его глазах блеснули слезинки.

Солнце продержалось над горизонтом около полутора часов. Вероятно, впервые оно появилось несколькими днями раньше, но в пургу мы не могли его видеть.

По мнению метеорологов, перед появлением солнца всегда стоит пуржливая погода, потому что бывает резкая разница температур воздуха на сравнительно небольшом участке земли. Например, здесь у нас стояли сорокаградусные морозы, а на том же Четырехстолбовом, где солнце появилось на 2-3 недели раньше и начинает уже прогревать воздух, температура воздуха значительно выше.

Поэтому происходит сильная циркуляция воздуха, а значит, и сильные ветры.

Мы закрыли дальнюю приваду и остаток моржового мяса перевезли на вторую, ближнюю. Мы предполагаем, что на воле осталось два, максимум, три песца, в том числе и мой трехлапый. Сегодня привезли одного пойманного песца.

18 февраля.

С появлением солнца у нас поднялось настроение. Это хорошо. Солнце - это очень хорошо! Оно уже отлепилось от горизонта и проплывает над ним около двух часов. Теперь солнце, словно сказочная жар-птица, с каждым днем будет подниматься все выше и дольше находится на виду, удлиняя полярный день.

19 февраля.

Да, солнце - это хорошо, радостное событие для нас. Но у нас еще одна радость. У Виктора, кажется, произошел перелом в его странной, непонятной нам, болезни. Это произошло с ним два дня назад, в день появления солнца. Когда я и Данилыч с упряжкой поднялись на территорию станции, около дома нас встретил Виктор. Солнце еще не закатилось, нам было как-то непривычно смотреть на него с высоты острова, и у каждого из нас было светло и празднично на душе. Мы поприветствовали своего товарища, сказали несколько ободряющих слов по поводу появления солнца и окончания полярной ночи.

- Хорошо, что оно появилось, теперь можно жить, - сказал Виктор и улыбнулся. Его улыбка была для нас дороже солнечного луча - мы уже не помним, когда он улыбался. Только не совсем понятен был смысл его слов.

Вчера и сегодня Виктор больше времени проводил на улице. Дважды прошелся по маршруту до ледяного языка, по которому я тоже люблю прогуливаться. В светлое время да на солнце одно удовольствие бродить по острову, хотя и мороз под тридцать градусов.

У Виктора улучшился аппетит, он стал поддерживать разговор во время обеда, хотя и был еще немногословен. Сегодня он удостоверился, что мы действительно имеем серьезное намерение самостоятельно покинуть остров, если только нам до середины апреля не пришлют самолет и не пообещают вызволить нас отсюда в текущем году.

- Я не верю в самолет и сомневаюсь, что кто-то знает о нашем местонахождении, - сказал Виктор за обедом. - Вы правильно решили, что надо надеяться только на себя. Сейчас я, конечно, слабоват. Мне нужно окрепнуть, восстановить силы для такого путешествия, чтобы не быть вам обузой. Я постараюсь, мужики, обещаю вам.

Это был хороший разговор. Так что же произошло с Виктором? Неужели солнце на него так повлияло, встряхнуло его?

24 февраля.

Вот уже неделю стоит прекрасная погода. Хоть и короткий, но все же день, при этом - солнечный день. Хотя ночи еще очень длинные и морозные, а на душе уже веселее. Мы достойно выдержали суровую полярную ночь и теперь будем надеяться на благополучный исход.

Сегодня утром, с наступлением светлого времени, мы произвели жестокую, я бы сказал, нелюбимую операцию над собаками - кастрировали молодых кобелей. У нас из 15 молодых собак - 7 девочек и 8 мальчиков. 5 голов молодняка первого помета (от Найды) превратились в прекрасных молодых собак. Им, конечно, уступает более молодой семимесячный молодняк. Все они - питомцы Данил ыча.

Данилыч смастерил неширокое продолговатое корытце, напоминающее кормушку... В такое устройство на спину укладываем кобелька, предварительно перетянув ему пасть. Я и Виктор крепко держим собаку за ноги, задние лапы раздвинуты. Данилыч, как заправский хирург, протирает спиртом руки и мошонку у собаки, после чего остро отточенным ножом делает по ней широкий надрез, вытягивает яичко и отсекает его.

Проспиртованной суровой ниткой крепко перевязывает пуповину ближе к яичку. Затем такую же процедуру проделывает со вторым яичком... Можно представить себе, какую ужасную боль испытывает собака! Она извивается, стонет и вопит сквозь стиснутые зубы. Когда эта операция закончена, Данилыч освобождает собаку. Что она тут выделяет! Бегает, крутится, влаивает и воет от боли, то и дело зализывает свою рану. Данилыч же выводит из помещения другого кобелька, с которым производится такая же процедура. До обеда были кастрированы семь собак. Данилыч не тронул только одного кобеля - рослую и умную молодую собаку по кличке «Серый». Так звали и его отца, который был вожакom в упряжке и погиб в апреле прошлого года в схватке с медведем.

Зачем же кастрируют ездовых собак? Когда приходит в охоту сука, то некастрированные кобели в упряжке становятся драчливыми и плохо управляемыми, и тогда, считай, сорвана дальнейшая поездка. Оставляют на племя самых лучших собак, которые, как правило, становятся вожакom в упряжках.

К вечеру небо стало затягиваться облаками, потянул «южачок», слегка з шумело море. К северу от острова появилось большое черное небо - значит, там появилась чистая вода. Вероятно, будет пурга.

25 февраля.

Ночью запуржило. Правильнее сказать, что это не пурга, а сильная метель, потому что нет снегопада.

27 февраля.

С перерывами продолжается пурга. Ветер иногда утихает, но не надолго - в считанные минуты он достигает прежней силы, и снова начинается снежная круговерть. Сверху сыплет снег. В море погромыхивает лед — идет подвижка льда. Образуются новые торосы, а где-то появляются разводья. Это здесь обычное явление.

Дошиваю вторую камлейку, Данилыч занимается кухлянками, Виктор топит печи.

Сейчас он что-то пишет, и вчера писал. Наверное, решил вести дневник.

1 марта.

Пурга, кажется, заканчивается. Утихает ветер, расчищается небо от облаков, и нет снегопада. Скорее бы снова увидеть солнце. За время пурги оно, конечно, значительно поднялось над горизонтом. День-то заметно длиннее становится.

Сегодня после обеда я и Виктор сидели в салоне на диване. Вяло разговаривали, вспоминая прошлую зимовку на острове Четырехстолбовой. И вот осторожно, полусхута, чтобы не обидеть товарища, я спросил Виктора, что он, дескать, в последнее время что-то пишет, наверное, дневник решил вести. После моих слов Виктор слегка смутился и долго молчал. Я тоже молчал и уже пожалел о сказанном. Виктор резко повернулся ко мне, внимательно посмотрел мне в глаза и заговорил откровенно и доверительно.

- Саша, я ведь чуть не покончил с собой в то утро, когда солнце всходило. Палец на курке держал, оставалось только нажать... Не нажал. Чуть-чуть удержался... А мне ведь ничего не стоило сделать это. Душа-то больная была. Все мне осточертело, и жить не хотелось. Да, видно, не судьба... В тот момент всходило солнце, и оно, наверное, отчасти остановило мой палец. Мать свою вспомнил... Да что тебе рассказывать... Я об этом подробно написал. Сейчас я тебе принесу свои записи. Ты действительно что-то пишешь и дневник ведешь. Так эти записи можешь использовать по своему усмотрению. - Виктор удалился в свою комнату. Я был ошеломлен его откровенным рассказом. У меня даже слегка подергивалось правое веко. Ведь чуть не произошло страшное!

Через минуту Виктор передал мне несколько исписанных карандашом листков и попросил меня, чтобы я с Данилычем не осуждал его, а еще лучше, чтобы не говорил ему об этом. Я обещал. Я внимательно, слегка волнуясь, прочитал написанное Виктором. Писал он почти без ошибок, но встречались лишние эмоции в описании своих переживаний.

Рассказ Виктора отчасти я сократил и переделал под свой стиль. Я повел рассказ от третьего лица. Рассказал об этом Виктору, он не возражал и отказался от своей рукописи.

Итак. «Все началось с наступлением полярной ночи, в начале ноября. Появилось недомогание, чувство разбитости, раздражительность, слабость в ногах и руках. Во всем теле чувствовалась постоянная усталость. Ничего не хотелось делать, даже читать. Ночью часто просыпался, утром чувствовал себя разбитым и усталым, словно он не спал, а совершал тяжелую работу. На душе пустота и равнодушие ко всему, особенно к себе. К вечеру иногда оживлялся, выходил из дома, делал кратковременные прогулки, но вскоре возвращался в свою комнату и ложился в постель. Потом стал плохо спать ночью, а днем одолевала дремота. Дремота, но не сон.»

Кончалась полярная ночь, но состояние его не улучшалось. Он стал слабеть и тяготиться жизнью. В последнее время ему не хотелось разговаривать с товарищами, пропал аппетит, плохо спал, а если засыпал, то больше снились кошмары. Стал меньше двигаться, перестал выходить из дома и делать прогулки (выходил только по нужде), иногда днями отлеживался на койке, случалось, молча плакал.

Последняя бессонная ночь окончательно подорвала его силы. Сейчас он был один в доме. Его товарищи ушли проверять капканы на песца. В доме стояла мертвящая, какая-то неземная тишина. Он встал с койки и подошел к окну. Сквозь стекла, покрытые густыми морозными узорами, в комнату лился синий зимний свет, и с каждой минутой становилось светлее. Вскоре синий свет сменился голубым - так бывает перед восходом солнца. Невыносимая тоска терзала его, и он решил покончить с собой. Снял со стены винтовку, вложил в казенник патрон и на момент задумался - в какое же место поразить себя. Что-то удерживало его от рокового шага. В эти последние минуты он пытался мысленно пробежать свою короткую жизнь, ему захотелось вспомнить важное, близкое для него, словно без этого он не мог уйти из жизни.

Но в воспаленном усталом от бессонницы мозгу лишь проносились бессвязные отрывочные воспоминания, кошмарные видения грохочущих вздымающихся льдин, холодные всполохи на черном небе и давящая тоска, сосущая сердце и мозг. И некуда от нее деться. И тишина. Он слышал гулкое биение своего сердца и даже слышал торопливое тиканье часов на руке.

- Что же ты медлишь? - словно кто-то сказал ему изнутри. Он вздрогнул и заторопился: взвел курок и конец ствола карабина приставил ниже подбородка. Усилием воли подавил в себе разраставшееся волнение и дрожь в ногах. Снова взглянул в окно. В это время всходило солнце. Сотни, тысячи красных, синих, оранжевых, зеленых блесков, переливаясь, заиграли на узорных стеклах. Этот радужный, словно божественный свет как бы проник ему внутрь, в душу, вселяя в нее что-то неясное, обнадеживающее, успокаивающее и ему стало трудно и жалко расставаться с жизнью. «Зачем ты это делаешь? Не убивай себя!» - говорил ему голос жизни, отогретый лучами восходящего солнца. «Что же ты медлишь? Кончай скорее!» - властно проговорил другой голос, голос смерти. И он послушался его, отвернулся от окна. Держа в левой руке карабин, пальцами правой руки дотянулся до курка. Вот, вот холодное, немое оружие скажет свое смертоносное слово. Но другой голос, голос жизни вдруг решительно запротестовал: «Зачем! Зачем! Зачем!» - кричал он вместе с биением сердца. Человек снова невольно взглянул на окно. В морозных узорах солнечные лучи играли еще ярче и веселее. Это сияние напомнило ему что-то радостное, что-то из далекого детства, и он снова попытался вспомнить это никак не словленное, так нужное для него и... Вспомнил! Улыбка матери! Ему ярко представился образ матери, ее любящие, все понимающие глаза и добрая улыбка. «Мама», - прошептал он, и палец правой руки соскочил с курка.

«Живи, живи, живи!» - все громче и настойчивее говорил ему голос жизни. «Кончай же быстрее! Кончай, кончай, кончай!» - перебивая первый, громко заговорил голос смерти, но затем стал слабеть и словно отходил куда-то все дальше и дальше.

И вдруг он снова окреп и громко упрекнул: «Ты что, тряпка, что ли?!» От этого голоса он вздрогнул, и ослабевшие руки снова приобрели твердость и крепче сжали оружие. Но тут другой голос упрекнул его этими же словами, придав им другой смысл. Он понял, что убить себя сейчас не сможет. Тихо, но твердо сквозь зубы проговорил словами голоса жизни: «Что ты, тряпка, что ли? Испугался трудностей жизни?» - и решительно отбросил в сторону карабин. Ему показалось, что озаренное солнцем окно улыбнулось ему, и в памяти снова всплыла улыбка матери. У него впервые за последние месяцы на осунувшемся измученном лице появилось что-то вроде улыбки, и по впалым щекам потекли слезы, слезы облегчения. Сердце гулко стучало и пульсировало в висках, говорило голосом жизни: «Живи, живи». Он почувствовал, что к нему вновь возвращаются жизненные силы, он уже тверже стоит на ногах и осмысленнее становится взгляд. К нему возвращалась жизнь.

Он вышел из дома и долго, глубоко вдыхал свежий морозный воздух и сквозь радугу слез смотрел на огнистый шар катившегося по горизонту солнца - и улыбался. После этого потрясшего его случая здоровье его пошло на поправку.

Я бы сказал, что Виктор очень быстро пошел на поправку. После такого случая он, конечно, хорошо понял, в каком положении находится. Он нашел в себе силы, сумел мобилизовать свое внутреннее «Я» на преодоление этой непонятной болезни. Но почему непонятной? У Виктора была душевная болезнь, какое-то психическое заболевание. Я не врач-психиатр и, конечно, не могу установить диагноз этой болезни. Виктор поверил в наше освобождение через самостоятельный уход с острова. Он решил себя тренировать, как говорится, наращивать мускулы. Сейчас он старается больше ходить и при возможности работать физически. На первых порах это ему дается нелегко. Иногда, приходя с длительной прогулки, он ощущает сильную усталость, на лице выступают бисеринки пота, но он старается в оставшееся до похода время полностью восстановить свои силы, чтобы не быть нам обузой.

Теперь Виктор совсем другой человек, чем тот, которым он был две недели назад.

4 марта.

Вчера и сегодня дни солнечные, тихие. И мороз терпимый, в пределах 28-30 градусов. Гуляем, читаем, играем с молодыми собаками. Что тут скажешь - арктический курорт! Только в душе нет комфорта. Что-то подсасывает внутри, какая-то затаенная тревога, скрытое беспокойство гложет душу (если она существует). Вероятно, сказывается информационный голод.

Данилыч, кажется, подобное не испытывает. Он - человек дела. Вчера полдня ездил во льдах на собачках, подыскивал подходящую трассу для обучения молодых собак ходить в упряжке. Говорит, нашел. Сегодня пробует в упряжке найдовских собачек, объединив их со старшими собаками. Работает на территории острова, возле станции. Пока плохо получается с молодыми, но Данилыч добьется своего.

Когда стоит погожая погода, находясь вне дома, невольно вглядываешься в южную акваторию неба: не летит ли к нам красnozвездная птица? Пожалуй, время еще не пришло.

8 марта.

Вспомнили, что сегодня хороший праздник. Мысленно поздравили родных и близких женщин. Погода немного испортилась, на небе довольно высокие слоисто-кучевые облака среднего яруса, ветерок, понизу стелется поземок, температура в пределах 30 градусов. Обычная погода. Данилыч стал объезжать молодых собак теперь уже по льду, по своей трассе. Молодые кобели почти освоились, становятся ездовыми, а вот «девочки», говорит Данилыч, пока балуют. Ничего, скоро привыкнут, втянутся в упряжку под рукой опытного каюра.

Через день проверяю приваду. Одного песца пой мал. Остался, кажется, на воле только трехлапый. Очень хитрый зверек. Как он ловко обходит капканы!

15 марта.

Погода неустойчивая. За неделю дважды была свирепая пурга, и только два дня были более-менее погожие. Вчера ветер достигал 25 м/сек. Сегодня к вечеру все затихло. Была сильная подвижка льда. Севернее и восточнее острова совсем близко большие разводья. Поручена собачья дорожка.

17 марта.

Погода пасмурная и тихая. Туман. Температура повысилась до минус 14 градусов. Это для нас тепло. Я закончил шитье камлеек. Данилыч сшил две кухлянки из нерпичьей кожи - для меня и Виктора. Сам будет довольствоваться той, в которой прибыл на остров. Его кухлянка уже изрядно поношена, но более ценная — она из оленьей шкуры. Сегодня с Виктором чистили галюн, иначе, туалетную выгребную яму. Работали ломом и лопатами. Работа не из приятных, но она необходима. Данилыч занимался уборкой собачьих помещений.

19 марта.

День быстро увеличивается. Сегодня солнце всходило вскоре после семи часов и заходило около семнадцати часов. При восходе солнца мне пришлось наблюдать зеленый луч. Я ждал этого момента. Над тем местом, где должно всходить солнце на 2-3 секунды показалась не очень яркая вспышка зеленого цвета, и тут же показалось солнце. Как пишут - это признак хорошей погоды. День состоялся: небольшая облачность, хорошая видимость, легкий ветерок и умеренная температура (минус 26 градусов). Разводья вблизи острова замерзли, молодой лед крепкий - хорошо выдерживает пешехода и собачью нарту. Накануне прошел снегопад, и лед покрылся снежком - отличная трасса для обучения ходить в упряжке молодых собак. Почти весь день Данилыч гонял упряжку по такому льду, протяженностью километра полтора.

По словам Данилы- ча, все пять молодых собак уже более-менее сносно ходят в упряжке, но с ними нужно еще работать. Завтра с этой упряжкой буду работать я. Данилыч же займется более молодыми собаками. Данилыч сказал мне, чтобы я привыкал каюрить, то есть умел работать с собачьей упряжкой. Дескать, вторую нарту в предстоящем походе придется мне вести. В конце дня я прошел по восточному замерзшему разводью протяженностью более двух километров и остался доволен. Лед крепкий и ровный.

20 марта.

День солнечный и морозный. Весь день объезжал собак. Данилыч оставил мне упряжку из восьми собак. Двух передовых, Балбеса и Трезора он забрал себе. У меня в передовых идут Челита и Уголек. Белка идет в паре с Серым. Серый - самая понятливая собака из молодых. Остальные, особенно «девочки», недостаточно объезжены, порой норовистые. Во время езды могут заупрямиться, приостанавливаться, тормозя движение, или потянуть в сторону. Конечно, тут сказывается смена хозяина. Собаки уже привыкли к Данилычу, к его голосу. Как бы мне не сорвать голос на морозе, выкрикивая слова команды. Слова такие: тах, тах - вправо, крр, крр - влево, резко: тя! Тя! - вперед, спокойно: та-а, та-а - останавливаться.

Слышно, как покрикивает на свой, пока еще бестолковый, молодняк Данилыч. А Виктор подтрунивает над нами. Данилыч работал с молодняком во второй половине дня, а с утра возился с плитой и занимался изготовлением остола. Свой-то он отдал мне. Остол — это короткая толстоватая палка с металлическим стержнем в нижней своей части. Служит для торможения и закрепления нарты.

24 марта.

Погода стоит прекрасная. Как у Пушкина: «Мороз и солнце - день чудесный». Иногда задует слабый ветерок, но не расходится и вновь затихает. С Данилычем днями проводим на льду, обучаем собак. Со мной часто бывает Виктор.

То пробежит, а больше катается в пустой нарте. Собаки уже хорошо ходят в упряжке. Иногда пускаю их через небольшие гряды торосов. Упряжка неплохо преодолевает такие препятствия. Данилычу, конечно, с молодняком труднее, но результаты у него обнадеживающие. Собачки втягиваются в работу, стали спокойнее. Только бы не помешала погода.

25 марта.

К вечеру погода испортилась. Запуржило. Небо закрылось низкими облаками, внезапно рванул шквалистый юго-восточный ветер, повалил снег. Вокруг острова затрещал лед - началась подвижка льда. В доме становится холоднее. Как ты некстати, пурга! Когда же ты нас кончишь изводить? Но всему свое время.

27 марта.

Пурга продолжается. В доме холодно. Днем еще терпимо, но к утру температура в комнатах снижается до 3-4 градусов. На улице муть, свистопляска. В дневное время приходится держать зажженные керосиновые лампы.

29 марта.

Ночью прекратилась пурга. Утром небо расчистилось от облаков. Воздух чистый и морозный (минус 32 градуса). Молодой лед местами заторосило, особенно севернее острова. Моя трасса меньше пострадала. Пришлось поменяться с Данилычем трассами. У меня собаки теперь более обученные и втянувшиеся в упряжку. Их пора уже тренировать преодолевать препятствия, гряды торосов. Только бы не подвела погода. Времени у нас очень мало. В задуманный нами поход надо отправляться с хорошо подготовленными для упряжек собаками. Данилыч уверяет, что через две недели наши собаки будут что надо.

У меня теплится надежда, может, прилетит самолет и сбросит нам обнадеживающие указания. Поход во льдах, задуманный нами, рискованное мероприятие. Вспоминаю, что происходило во льдах с нами год назад - оторопь берет. Не дай бог, если такое повторится.

1 апреля.

После обеда мы сидели на диване и говорили о своем наболевшем. Если о нас там знают, то почему бы не прислать сюда самолет, который бы сбросил нам какие-то инструкции, указания - что нам здесь в дальнейшем делать и вызволят ли нас отсюда в текущем году. До этого Виктор скептически относился к прилету самолета, даже к тому, что там знают о нашем местоположении, но сейчас он согласен со мной. Его страшит предстоящее путешествие по льдам. Данилыч сидел в стороне и больше помалкивал. Когда я обращался к нему, дескать, что он думает об этом, то он отвечал как-то нехотя и маловразумительно: «вряд ли», «это маловероятно», «на бога надейся, да сам-то не плошай» и тому подобное. Наконец он заговорил:

- Парни, вы думаете, что мне так хочется добровольно уходить с острова на собачках? Как было бы хорошо, если бы нас сняли отсюда самолетом или пароходом, но это маловероятно. Ну, допустим, прилетит самолет. Допустим, получили мы инструкции. Ждите, при первой возможности вывезем вас с острова. А если такой возможности не будет? Летом поднапрут тяжелые льды - не то что пароход, ледокол сюда не пробьется. И самолет здесь не посадишь. И тогда нам, по крайней мере, еще год зимовки обеспечен, так что, парни, лучше держать синицу в руках, чем пытаться поймать журавля в небе. Давайте форсировать подготовку к уходу с острова, времени для этого мало осталось.

Данилыч неплохо знал русские пословицы и умело их использовал.

Вот Данилыч вышел наружу, но спустя несколько минут снова появился перед нами, как бы взволнованный. - К нам самолет летит! - громко сказал он. Мы моментально выскочили из дома. На чистом безоблачном небе было спокойно. Никаких признаков подлетающего самолета. Весело сияло солнце, на которое без защитных очков нельзя было смотреть. Вокруг ни звука, спокойно и тишина до звона в ушах.

На крылечке появилась довольная физиономия Данилыча. - Где же самолет? - спрашиваем его. Да- нилыч громко рассмеялся. - Что вы, парни, какой самолет? Сегодня же первое апреля!

Нам ничего не оставалось, как тоже рассмеяться. Подшутил над нами Данилыч.

10 апреля.

Всю декаду упорно работали с собаками. Неделю назад в мою упряжку Данилыч впряг еще двух собачек из молодняка. Сейчас они не отличаются от других более взрослых собак. В последние дни приучали собачьи упряжки преодолевать торосы под грузом. Загружали нарты льдом, закрепляли, увязывали его на нарте и пускали собачьи упряжки через гряды торосов. Получается неплохо. Теперь собачьи упряжки почти готовы к работе во льдах.

Погода неровная: солнечные дни меняются на пасмурные с ветерком и небольшим снегом, но до метели дело не доходит. В такие дни мы успешно работали с собаками. А самолет не летит, и с каждым днем тает наша надежда увидеть его.

12 апреля.

Составили список на продовольствие и различные предметы, которые мы возьмем с собой в дорогу. Составляю подробную ведомость, в которой будет отражено, сколько продуктов израсходовано, сколько взято со склада одежды, белья и обуви, а также строительного материала, оружия, боеприпасов и других предметов. Завтра начнем отбирать и отдельно складывать все, что нам необходимо иметь в дороге. Только необходимое. Без лишнего груза. Прикинули: на каждую нарту погрузим около трехсот килограммов. Основную часть груза составит продовольствие и корм для собак. Мы предполагаем покинуть остров через три дня. Дальше тянуть с отъездом опасно, так как время работает уже не на нас.

Для поездок на собачьих упряжках очень важен выбор времени. Всем другим временам года высокоширотные экспедиции предпочитают месяцы март, апрель и май.

В это время много солнца, хорошая видимость и реже бывают пурги. В начале июня снег размягчается, что ухудшает скольжение нарт.

14 апреля.

Тщательно продумали и отобрали груз. То, что мы отобрали вчера - потянет на три упряжки. Сокращаем корм для собак, по необходимости будем добывать его охотой. Оставляем две медвежьих шкуры, каждая из которых весит около полутора пудов. Из третьей шкуры заготовили дожки - подстилки под спальные мешки, которые кладутся на снег или лед. Солидную долю груза составляет горючее: стокилограммовая бочка керосина и канистра с бензином. Муку не берем, она не пригодная для еды. Второй день Данилыч хлопочет около плиты - выпекает хлебцы и большие лепешки во всю сковороду. Завтра тщательно компонуем и увязываем груз на нартах, а послезавтра, как говорится, с богом, в дорогу. Если только не подведет погода.

Несколько дней назад я снял капканы с привады. Трехлапый песец так и не попался в капкан. Бог с ним, пусть гуляет на воле. Значительную часть моржового мяса мы не возьмем с собой, оставим под открытым небом вблизи станции. Так что хитрый пушистый зверек обеспечен кормом.

Из девяти пойманных песцов мы сшили три рубашки-безрукавки, которые нам могут очень пригодиться в дороге.

У меня еще теплится малюсенькая надежда: в последний момент не появится ли самолет? Напрасное ожидание!

15 апреля.

Все идет, как задумано. Уложили, хорошо упаковали груз на нартах. Мою нарту загрузили собачьим кормом и горючим, вес которых составит, приблизительно, 260- 270 килограммов. Такой же примерно вес и на другой нарте.

Так что рассчитывать на езду на нартах не приходится - нам придется больше шагать и бежать рядом с нартами. Но вот какое дело, погода-то портится. Вечером небо уже в сплошных облаках, с востока потянул ветерок и, кажется, усиливается. Запуржит еще! А на пургу у нас нет времени. Что тут поделаешь!

16 апреля.

Ближе к утру запуржило. Как некстати! Пурга-то не ахти какая: ветер не превышает 20 м/сек, сверху небольшой снег, мороз 19 градусов и есть некоторая видимость - просматривается вся территория вокруг станции. Море пошумливает - идет подвижка льда. Погода далеко не летная.

17 апреля.

Погода без изменений. Данилыч продолжает усердно печь хлебцы и лепешки - наращивает хлебный запас в дорогу. Мы с Виктором из облегченного брезента шьем собачьи чулки, которые будут предохранять собачьи лапы от порезов, когда будет встречаться фирновый лед. Это - как дробленный поверху битый лед, крупные ледяные кристаллы, похожие на битое стекло. Накануне мы обшили подошвы своих валенок нерпичьей кожей. Валенки это в запас. Основной нашей обувью будут торбаса. Берем с собой и резиновую обувь.

18 апреля.

Ближе к полудню ветер утих. Перед заходом солнца полностью очистилось небо. Чистое, слегка разбухшее солнце, быстро погружалось за горизонт, обещая на завтра погожий день. Завтра утром покидаем остров. Идем по маршруту № 1: остров Генриетты - полярная станция Ша- лаурова. 600 км птичьего полета, но дорога по каверзным льдам будет значительно длиннее. Вечером опять сидели в салоне на диване и взгрустнули. С одной стороны, вроде бы и жаль оставлять приютившую нас полярную станцию, но в то же время страшно оставаться здесь. Упаси боже, если зимовать здесь еще год!

- Завтра трогаемся в неизведанную дорогу, - тихо сказал Виктор. - Значит, прощай угрюмый, холодный, неприветливый, неприятный... - Виктор на мгновение задумался, подыскивая подходящий эпитет и наконец нашел: злополучный остров! Тут я не мог не возразить товарищу. - Витя, - говорю ему. — Почему ты считаешь наш остров неприветливым, тем более злополучным? Вспомни прошлый год, какие мы терпели лишения, как уносило нас в Ледовитый океан, пока не встретили на пути этот, как ты назвал, злополучный остров. Через полярную станцию этот остров нас приютил, обогрел и накормил, короче говоря, спас нас от неминуемой смерти. Это наш остров-спаситель.

- Извини, Саша, но от этого спасителя меня тошнит, и завтра я с удовольствием покину его, - проворчал Виктор.

Данилыч солидарен со мной.

19 апреля.

Сегодня утром, до восхода солнца, покинули остров Генриетты. Впереди идет более сильная собачья упряжка Данилыча. У меня, кроме двух передовых, молодняк. Шли строго на юго-запад. Первый ориентир - остров Жо-хова. Километра два шли вдоль своего острова, затем стали удаляться от берега, потому что скалистый берег стал круто уходить влево, к югу и далее на юго-восток. Вокруг острова на большом расстоянии - сильная заторошенность льда. За первые три часа мы преодолели не более семивосьми километров пути. Устали. Еще больше устали собаки. Данилыч говорит: пусть жирок сбросят. В последнее время собаки ели до отвала - корм-то лежал на воле.

Час отдыха и снова в путь. Гряды торосов стали реже встречаться, и вот перед нами ровное, примерно двухкилометровое снежное поле, которое собаки прошли в основном трусцой. Дальше много ропак и реже встречаются гряды торосов. Некоторые труднопроходимые гряды льда мы обходим, причем приходится уходить в сторону на почтительное расстояние.

К часу дня мы прошли еще не менее десяти километров. Полтора часа отдыхали. Подкрепились едой, чай вскипятили на примусе. И собак покормили - теперь они будут на умеренном режиме. Затем продолжали путь до захода солнца. За день прошли не менее двадцати километров. Сильно устали. Еще больше устали собаки.

Дописываю дневные события в дневник почти в сумерки. Ребята уже спят в спальных мешках. Из-за усталости и нехватки времени теперь придется вести записи в дневнике нерегулярно.

23 апреля.

Четыре дня в пути. Предполагаем, что прошли около семидесяти километров. Пока погода нам благоприятствует. Солнце почти круглый день. Среди чистого неба видны перистые облака - облака хорошей погоды. Иногда находят облака среднего яруса, особенно ближе к вечеру, порой задувает ветерок, но ненадолго. Вдали еще виден оставленный нами остров. Пробиваемся через гряды торосов, перемежающиеся с открытыми пространствами до полутора километров шириною. Приустили, но настроение бодрое.

25 апреля.

Далеко впереди замаячил остров Жохова. Погода хорошая. В день проходим не более двадцати километров.

28 апреля.

Подшли к острову Жохова. Сейчас он от нас находится справа на расстоянии примерно двух километров. Ближе подойти почти невозможно из-за мощных торосистых гряд. Да и нет необходимости выходить нам на этот остров. Остров сравнительно невысокий, всхолмленный. Впереди в бинокль виден остров Вилькицкого. Наш путь к нему. Хороший ориентир.

30 апреля.

Пробиваемся через торосы. Труднопроходимые гряды стараемся обойти, ищем лазейки, чтобы перевалить на другую сторону. Такие обходы сильно удлиняют наш путь, но мы упорно двигаемся вперед. До острова Вилькицкого осталось не более десяти километров.

1 мая.

К полудню преодолели путь до острова. Островок небольшой, гористый. Мы остановились примерно в двух километрах от него. Последние четыре километра шли по почти ровному полю, с выступающими кое-где ропками и невысокими, легко проходимыми грядами торосов. Такая дорога кстати для наших измученных собак, и сами мы изрядно выдохлись.

Сегодня Первомай, и мы решили в честь праздника позволить себе полдня отдохнуть. Устроили праздничный обед. Пока у нас имеется такая возможность, но выпить спиртного в честь праздника — нет, этого мы позволить себе не можем. У нас всего 600 граммов спирта. Это НЗ. Мы не знаем, что ждет нас впереди. Возможно, что этот спирт для нас будет крайне необходим. Собак освободили из упряжи, хорошо накормили, и они несколько часов отдыхали, отлеживались. Ближе к вечеру, отдохнув, молодежь стала бегать и резвиться около лагеря, далеко не отходили. Собаки старшего поколения вели себя спокойнее. Мы тоже отдыхали на спальных мешках. Поговорив кое о чем, немного подремали под лучами уже чувствительно греющего ласкового солнца.

Завтра идем к Новой Сибири - крупному острову Восточно-Сибирского архипелага.

4 мая.

Отошли от Вилькицкого не более чем на 25 километров - дорога тяжелая, большая торосистость. Сегодня к полудню небо быстро закрывалось низкими снеговыми облаками, и снег не заставил себя ждать. Едва успели мы установить палатку, как с севера рванул свирепый порывистый ветер.

Началась неистовая пурга. Мы ее ждали и готовы встретить ее, но ее главный компонент, ветер, часто обрушивается неожиданно, и не знаешь, с какой стороны он задует. На этот раз мы удачно установили палатку — с подветренной стороны. Рядом расположенная высокая гряда торосов значительно защищала нас от свирепого ветра.

6 мая.

Отсиживаемся в своей палаточке. Иногда ветер так хлещет и давит на палатку, что думаешь вот-вот он вырвет опоры и снесет палатку. А то сквозь вой пурги доносятся резкие удары - разрывается лед. Пока сжатие льда нас не беспокоит. Из палатки мы иногда выходим только по нужде. Данилычу приходится проверять и состояние собак.

8 мая.

Утром ветер стал стихать и к полудню наступил штиль. Быстро расплзались ненастные кучево-слоистые облака, на небе остались только разрозненные высокие облака среднего яруса. По горизонту стелилась облачность, и солнце было закрыто. Мы решили использовать вторую половину дня и тронулись в путь. Решили размять ноги после принудительного отсиживания в палатке. Прошли примерно около пятнадцати километров. Впереди на нашем пути и сравнительно недалеко видно большое черное небо. Там открытая вода.

9 мая.

Сегодня большой праздник — День Победы, но нам не до праздника. Нельзя упускать время. К вечеру подошли к огромному, не менее двух километров шириною, разводью. Его надо обходить. Вопрос: в какую сторону идти - на запад или восток? Здесь у разводья по небу не определишь в какой стороне больше воды, но вчера издали было видно, что к западу темное небо недалеко простирается. Мы двинулись на запад. Конечно, мы устали, и собаки вымотались за день, но оставаться по эту сторону разводья опасно. Вдруг ночью задует крепкий «южачок», оторвет лед и унесет нас в море.

Спустя два часа, почти в сумерках, мы все же обошли разводье. Тогда только успокоились. Палатку решили не ставить. Виктор не стал ничего есть и сразу же с головой упрятался в спальный мешок и, конечно, моментально заснул. Данилыч кормит собак, а я сижу за дневником, пока еще не совсем стемнело.

10 мая.

Идем по курсу с небольшой поправкой: на юго-юго-запад. Мы должны выйти к мысу Каменный, расположенный в северо-восточной части острова Новая Сибирь. Много торосов.

11 мая.

В бинокль виден остров Новая Сибирь. Двигаемся к восточной части острова. Гряды торосов сменяют небольшие снежные поля, что облегчает наш путь. Встретили неширокое, но далеко вытянувшееся с запада на восток разводье. Потратили значительное время, чтобы обойти его.

13 мая.

Вплотную подошли к мысу Каменный. Завтра пойдем берегом острова. Погода неустойчивая. Пасмурно. То и дело сверху сыплет мелкий снег или снежная крупа. Ветер с северо-востока небольшой, но холодный. Весь день дул нам в спину.

14 мая.

Сегодня шли по острову вдоль восточного его берега. Местность слегка всхолмлена, встречаются обширные понижения, лощины. Шли в южном направлении. От мыса Песцовый берег повернул на юго-запад. К вечеру достигли небольшого, сильно пониженного мыса Надежный. Здесь протекает какая-то безымянная речка, вокруг которой раскинулась обширная лощина. На этой речке, закрытой плотным снегом мы и раскинули свой лагерь. Предполагаем, что сегодня прошли не менее 50 километров. Теперь можно подвести некоторый итог. Если от острова Генриет

ты до острова Новая Сибирь расстояние 300 км, и сегодня по острову мы прошли 50 км, то всего нами пройдено 350 км. Это по прямой линии. Но мы-то шли не по прямой, а зигзагами, с некоторыми отклонениями, часто обходя гряды торосов и разводья. Следует еще прикинуть хотя бы километров 50. Выходит, что мы прошли 400 км за 26 дней, иначе, по 15 км в день. Вроде бы результат неплохой. Ведь шли мы по тяжелому торосистому льду. Будем считать, половина пути пройдена! Вторая половина пути будет более опасна для нас. Во-первых, до острова Большого Ляховского нет ни одного ориентира - сплошное ледяное трехсоткилометровое море, тем более мы не знаем, в каком оно состоянии. Во-вторых, и это самое важное, лучшее время хождения по морскому льду проходит, во второй половине мая и особенно в июне чаще взламывает лед и если такое произойдет, то нам грозит опасность оказаться на ледяном плавучем поле, как в прошлом году. Не дай бог оказаться в таком положении!

16 мая.

За два дня прошли не более 30 км. Большая заторошенность. Особенно вблизи острова. Иногда встречались гряды льда высотой около 15 метров. Сегодня после полудня дорога улучшилась — торосы стали более низкие и сглаженные, и уже не приходилось искать для собачьей упряжки подходящее место, где бы она без напряжения перевалила через ледяные гряды. Дни облачные бессолнечные. Мы не знаем, когда здесь начинается сплошной полярный день. На станции острова Генриетты в это время солнце светит круглые сутки, но мы сейчас находимся почти на четыре градуса широты южнее и незаходящее за горизонт солнце здесь бывает позже. Может, оно и здесь, уже не заходит и катится за облаками по северному горизонту. Ночи-то сейчас светлые.

19 мая.

Уже давно как бы растаял в серой дымке большой, но невысокий остров Новая Сибирь. Куда ни глянешь - сплошные льды.

Предполагаем, что мы удалились от острова не менее чем на сотню километров. Погода благоприятствует нашему продвижению. Температура воздуха в пределах 12-15 градусов, иногда пойдет снег или снежная крупа, а то задурит ветер, но до сильного не расходится. Такая погода не останавливает нас - мы упорно движемся вперед. Кстати, мы уже месяц в пути. За месяц прошли не менее 450 километров труднопроходимого льда. Это неплохой результат. Сильно устали. Заметно исхудали. Измотались и собаки. Больше половины убавилось собачьего корма и продуктов, так что нарты значительно полегчали.

20 мая.

С утра разветрилось. Верховой ветер разогнал облака, и мы увидели солнце. При солнце-то двигаться веселее. Стало больше снежных полей, на которых иногда видим греющихся на солнце около своих лунок нерп. На довольно почтительном расстоянии видели медведя. Солнце заметно пригревает.

22 мая.

Впереди замаячил остров Большой Ляховской. Конечно, это гористый мыс Шалаурова - самая высокая часть острова. (Согласно карты, которую мы захватили с собой). Погода стоит нельзя лучше - тихая и солнечная. Теперь цель конечная видна. Мыс Шалаурова, словно магнитом, притягивает нас к себе. Мы у цели. Вперед!

23 мая.

Погода балует нас. Солнце слепит, и торосы искрятся под его лучами, поэтому мы работаем в защитных очках. Прошли не менее тридцати километров. На снежных полях появляются снежницы. Встречаются отдыхающие на солнце нерпы. Во время обеденного привала заметили медведя. Он был недалеко от нас, метров четыреста, не более. Конечно, разыграл охотничий азарт, но мы удержали себя от охоты. Сейчас нет времени возиться с косолапым. Опасались за собак - почуют зверя, будут рваться к нему.

Но все обошлось.

24 мая.

Теперь Большой Ляховской хорошо видим, и видим мы весь остров. Если бы постояла такая погода, то за 3-4 дня мы будем у цели. Но в том и дело, что погода меняется. Наверное, будет пурга. Солнце светит сквозь тонкую пелену высоко-слоистых облаков. Ближе к небосклону появились по краям размытые чечевицеобразные облака - облака плохой погоды. Погода штилевая. Мы расположились в полукружье торосов. Сейчас важно знать, откуда будет дуть ветер в случае пурги. Мы установили палатку рядом с грядой торосов, протянувшейся с запада на восток. Если подует «южак», то торосы будут как-то сдерживать его напор. Шагах в пятнадцати к западу от нас, с юга на север проходит более молодая и мощная гряда торосов. У подножья этой гряды мы поставили своих собак. Если будет пурга, то они как-то будут защищены от свирепого ветра.

Только что поужинали всухомятку, и Данилыч с Виктором уже в спальнях мешках. А я сижу с дневником. Скрипит и потрескивает лед вокруг. Если бы не эти звуки, то здесь стояла бы какая-то настороженная чуткая тишина. И солнце светит. Его не видно, оно где-то за торосами - незаходящее северное солнце.

Почему-то тревожно у меня на душе. Жутковато от такого безмолвия. Обстановка, словно перед бурей. Я где-то читал, что так бывает в южных морях, когда корабль попадает или находится в центре тайфуна. Это место называют глаз тайфуна или урагана. Стоит мертвая тишина. А потом начинается страшное, и судно обречено на гибель. С нами, я думаю, такого не случится. Но с северо-запада сейчас наползают мощные темные, зловещие облака, подсвечиваемые снизу солнцем. Но пора отдыхать. Будет что будет...

26 мая.

Недаром позавчера поздно вечером у меня было тревожно на душе, предчувствие беды.

Вчера вечером я не мог писать о том, что произошло с нами вчерашней ночью, так как был не в себе - душевно опустошен, подавлен и растерян. Также и мои товарищи. Сегодня приходим в себя. Вот что произошло.

В полночь нас разбудил очень сильный треск и гул, свирепый ветер яростно трепал нашу палатку. Я попытался выйти из палатки. Ночь была светлая, но была страшная круговерть, видимость нулевая. Дул ураганный ветер, под его напором невозможно устоять на ногах, в лицо мне ударило зарядом снега. И я немедленно вернулся в палатку. Мы быстро оделись потеплее, поверх кухлянок, на всякий случай натянули камлейки. Решили ждать. А чего ждать? Может, немного утихнет ветер, что было маловероятно.

Палатка трепетала под ветром. Сколько она еще выдержит такой напор? С тревогой думали о собаках, но дойти до них пока не решались. Животные находились с подветренной стороны у подножия гряды высоких торосов и это нас немного успокаивало. И напрасно!

Нам ничего не оставалось делать, как отсиживаться в палатке, вяло переговариваясь. Вдруг часть палатки с наветренной сторона взмыла вверх, но тут же пала, накрыв нас. Не выдержали, забитые в твердый снег костыли оттяжек. В следующий момент ветер освободил нас от брезента, палатка рванулась по направлению ветра, но была удержана противоположными оттяжками, заплескалась и захлопала. Надо было спасти палатку. В этом снежном содоме мы кричали друг другу, что мы должны предпринять. Я и Виктор прижали палатку, а Данилыч топором выбил костыли оттяжек. Потом свернули трепыхавшуюся от ветра палатку и зачихали ее в расщелину между торосов. Перекрывая вой ветра, до нас доносился отчаянный многоголосый лай собак. Ориентируясь по гряде торосов, Данилыч заспешил к собакам. Не прошло и минуты - он вернулся.

- Парни! - закричал он, размахивая руками. - Там лед разорвало! Скорее собак спасать!

Мы заспешили туда. В нескольких шагах от собак

перед нами протянулась трещина-разводье, шириною около метра. Она протянулась вдоль поперечной гряды, то есть с юга на север. А за грядой и в самой гряде происходило что-то жуткое, невероятное: трещало, скрипело, грохотало - шло интенсивнее торошение. Мы перепрыгнули через трещину и стали приводить в порядок сбившихся в кучи собак, которые запутались внутри своих упряжей. Данилыч попросил меня помочь ему. Кричит, что, дескать, надо перегнать на ту сторону сначала одну упряжку, затем возьмемся за другую. Но собаки заупрямились и никак не хотели прыгать через зловещую промоину. Тогда Данилыч привязал к упряжи передовых собак два конца бечевки, перепрыгнул на ту сторону и стал на бечевке тянуть собак. «Балбес! Трезор! Тя! Тя!» кричал он, надрывая голос. Но собаки не хотели прыгать через устрашающую черную промоину. Я стал их сзади подталкивать. Наконец животные решились и без особого труда перепрыгнули через промоину. За ними сразу же прыгнули Серый и Белка. Третья пара собак прыгнула немного неудачно: одна из молодых собак зависла на передних латах над пропастью морскою и замочила заднюю часть туловища. Данилыч моментально вытащил ее на лед. С четвертой парой неудача - собаки прыгнули порознь и обе оказались в воде. Конечно, Данилыч быстро их вызволил из ледяной купели. С последней парой прошло все благополучно.

Собаки выкатили груженую нарту через трещину- разводье. Пока Данилыч отводил в сторону собак и закреплял остолами нарту, а мы распутывали другую собачью упряжку, злополучная трещина значительно увеличилась, примерно до метра с четвертью. Данилыч уже не решился прыгать через нее.

- Парни! - кричит нам Данилыч. - Кончайте возиться с собаками! Быстро разгружайте нарту и двигайте ее поперек разводья! Только так мы собак спасем!

Мы с Виктором быстро разгрузили нарту и поставили ее поперек разводья. По нарте Виктор перешел к Данилычу, и они вдвоем стали тянуть на себя нарту, увлекая за ней собак. Я, как мог, понукал, подталкивал запутавшуюся в упряжке собачью свору к воде.

Но собаки упрямылись, боялись воды. Вдруг совсем рядом что-то затрещало и сразу же оглушительный грохот (шло мощное торошение). Обезумевшие от страха собаки бросились в сторону. Данилыч с Виктором не удержали нарту, и я ее не успел перехватить. Да что от того, если бы я ухватился за нее - мне бы не удержать собак. Свора рванула вдоль разводья к северу и тотчас растворилась в снежной мгле. Слышал я, как отчаянно визжала, вопила одна из собак - она, конечно, была опрокинута и не могла подняться на ходу, и свора волокла ее по неровному твердому снегу. А разводье расширялось. Товарищи меня торопили, чтобы я, не теряя времени, прыгал к ним. Но прежде всего я решил перебросить груз. Я схватил бочку с керосином, рывком вскинул ее на уровень груди и выкинул через промоину. Затем быстро перекидал другой груз, в основном корм для собак. Немного разбежавшись, перемахнул через страшную водную пропасть.

Ветер и снег слепили глаза, но мы все же несколько освоились в этой экстремальной ситуации и уже могли различать друг друга за несколько шагов. Мы стояли растерянные, ошеломленные среди грозной стихии и не знали, что дальше предпринять. Меня что-то мучило изнутри, словно я что-то упустил, не так сделал. И тут меня осенило: «Нас оторвало!» Я закричал в отчаянии:

- Ребята, что мы наделали! Нас уносит ветром! Нам надо быть на той стороне! Данилыч, поднимай собак, подкати нарту к разводью? По нарте перейдем на другую сторону! Ну что ты стоишь, Данилыч?! Сейчас каждая минута дорога! - Данилыч спокойно прокричал: - Опоздали, Саша! Разводье уже шире нарты! - и безнадежно махнул рукой.

Чуть ли не на ощупь стали обследовать гряду торосов, подыскивая подходящее местечко, где можно было бы как-то укрыться от ветра. Такое место нашлось. Это была крошечная площадка среди торосов. Перенесли сюда вещи с того места, где была палатка. И собак подогнали ближе. Установить палатку было невозможно. Промокших

собак Данилыч укрыл телогрейками. А мы, в чем были, спрятались в спальные мешки. Все равно было холодно. Не знаю, как мои товарищи, но я эту ночь не сомкнул глаз. Тяжко было на душе. Как провели мы эту ночь, затем день и следующую ночь, не буду описывать. Тяжело было, натерпелись лишений.

Сегодня ближе к полудню пурга внезапно прекратилась. Стих ветер, перестал сверху сыпать снег, разошлись низкие тяжелые облака. Но пока небо закрыто облаками среднего яруса. В просветах между ними иногда показывается солнце. Вдали в восточной и южной сторонах наблюдается черное водное небо. На западе черного неба нет, хотя вода рядом. Такое небо наблюдается только издалека.

27 мая.

День облачный, переметает слабый поземок, дневная температура воздуха минус 9 градусов. Утром перешли ближе к воде, на южную часть ледяного поля. Вдалеке видны сплошные ледяные поля. И вблизи нашего поля много плавучих льдин различной величины. Мы уже далеко отошли от того места, где нас оторвало. Акватория западного сектора открытой воды тоже заполнена разровненным плавучим льдом. Установили палатку и ждем дальнейших ледовых событий. Нас несет на восток. Вся надежда, что наше поле где-нибудь пришвартуется в своей южной части к другому обширному ледяному полю, и тогда мы можем двигаться к югу, в сторону материка.

Обживаем свой ледяной остров, бродим по его незаторошенным снежным равнинам. Около заберега часто появляется нерпа, но на почтительном расстоянии. Пока продуктами и собачьим кормом обеспечены, так что большой необходимости в охоте на нерпу нет. И охотничий азарт как-то приглушен. Внутренне мы еще не совсем отошли от совершившегося с нами потрясения, только свыкаемся с новым необычным своим положением.

Как же так произошло, что мы оказались во льдах плавучих? Ветер-то дул с запада, и мы должны были сразу определить, что эту льдину будет уносить.

Тогда мы растерялись. Мы совершили две ошибки, вытекающие одна из другой. Во-первых, мы упустили драгоценное время после образования той злополучной трещины. Нас разбудил внезапный грохот и треск льда. В это время и появилась эта коварная трещина. Мы об этом не знали. А надо бы кому-то из нас, Данилычу в особенности, невзирая на слепую пургу, все же дойти до собак, проверить, почему собаки так обеспокоены, вопят и лают? И тогда бы наверняка была обнаружена эта трещина шириною не более десятка сантиметров. После этого спокойно, без паники, рассудочно можно было принять правильное решение. Мы сравнительно спокойно отсиживались минут 15-20 в палатке, пока ее не сорвало ветром. Тут мы и засутились, запаниковали, можно сказать, потеряли здравый рассудок. Услыхав тревожный лай собак, бросились к ним и обнаружили уже не трещину, а с каждой минутой расширяющееся разводье около метра шириною. И мы растерялись, обезумели. Где уж здесь здраво рассуждать, когда неистово вопят два десятка собак, а почти над ними в торосах и за торосами где-то рядом вздымается и грохочет лед. И у нас одна мысль: «Надо спасать собак». А надо было бы спасать-то себя! Одну упряжку мы смогли перебросить через разводье, и груз перебросили со второй нарты. И только потом, спустя несколько минут, мы осознали свою оплошность. Это была вторая ошибка, вытекающая из первой. Но исправить ее уже было невозможно. И вот оказались мы в таком же положении, как в апреле прошлого года. Мы снова дрейфуем в студеном море.

И еще. Это хорошо для нас, что ветер сорвал палатку. Если бы этого не случилось или произошло бы значительно позже, мы остались бы без собак, без корма, а главное - без горючего.

29 мая.

Второй день находимся в плотном тумане. Видимость не больше 10-12 метров. Температура воздуха повысилась до четырех градусов. Мы не забыли взять с собой термометр, поэтому следим за температурой воздуха.

30 мая.

Сегодня туман рассеялся. К вечеру похолодало до минус 10 градусов. Сегодня охотились на нерпу. На свободных ото льда поверхностях воды нерпа иногда всплывала совсем близко от берега, и я убил одну. Данилыч подтянул ее выброской и сразу же стал разделывать. За ужином ели свежую нерпятину. Из-за холодной погоды и отсутствия солнца на льду нет снежиц.

1 июня.

Начало летнего месяца, а у нас пока зима. Дует холодный северный ветер с поземком. День пасмурный, часто сыплет мелкий снег и снежная крупа. Максимальная температура воздуха сегодня была минус 6 градусов.

4 июня.

Погода неважная - пасмурная и холодная при температуре воздуха минус 5-6 градусов. Сегодня облачность стала выше, улучшилась видимость. К югу в бинокль мы обнаружили два острова: один более крупный и высокий по сравнению с другим островом. Первый остров - Крестовский, второй - Пушкарева. Они расположены в западной части Медвежьего архипелага. Остров Четырехстолбовой находится в восточной части архипелага. Теперь мы имеем представление о своем местонахождении. До видимых островов расстояние, по нашему предположению, около ста километров. Остров Четырехстолбовой мы вряд ли увидим: увеличится расстояние и остров сравнительно невысок. Самая высокая его точка имеет высоту 100 метров над уровнем моря.

За последние три дня добыли две нерпы, причем одну из них Данилыч выловил сеткой, установленной в лунке. Корм для собак, взятый с Генриетты, на исходе. Поэтому эти охотничьи трофеи очень кстати. У нас мало осталось и продуктов. А хлебные лепешки растягиваем для еды, экономим, как можем. И консервы так же. Но в сахаре, сливочном масле и мясе мы себя не ущемляем.

Так что пока нам голод не грозит. Будем охотиться на нерпу, а, глядишь, и медведя завалим.

Позавчера появилась стайка бургомистров, расклевывают нерпичьи внутренности. Собаки иногда их отгоняют, и они улетают, но стоит уйти собакам, как хищные чайки откуда-то вновь появляются. Голодные птицы жадно склевают остатки трапезы.

5 июня.

Задул крепкий «южак», метет поземок. Видимость немного ухудшилась, и уже не видно островов. К югу все водное пространство почти сплошь забито разрозненными большими и малыми льдинами. Идти по ним опасно. И сидеть на одном месте нам нет смысла. Если бы был приличный мороз, то все плавучие льдины смерзлись, спаялись бы между собой, и путь к материку для нас был бы открыт. Но сейчас лето. К полудню, невзирая на сильный ветер, мы снялись со своего места и продвинулись километров на 10-12 к востоку, вышли на восточный заберег поля. Дальше был разреженный лед. А еще дальше, в нескольких километрах от нас, простираются необозримые ледяные поля. Будем надеяться, что нашу льдину прибьет к этому ледяному массиву. Но сейчас лед движется на север или северо-восток.

6 июня.

Ветер с юга дует с прежней силой. Нас относит на север.

7 июня.

Во второй половине дня ветер ослабевает. Температура воздуха минус 3 градуса. Улучшилась видимость. Вокруг нас необозримые льды. Нас продолжает относить на север.

8 июня.

Ночью погода резко изменилась. Висевшая над нами

долгие дни облачность исчезла, и на нас полилось благодатное солнечнее тепло. Сегодня первый день с положительной температурой воздуха, плюс один градус. Ветер сменился с южного на западный и весь день дует со скоростью не менее 10 м/сек., но все равно тепло. На морском льду появляются небольшие лужицы. Сейчас наше ледяное поле явно идет на сближение с восточным ледяным массивом, кроша и расталкивая на своем пути более мелкие льдины. Но мы не знаем, как далеко нас отнесло на север. Если бы имели мы с собой секстант, то в полдень по солнцу мы могли бы определить свою широту. Но, к сожалению, на полярных станциях нет этого ценного угломерного инструмента. А как бы он был нам кстати!

10 июня.

Вчера ближе к вечеру огромные ледяные поля соединились. Наше поле, по всей видимости, более молодое и легкое двигалось быстрее и вот пристало к тяжелым полям пакового льда. Вчера же мы перешли на соседнее поле и километров 5-6 прошли на юго-юго-восток, преодолевая довольно сглаженные торосы средней трудности. Мы не знаем, где находимся, вокруг нас необозримые льды. Решили двигаться по компасу на зюйд-зюйд-осі, может, выйдем к Четырехстолбовому.

Погода стоит теплая и солнечная. Так сегодня максимальная температура воздуха доходила, до плюс 3 градуса. На морском льду появилась вода. Пока используем унты, но вот-вот перейдем на резиновую обувь. Сегодня шли по тяжелым льдам. Как-то тяжело шли. Наверное, за последние дни, что бездействовали, отяжелели и мы, и собаки.

16 июня.

Пробиваемся через льды. Идем вслепую по компасу. Вверху сплошная облачность. Ориентиров нет. Видимость не превышает 15-20 километров. Вчера к полудню вышли к большому разводью ширины невероятной. Оно перекрыло нам путь и протянулось с северо-запада на юго-восток.

Пошли на юго-восток, и вот только сегодня вечером мы обошли это огромное разводье. Завтра пойдем строго на юг.

19 июня.

Сегодня исполняется два месяца нашего ледового путешествия. Мы надеялись на лучший исход. Кончаются продукты. Хлеб давно кончился. Осталось несколько банок консервов-концентратов, дней на десять, различных круп, сахара, сливочного масла. Что касается мясного рациона, то мы теперь только на подножном корму. Разумеется, собаки тоже. Как же нам надоело такое мясо - нерпя- тина, медвежатина. (И то старая медвежатина уже закончилась). Когда шли вдоль разводья, нам удалось нерпу подстрелить еще. Одну нерпу убили сегодня у лунки. Пока мясо у нас есть. Работа у нас тяжелая, сильно отощали, осунулись лицом и загорели. Мы не бреемся, и лица наши сильно обросли буйной растительностью. Погода с положительной температурой в пределах 3-5 градусов. Но постоянно дует переменчивый знойный ветер до 10-12 м/сек., так что тепла хорошего нет. Почти постоянно метут поземки, что отрицательно сказывается на видимости. Как и мы предполагаем, она сейчас не более 30 км. Иногда проглядывает солнце, но ненадолго. Пока остров Четырехстолбовой не обнаруживается, и мы не знаем, в какой он стороне. Сейчас на льду много воды, что сильно ухудшает скольжение нарт. И полозья нарт очень сильно истерлись, утончились - не надолго их хватит при такой дороге.

27 июня.

Погода установилась сравнительно теплая. Над нами слоисто-кучевые облака среднего яруса: с частыми просветами. Ветра почти нет. Видимость не более 10 км. Вокруг какое-то марево. Идем больше по ледово-снежным равнинам, гряды торосов и отдельные ропаки встречаются значительно реже. Под ногами теперь уже не отдельные лужи, а небольшой глубины озера воды. Мы давно сменили пришедшие в полную негодность торбаса на резиновую обувь. Опасаемся за нарты: не подвели бы полозья.

Вчера совсем близко обнаружили медведя с двумя медвежатами. Была возможность убить медведя. Да пожалели медвежат. Наша еда теперь скудная, обходимся нер- пятиной.

Предполагаем, что в настоящее время мы идем по припайному льду. Значит, недалеко и материк.

30 июня.

Когда же закончится этот изнуряющий, мучительный поход? Мы очень устали. И собаки выбились из сил. Собачью упряжку, в основном, ведет Данилыч. Мы же, метеорологи, идем или семеним за собаками, придерживаясь за баран нарты в какой-то полудреме, чуть ли не засыпая на ходу. Иногда кто-то из нас заваливается в полупустую нарту немного отдохнуть. Лишний груз мы выбросили по дороге, даже торбаса. И часть горючего выбросили вместе с бочкой, оставили только двадцатипятилитровую канистру. И, конечно, сохранили палатку.

2 июля.

Сегодня хороший солнечный день с прекрасной видимостью. Сегодня утром обнаружили остров Четырех- столбвой. Теперь он хорошо виден даже без бинокля. Мы прошли его в стороне.

Сейчас остров находится от нас на северо-западе и, как мы предполагаем, до него не менее 70-80 км. А впереди у нас пониженная материковая полоса суши на расстоянии 40-50 км.

Как хотелось нам снова попасть на свой остров! Но идти к нему было уже поздно. Наступил июль, а, как правило, в первой декаде июля в этих местах вскрывается море и припайный лед уносит от берега. Нам надо спешить, иначе существует реальная возможность снова быть унесенными в открытое море. Этого еще нам не хватало!

5 июля.

Берег рядом. Не дошли до него каких-нибудь 5-6 км. Сегодня был тяжелый переход, много воды, и мы порядком приустиали. Причем встретилось хорошее место для установки палатки - сухой плотный снег, можно легко забить костыли для оттяжек. Впереди на пути в километре от палатки видны невысокие сглаженные ветрами гряды торосов, преодолеть которое нам не составит особого труда.

Поставили палатку, поужинали, собак накормили. Тепло, ветра нет, тихо вокруг. Незаходящее полярное солнце золотит окрестность, лаская взор. На душе мирно и спокойно от предвкушения, что завтра мы окажемся на земле. Мы выходим на материк между двумя полярными станциями: Амбарчик и Раучуа. Так к какой станции на завтра путь держать? Как мы предполагаем, расстояние до каждой полярной станции одинаково. Обе станции небольшие, по значимости одного разряда. Но Амбарчик расположен на значительно более крупной реке - Колыме, выше по течению которой поселок «Кресты Колымские» с аэропортом (120 км от устья реки). Поэтому у нас имеется возможность быстрее попасть в Москву. В этот день заснули мы поздно, а я за полночь делал записи в дневнике.

6 июля.

Ужасный день! Правильно говорится: «Человек предполагает, а жизнь располагает». У верующих: «Бог располагает».

Под утро, когда мы спали крепким сном, нас неожиданно разбудил яростный собачий лай. Оказывается, поблизости от нас прошла медведица с двумя медвежатами. Это был, вероятно, тот же медведь, в которого мы накануне не стали стрелять, пожалев медвежат. Почти пустая нарта была закреплена двумяостолами, металлические концы которых недостаточно прочно были забиты в лед. Собаки рванулись, сорвали нарту с «якорей» и с яростным лаем бросились за удалявшимся зверем. Медведица уходила в сторону материка. Когда мы выскочили из палатки, медведица была уже близко от торосов.

Собаки, казалось, нагоняли ее. Захватив карабины, мы бросились вослед. Когда мы достигли гряды торосов и перешли ее, то в шагах пятнадцати увидели вторую гряду - невысокую, но с более частыми торосами. Сначала мы увидели застрявшую в расселине между двух торосов исковерканную нарту, а когда поднялись к ней - перед нами предстала ужасная картина. По противоположному склону гряды в разных позах в беспорядке лежали мертвые собаки. Нам было ясно, как произошла с нашими собаками эта трагедия. Когда нарта застряла в торосах - беспомощные собаки стали рваться в разные стороны и запутались в упряжи. Медведица находилась рядом. Она вернулась к собакам и с яростью расправилась с ними. Двухпудовыми лапами зверь ломал собакам хребты, когтями вспарывал им животы. Две собаки еще находились в предсмертной агонии, пришлось их пристрелить. Но одна собака уцелела. Это была Мушка - самая низкорослая и слабая, самая трусливая и никчемная собачонка. И ходила она в упряжке в задней паре, и ей часто попадало от других собак. Эта собачка попала в узкую расщелину между льдами и затаилась. Когда мы ее вытаскивали, она вся дрожала от страха, слабо поскуливала и лизала нам руки. Собак мы оставили на месте на корм песцам и бургомистрам, а Мушку взяли с собой. Захватили с собой и нарту. Оба полоза у нее были сломаны. Пока мы готовили завтрак, Данилыч отремонтировал нарту. К каждому полозу по краям прикрепил по две прочных планки и крепко прикрутил их сыромятными ремешками. Этот материал он всегда держал в запасе. Пока нарта нам еще нужна. После завтрака, загрузившись необходимыми предметами, включая палатку, в 10 часов утра мы поволокли нарту к берегу. Упряжь, конечно, укоротили до четырех потягов. Странная у нас получилась команда. В первой паре - я и Виктор; во второй, сзади - Данилыч и собака Мушка, которая привычно добросовестно исполняла свою работу. Через собачье кладбище не пошли, отклонились несколько в сторону, не хотелось еще раз травмировать душу только что разыгравшейся трагедией.

Прошли обе гряды торосов и вышли примерно на полуторакилометровое поле, за которым были видны другие торосы. Мы торопились. С материка дул свежий, с каждой минутой усиливающийся юго-западный ветер, и он не нравился нам. Торопливо пересекаем открытое пространство и несколько гряд торосов, и вот перед нами открылся незнакомый берег - до него около километра открытого ледяного пространства. Но что там за черная полоса протянулась вдоль всего берега? Не вода ли? Мы идем вперед и спустя четверть часа уперлись в широкое разводье. Берег - то рядом, до него не более двухсот метров. Вода? Не проплыть, не перейти. И здесь мы опоздали! Юго-западный коварный ветер перед самым нашим приходом успел взломать припайный лед. Если бы знать, что такое произойдет, то не стали бы возиться с нартой, даже оставили бы свою палатку и часть необходимых вещей и налегке бросились бы к спасительному берегу. Если бы знать... А в жизни-то часто по-другому получается...

Лед быстро относит от берега. К вечеру нас отнесло от берега километров на десять, а возможно и больше. Море скрадывает расстояние. Что же нам делать?! Сидеть у моря и ждать чуда? Наверное, так. Идти нам некуда и бесполезно. Мы находимся в южной части ледяного поля. Может быть, когда-нибудь и к чему-нибудь пришвартует нашу льдину, что маловероятно. Будем ждать.

Ничего не хочется делать. Даже охотиться на нерпу. А она словно дразнит нас - то и дело появляется вблизи заберега. У нас есть одна нерпа, убитая два дня назад. Нам много и не надо. Собак-то нет.

Вот так бесславно и трагически прошел для нас этот день, 6 июля.

8 июля.

Юго-западный ветер сменился на северо-западный. Но относит нас на восток. Теперь большой чистой воды нет. На воде льдины разных размеров. Стали приходиться в себя. Застрелили двух нерп. Видели медведя, но в плавучих льдах он для нас был недоступен. Без собак на такого сильного хищника охотиться опаснее.

В свое время мы пожалели медведицу, а вот она нас не пожалела. Поэтому сейчас мы находимся в открытом море.

15 июля.

Погода стоит тихая, теплая и солнечная. Наше припайное поле уже взламывало несколько раз. Сейчас мы находимся на огромной льдине размером полтора на один километр, которую полем уже не назовешь. Сегодня я гулял по своей льдине, обошел ее вдоль и поперек. Поблизости от нас находится небольшое озерко опресненной воды. Здесь мы впервые обмылись почти за три месяца нашего странствия, с мылом и мочалкой. Вода, конечно, холодная, но терпели, делали пробежки и быстро обсыхали на солнце. Вокруг необозримый простор - льды и вода. О своем местоположении не имеем представления, дрейфуем на восток или северо-восток. Все-таки не теряем надежды встретить какое-нибудь судно.

17 июля.

Сегодня максимальная температура воздуха плюс 20,5 градусов. За последние дни добыли четыре нерпы. Но едим нерпячье мясо сравнительно мало, так оно надоело. А другой пищи нет. Так получается, что мы находимся в полуголодном состоянии. Нашу льдину снова разодрало на две части. Сокращается наш ледяной островок. Перейти на более крупную льдину пока нет возможности, да и нет желания. Далеко на юге видна земля, крупный остров. Скорее всего, это остров Айон. Остров большой, но не гористый, плоский, низинный. Заметили его вчера. Сейчас он как бы уходит на юго-запад.

19 июля.

С утра надвинулся плотный туман. Три месяца, как мы во льдах. И не знаем, что дальше будет с нами. Немного успокаивает то, что мы плаваем где-то сравнительно недалеко от берега (в сотне или чуть больше км). Такой вывод делаем, ориентируясь по острову Айон. Сейчас началась навигация, и есть возможность встретиться с пароходом.

21 июля.

Туман продолжается. Настроение неважное.

22 июля.

Туман рассеялся. Дует крепкий северо-восточный ветер. По морю гуляют льды. К вечеру ветер усилился, заштормило.

23 июля.

Море успокоилось. Небо облачное, без солнца.

24 июля.

В юго-восточной стороне, где было больше открытой воды, мы заметили небольшое судно. До него не больше 3- 4 км. Полупросохшие нерпичьи шкуры мы обильно облили керосином. Получился большой, с густым черным дымом, костер. И нас заметили. Спустя полчаса к нам подошла небольшая деревянная охотничья шхуна «Нерпа». Здесь нам повезло. Нас взяли на борт вместе с собачкой и убитыми нерпами. Расспросили: откуда мы и как оказались в открытом море. Мы достаточно подробно рассказали о своей горемычной судьбе. Ребята стали наперебой предлагать нам свои услуги. В первую очередь нас накормили, затем ножницами с наших лиц убрали буйную растительность и побрили. О нас сообщили нашему руководству по радиации на мыс Шмидта. Вскоре пришло указание за подписью Зябкина, чтобы шхуна срочно отправлялась к полярной станции Ванкарем, где будет находиться пароход Анадырь, и предать нас капитану парохода. На этом, пожалуй, можно закончить описание нашей ледовой эпопеи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Август 1952 года.

Нахожусь на полярной станции «остров КОЛЮЧИН». Попытаюсь кратко описать, как я сюда попал. Благополучно доставили нас на пароход «Анадырь», обслуживающий большую часть полярных станций восточного сектора Арктики. Спустя несколько дней пароход уже стоял на якоре у мыса Шмидта. Кроме капитана Якова Михайловича Карташова на пароходе находился в качестве пассажира еще один начальник - майор из особого отдела, «особист», которого, как мне кажется, побаивался даже капитан. Нас разместили по разным каютам. По дороге к мысу Шмидта майор-особист пригласил нас в свою каюту. Он долго расспрашивал нас о наших злоключениях, особенно как мы проводили время на станции острова Генриетты. В конце беседы особист сказал нам: «Забудьте, что вы были на острове Генриетты. Об этом никому ни слова. Считайте это государственной тайной. Также считайте, что это время вы провели на полярной станции «остров Четырехстолбовой». Подписки с вас брать я не буду. Надеюсь на ваше благоразумие». Во время беседы в каюте находился армейский капитан от военкомата. Признаться, после такого напутствия особиста мы были несколько обескуражены. Ведь мы считали себя в какой-то степени чуть ли не героями, а тут - держи язык за зубами. Значит, так надо.

Как только «Анадырь» встал на якорь, к нему подошел небольшой катер, на борту которого находилось Шмидтовское начальство от управления Полярных станций Главсевморпути. Я стоял у поручней, когда люди с катера поднялись на палубу. Двое из них на несколько секунд задержались на противоположной стороне палубы, разглядывая меня, затем подошли ко мне.

- Товарищ, вы не с Генриетты будете? - спросил один из них, кто был моложе и повыше ростом.

- С Генриетты. Я Кузнецов.

Вот и хорошо. Вы старший тройки. А я Зябкин, начальник Шмидтовского арктического района, рядом - товарищ Хворастанский, наш парторг. - Мы поздоровались за руку.

- А где ваши товарищи? - спросил парторг. Я назвал номер каюты. — Хорошо, я пойду побеседую с ними, - и парторг оставил нас. Мы немного помолчали, присматриваясь друг к другу. По виду Зябкин мало походил на солидного начальника. Одет был в телогрейку нараспашку, на ногах кирзовые сапоги, на голове изрядно поношенная кепка. Ему было лет под сорок, но он уже успел обрасти небольшим брюшком.

- Почему вы решили самостоятельно покинуть станцию острова Генриетта? Вы же очень рисковали, подвергались смертельной опасности, - наконец заговорил Зябкин.

- Мы полностью не были уверены, что вы знаете о нашем местопребывании. Это во-первых. А во-вторых, где гарантия, что вы могли бы вызволить нас в этом году? - отвечал я.

- Я удивлен вашим словам, товарищ Кузнецов, - сказал Зябкин. - В прошлом году летом к вам дважды посылали самолет. Сбросили вам почту, инструктаж. И в этом году накануне Первомая посылали самолет и также сбросили вам почту, инструкции. А в августе запланировали послать к вам ледокол, снять вас с острова. А вы такое говорите...

Тут я рассказал Зябкину, как в прошлом году нашу станцию дважды посетили самолеты, как была сброшена почта, которая не попала к нам в руки. А по поводу последнего самолета и почты, увы, нас в это время уже не было на острове.

Мне показалось, мои слова смутили собеседника.

- Вот как... Выходит, вы не имели от нас никакой информации. Теперь я начинаю понимать вас, ваше положение, - тихо и участливо произнес Зябкин. - И пилоты тоже хороши, шалопаи. Не сделали контрольный облет. Надо было убедиться, что почта попала по назначению. Все спешат, спешат. Ну, ладно, Кузнецов, теперь все позади. Хорошо, что хорошо кончается. Теперь ледокол отпадает. А он больших денег стоит.

Мы «Красин» думали за вами послать. Это, считай, около тысячи километров пришлось бы сквозь льды пробиваться к вам ледоколу. Далеко..., - Зябкин покачал головой. Мы помолчали. Затем Зябкин попросил меня коротко, немногословно рассказать о нашей ледовой эпопее. Я постарался выполнить его просьбу и уложился за четверть часа. Зябкин слушал меня внимательно, не перебивая, не задавая вопросов. После моего рассказа Зябкин пожал мне руку и сказал, что в исключительно тяжелых, экстремальных условиях мы не сломались, вели себя мужественно и достойно и что он от руководства Управления Полярных станций и от себя лично устно выражает нам благодарность. И дал понять, почему нельзя по-другому отметить благодарность. Я вспомнил беседу с майором - особистом.

Зябкин заспешил к капитану. На прощание сказал, что завтра в это же время он приедет на пароход и чтобы я его ждал. У него есть ко мне разговор. На следующий день в это время я слонялся по палубе в ожидании Зябкина. Неожиданно около меня появился военкоматовский капитан. Он сказал мне, что у меня есть возможность получить офицерское звание. Я ответил, что соответственно специальности я должен иметь офицерское звание, но я не аттестован. Ребята, окончившие Ленинградское Арктическое училище, имеющие такую же специальность, как, напри мер, Виктор Пысин, аттестованные, и при выпуске из училища им присваивается воинское звание лейтенанта. По при ЛАУ есть военная кафедра, и учатся там ребята четыре года.

- Это все поправимо, - вкрадчиво сказал капитан, с неопределенной улыбкой. - Вам только следует написать заявльнице на прием в краткосрочную спецшколу или спецучилище. Всего-то шесть месяцев учебы, тогда вас аттестуют. Получите не лейтенанта, а старшего лейтенанта. Заявление я вам продиктую. Пойдемте ко мне в каюту.

Я решительно отказался принять такое предложение, но капитан не унимался. - И стоит ли прозябать на какой-то полярной станции.

Морозы, льды, снега и пурга несусветные. Что это за жизнь? И работа ваша - разве это мужская работа? То ли дело быть офицером! Подумайте об этом...

- Дайте же ему опомниться после такого потрясения! Вы же знаете, какой он стресс перенес за последний год, - слышался сердитый голос Зябкина. Армейский капитан только кивнул в сторону незаметно подошедшего Зябкина и молча быстро удалился.

- Вот тип навязался на нашу голову, - недовольно сказал Зябкин. - Обещает горы золотые. И некоторые товарищи, твоего примерно возраста, клюют на его приманку, лезут в омут головой. Ты правильно сделал, что отказался. А некоторым офицерские погоны захотелось надеть. Не надо забывать, что сейчас идет война в Корее.

Я спросил Зябкина, кто эти ребята, возможно, есть и мои знакомые. Зябкин назвал пять или шесть фамилий. Среди которых были Юрий Серов и Юрий Бухтинков, мои однокурсники и одногодки.

- Военкомат особенно гоняется за радистами, - продолжал Зябкин. - Наши радиооператоры берут на ключ, как минимум, 150 знаков в минуту, а армейские едва дотягивают до 120.

- Я не понимаю, почему им нужно добровольно написать заявление. Военкомат может просто забрить в армию, не спрашивая нашего согласия, - сказал я.

- Нет, Саша, тут дело другое, - Засмеялся Зябкин (впервые назвал меня по имени). - Военкомату нужно именно добровольное твое согласие. Тем более из нашей системы. Ну, хватит об этом. Перейдем к делу. - Тут мой собеседник умолк на время, затем заговорил как-то душевно, доверчиво:

- Саша, теперь я тебе делаю предложение. Ты, конечно, можешь отказаться, но я рассчитываю на положительный ответ. Хочу предложить тебе должность старшего гидрометеоролога на полярной станции остров КОЛЮЧИН. Сейчас там только два метеоролога - супруги Балкины. Коллектив там здоровый, дружный и начальник станции прекрасный человек.

- Ну, как я помню, на эту станцию был направлен мой однокурсник Равиль Маматов, - сказал я. - Правильно. Он замутил коллектив, пошли склоки. Бывший начальник станции Ставров в общем-то неплохой человек, не смог вовремя остановить склочника, и Константин Александрович из-за Маматова раньше времени покинул станцию по состоянию здоровья. А Маматова месяц назад пришлось уволить из нашей системы. Так как ты смотришь на мое предложение, Саша?

Я какое-то время молчал. С одной стороны - я изрядно устал и мне очень хотелось попасть на Большую землю, в свое родное Сельвачево. С другой стороны - сам начальник Арктического района делал мне лестное предложение, подкупал его доверительный тон. Я согласился. Зябкин засмеялся, дружелюбно похлопал меня по плечу и сказал, что другого ответа он и не ожидал. - Когда я попаду на остров Колючин? - спросил я.

- Через два дня будешь на рабочем месте. Недалеко работает гидрографическое судно «Геолог». Сегодня дам команду, и завтра утром «Геолог» прибудет сюда и отвезет тебя к месту назначения. И еще. В ваших трудовых книжках не будет острова Генриетты. Запомни: последнее место твоей работы - полярная станция «остров Четырехстолбовой», с которой тебя переводим с повышением на полярную станцию остров Колючин. О Генриетте забудь. Ты же был у особиста?

- Я все понял, - сказал я. - А что будет с моими товарищами?

- Твои товарищи поедут домой. Им нужен отдых. Тот молодой, сильно ослабевший парень, с потухшим взором, я думаю, больше не вернется в Арктику, а другой - якут, обязательно приедет на зимовку. Сказал, что в следующий раз с женой приедет. Такие нам здесь нужны. - Тут Зябкин как-то критически оглядел меня и сказал шутливо: - Тебе бы тоже не мешало жирком обрасти. Больно уж тощим выглядишь.

Это поправимо. На колючинских харчах быстро поправлюсь, - в тон ответил я ему. Мы простились. После напутственных слов Зябкин поднялся на спардек, видимо, к капитану. Потом я уже его не видел.

На другой день утром к «Анадырю» подошел «Геолог», который и доставил меня на полярную станцию «остров Колючин». Но прежде как поставить точку в своей ледовой истории, хотелось бы немного остановиться на начальнике Шмидтовского арктического района, как человеку - личности. Меня с ним было всего две встречи, и сейчас я вспоминаю все его слова при нашем разговоре. Конечно, Зябкин для меня значительный начальник. Но с первых же минут нашего знакомства он так сумел себя показать, что невольно расположил к себе незнакомого для себя человека, в данном случае, своего подчиненного, вызвал к себе положительную реакцию. Он вел со мной непринужденный разговор как бы на равных и к концу нашей первой встречи как-то незаметно перешел на ТЫ. Я почувствовал, что он ко мне присматривается. На другой день при встрече он неожиданно предложил мне должность старшего гидрометеоролога на этой станции. Предложение было сделано в непринужденной, доверительной форме. Начальник меня не принуждал, не приказывал, а дал возможность сделать выбор. Своим доброжелательным расположением ко мне, в непринужденной беседе, он подготовил меня принять его предложение. А как хотелось домой, и такая возможность у меня была!

Зябкин не прост, но и не хитер. Он мудрый начальник. Этого человека я буду помнить, пока буду жив.